

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Во градѣ Святаго Петра
1793 года.
Цѣна безъ перепл. 90 коп.

Съ дозволенія указнаго.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

ПИСЬМО XLVI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Селиби.

18 Марта.

Ты найдешь въ семь конвертѣ письмо *Сира Карла* къ сестрѣ своей, которое содержитъ въ себѣ благополучный успѣхъ того предпріятія, коего окончанія мы столь скоро не надѣялись. *Сиръ Карлъ*, какъ ты увидишь, не обвиняетъ сестру свою въ нерешительности. Онъ и не могъ того сдѣлать безъ нарушенія своей справедливости. О дражайшая *Шарлотта!* сколько унижена твоя гордость подлостію мущины. Но не станемъ болѣе о томъ говорить, любезная моя, письмо мое предъ твоими глазами. Сдѣлай милость пришли мнѣ его при первомъ случаѣ.

Въ семь конвертѣ находится и другое, которое сообщилъ мнѣ *Докторъ Барлетъ*. Вотъ награжденіе за мою откровенность, которая возбудила и его ко мнѣ искренность. Онъ позволяетъ мнѣ всегда входить въ свой кабинетъ, гдѣ я съ превеликимъ удовольствіемъ препровождаю четверть часа въ разговорахъ посреди важныхъ его упражненій. Онъ обѣщаль мнѣ рассказать ту свою исторію, какъ онъ познакомился съ *Сиромъ Карломъ*, и я ожидаю оной тѣмъ съ большею нетерпѣливостію, что она содержитъ въ себѣ, говоритъ онъ, нѣкоторыя обстоятельства поведенія молодаго *Кавалера* въ первыхъ годахъ его путешествій, также поступки самаго любезнѣйшаго изъ его друзей, называемаго *Г. Бельшеромъ*, коего *Докторъ* именуетъ вторымъ *Сиромъ Карломъ*. У него всѣ сіи подробности собраны на письмѣ и онъ по своей ко мнѣ милости обѣщаль дать мнѣ прочесть то, что можно сообщить мнѣ не учиня нескромности; но я не осмѣливаюсь столь далеко простирать своей смѣлости. *Миссъ Грандиссонъ*, будучи не столько робка, клялась принудить его открыть все шт, что не можетъ почестся совершенною тайностію. Естьли первой, говоритъ она, не могъ противиться женщинѣ, то какже *Докторъ* можетъ противустоять тремъ, изъ коихъ каждая не менѣе имѣетъ любопытства какъ и первая, кои всѣ его любятъ и коихъ онъ почитаетъ? Ты видишь, любезная моя, что *Миссъ Грандиссонъ* пришла щастливо въ первое свое состояніе, и довольно ободрилась.

ПИСЬМО XLVII.

(Заключающееся въ предъидущемъ)

Сирь Карль къ Доктору Барлету.

Въ пятницу 7 Марта.

Въ сію ночь, любезной *Докторъ*, я былъ при погребеніи тѣла достойнаго моего друга *Г. Данби*. Я приказывалъ чтобъ оба его племянники и племянница были при семъ плачевномъ обрядѣ: но они не бывали.

А поелику завѣщаніе не прежде должно было развернуть, какъ послѣ погребенія, потому что *Г. Данби* словесно объявилъ мнѣ о томъ свое намѣреніе; то я приказалъ сего утра предложить имъ быть при открытіи онаго. Стряпчей ихъ, по имени *Г. Сильвестръ*, принесъ ко мнѣ письмо подписанное всѣми тремя, въ коемъ они извиняются очень неосновательными причинами, прося меня заблагопринять, что онъ заступаетъ ихъ мѣсто. Я далъ ему выразумѣть, что таковой поступокъ не оказываетъ ни уваженія къ памяти ихъ дяди и ни учтивости ко мнѣ. Онъ согласился на то весьма честнымъ образомъ; но при томъ сказалъ въ оправданіе ихъ, что *Г. Данби* объявилъ имъ за нѣсколько времени передъ своею смертію, что онъ сдѣлалъ завѣщаніе и что они не должны надѣяться отъ него многого; и такъ будучи воспитаны подъ его смотреніемъ, надѣясь получить себѣ въ наслѣдство его имѣніе и не подавъ ему ни какой причины къ неудовольствію, не пожелали быть при открытіи такого завѣщанія, отъ коего они ожидали единыхъ только предметовъ печали.

Я развернулъ оное передъ глазами *Г. Сильвестра*. Оно ясно показывало человѣка раздраженнаго, которой доказывалъ причины своего гнѣва противъ такого брата, отъ коего, какъ я уже тебѣ сказалъ, дѣйствительно онъ претерпѣлъ самыя жесточайшія обиды. Не взирая на то я чувствительно былъ тронутъ, видя что онъ простиралъ сей гнѣвъ даже до несчастныхъ дѣтей виновника въ такомъ завѣщаніи, которое онъ написалъ за три недѣли до сего времени, то есть до скончанія такой жизни, въ коей онъ еще за три мѣсяца отчаялся. Со всею тою любовію, которую ощущаю я къ памяти друга, я вопрошаю: на чемъ остановилось бы его мщеніе, естлибъ онъ былъ могущественнымъ Монархомъ, которой бы могъ исполнить оное и при послѣднемъ своемъ издыханіи? Съ другой стороны, не ясно ли видно что племянники, естлибъ имѣли власть наказали бы своего дядю за то, что разполагалъ по своему соизволенію такимъ имѣніемъ, коимъ онъ обязанъ единому своему искусству? Онъ довольно издерживалъ для ихъ воспитанія, онъ привелъ ихъ въ совершенное состояніе и подалъ имъ такую помощь, коей они не могли надѣяться и отъ своего родителя, которой былъ человѣкъ злой и разорился отъ распутной своей жизни. Не имѣли ли бы они гораздо большаго права къ тому наслѣдству, которое оставилъ имъ ихъ дядя,

еслибъ приняли съ великою благодарностію ту небольшую сумму, которую онъ имъ назначилъ.

Г. *Данби* отказалъ каждому изъ трехъ по тысячѣ фунтовъ Стерлинговъ, но съ точнымъ договоромъ, чтобъ они его душеприкащику, въ теченіе трехъ мѣсяцовъ подписались, что такую сумму принимаютъ и больше требовать не должны. Если же они того не сдѣлаютъ, то по прошествіи срока три тысячи фунтовъ должны быть употреблены на другія надобности прописанныя въ завѣщаніи. По томъ называетъ онъ меня своимъ душеприкащикомъ и наслѣдникомъ всего его имѣнія, приведя въ подтвержденіе то, что я спасъ ему жизнь. Онъ оставляетъ нѣкіе знаки своего великодушія въ память свою многимъ друзьямъ живущимъ во Франціи, и въ особенной статьѣ проситъ своего душеприкащика употребить три тысячи фунтовъ Стерлинговъ на подаванія либо во Франціи либо въ Англіи. Роспись же всего имѣнія приложенная при завѣщаніи заключаетъ въ себѣ всѣ его вещи, какъ то: серебряныя деньги, банковыя бумаги, акціи и драгоценныя каменья, всего нѣкою съ лишкомъ на тридцать тысячъ фунтовъ Стерлинговъ.

Г. *Сильвестръ* изъявилъ мнѣ свою радость о такой щастливой тонѣ; (такъ назвалъ онъ тѣ выгоды, кои я могу получить отъ сего подарка). Онъ мнѣ сказалъ, что будетъ совѣтовать его покровительствуемымъ почитать себя довольнымъ отказаннымъ имъ имѣніемъ и что признаетъ ихъ тѣмъ болѣе къ тому расположенными, что по послѣднимъ объявленіямъ ихъ дяди, они опасались, что при всей ихъ надеждѣ не болѣе ста гвиней на каждого получатъ.

Я извѣстился о ихъ склонностяхъ и намѣреніяхъ. Все что я о нихъ ни узналъ принесло мнѣ великое удовольствіе. Племянница, говорятъ, вступила уже въ любовныя дѣла. Родитель ихъ будучи презираемъ всѣми послѣ злодѣйскаго своего покушенія на жизнь братнюю, уѣхалъ на острова, и по послѣднимъ извѣстіямъ узнали, что его здравіе и имѣніе находятся въ плачевномъ состояніи въ Барбадѣ. Можетъ быть его уже нѣтъ и на свѣтѣ. Я просилъ Г. *Сильвестра* склонить трехъ молодыхъ особъ своими совѣтами разсудить нѣсколько о своемъ поступкѣ. Я ему сказалъ, что намѣренъ поступить съ ними милостиво; что я просилъ у нихъ довѣренности, дабы сами извѣстили меня о своемъ состояніи и что рѣшился въ память ихъ дяди оказать имъ всякія услуги. Словомъ, сказалъ я Г. *Сильвестру*, увѣрьте ихъ что малодушіе другаго не можетъ учинить меня малодушнымъ.

Онъ вышелъ отъ меня будучи весьма доволенъ и два часа спустя засвидѣтельствовалъ мнѣ письменно благодарность имъ покровительствуемыхъ, прося у меня по ихъ прозьбѣ позволенія привести ихъ ко мнѣ послѣ обѣда. Но какъ нѣкоторыя посѣщенія и другіе недосуги занимавшія меня остальное время дня не позволяли мнѣ

принять ихъ такъ скоро, какъ я того желалъ; то и просилъ ихъ пожаловать ко мнѣ къ ужину съ добродушнымъ ихъ адвокатомъ.

Я предполагаю, что въ Колнеброкѣ всѣ находятся въ добромъ здоровіи, куда я не пошлю письма до тѣхъ поръ, пока ни присовокуплю къ сему повѣствованію обстоятельствъ нашего свиданія.

Въ пятницу въ вечеру.

Г. *Сильвестръ*, съ видомъ изъясляющимъ сердечное его удовольствіе, представилъ мнѣ сперва *Миссъ Данби*, потомъ обѣихъ ея братьевъ, которые приняли первыя мои ласки съ нѣкимъ замѣшательствомъ, какъ будто бы заслуживали какую укоризну или искренно жалѣли о томъ, что были предупреждены. Сестра имѣла видъ гораздо вольнѣе, будучи не менѣе отъ того скромна; а посему-то я и судилъ, что она менѣе была хулы достойна нежели ея братья, кои, какъ весьма вѣроятно кажется, ею управляли. *Миссъ Данби* весьма любезная молодая особа. Г. *Томасъ* и Г. *Едуардъ Данби*, равно молоды, милой физіономіи и разумны.

Съ первой минуты я уничтожилъ въ нихъ всякое безпокойство и мы сѣли всѣ съ видомъ довѣренности и дружбы. Я не желаю васъ утруждать, сказалъ я имъ, чтеніемъ завѣщанія вашего дяди; довольно будетъ повторить вамъ то, о чемъ уже вы извѣстились отъ Г. *Сильвестра*, каждому изъ васъ опредѣлено по тысячѣ фунтовъ Стерлинговъ.

Они поклонились мнѣ весьма низко; а старшей братъ объявилъ мнѣ, что они принимаютъ отказанное имъ по духовной.

Я паки началъ говорить: еще три тысячи фунтовъ надлежитъ роздать бѣднымъ, по волѣ душеприкащика. Есть еще нѣсколько подарковъ, кои назначены тремъ или четверемъ друзьямъ вашего дяди. Остальное же имѣніе, состоящее почти изъ двадцати четырехъ тысячъ фунтовъ Стерлинговъ, отказано по духовной душеприкащику, коего онъ также называетъ общимъ наслѣдникомъ; это такая милость, которой онъ столь же мало желалъ, сколько и надѣялся.

Старшій братъ сказалъ, наклоня ко мнѣ голову: Богъ да благословитъ оное въ рукахъ вашихъ! младшей присовокупилъ къ тому: оно досталось въ руки честнѣйшему человѣку. Молодая дѣвица пошевелила губами; и хотя не произнесла ни единого слова, но я читалъ въ глазахъ ея, что она мнѣ тогожъ желала.

Мнѣ кажется, дражайшій *Докторъ*, что весьма было бы невеликодушно держать людей въ недоумѣніи, хотя бы то было и съ намѣреніемъ имъ услужить. Удовольствіе, кое находятъ приводя другихъ въ удивленіе, не отъ инаго чего происходитъ въ подобномъ сему случаѣ, какъ отъ тщеславія заключающаго въ себѣ нѣкое оскорбленіе. Я чрезвычайно желаю, сказалъ я имъ, быть вамъ полезнымъ. Изъяснитесь мнѣ обстоятельно, государи мои, можетъ быть я буду просить позволенія

у вашей сестрицы переговорить съ нею на единѣ, что вы надѣялись получишь отъ вашего дяди? что нужно было, дабы слѣдовать съ нѣкоюю выгодною тому намѣренію, съ какимъ каждый изъ васъ разположень былъ вступить въ свѣтъ? Я увѣрялъ Г. *Сильвестра*, что готовъ оказать вамъ всякія услуги. Но вы, Г. мой, (оборотясь къ старшему, которой хотѣлъ было говорить) разсудите пожалуйста о томъ, прежде нежели станете мнѣ отвѣчать. Это дѣло весьма важное. Не скрывайте отъ меня ничего. Я люблю откровенность и истинну. Я выду на часъ, а вы можете въ сіе время посовѣтоваться. Вы меня увѣдомьте, когда примете свои рѣшенія.

Я пошелъ въ кабинетъ и по прошествіи нѣкоего времени они велели мнѣ сказать, что ожидаютъ моихъ приказаній. Я возвратился къ нимъ. Они смотрѣли нѣсколько минутъ другъ на друга. Говорите, Г. мой, сказалъ я ему. Не опасайтесь мнѣ изъясниться. Считайте меня по вашему дядюшкѣ за своего брата. Старшей хотѣлъ лишь говорить, но видя его колеблющагося при первыхъ словахъ я повторилъ, говорите смѣлѣе. Я хочу самъ открыть вамъ къ тому путь. Какое теперь ваше состояніе, Г. мой? къ чему склонны теперь ваши способности?

Родитель мой, Г. мой, нещастія моего родителя....

Не будемъ о томъ говорить, Г. *Данби*. Предадимъ забвенію бытіе вашего родителя. Я полагаю, что всѣ ваши чаянія основывались на милости вашего дяди.

Дядя мой воспиталъ насъ..... дядя мой, какъ мнѣ такъ и моему брату, далъ по тысячѣ гвиней для пріученія насъ къ торговлѣ. У насъ еще есть по пяти сотъ, а остальные находятся у вѣрныхъ людей.

Дядя вашъ, Г. мой, былъ челоуѣкъ предостойной. Мы должны имѣть на всегда почтеніе къ его памяти. А въ какой торгъ вы вступили, Г. мой?

Въ торгъ производимой въ Западной Индіи.

Какія же ваши намѣренія въ семъ промыслѣ?

Я весьма бы иного получилъ по онимъ, Г. мой, естлибъ Богу угодно было..... Купецъ, къ коему я пріобшился, предлагалъ моему дядѣ что беретъ меня къ себѣ въ четвертую долю, а по прошествіи года хотѣлъ взять меня въ половину.

Сіе намѣреніе приноситъ вамъ великую честь, Г. мой, и доказываетъ что онъ весьма доволенъ вашимъ поведеніемъ. Купецъ вашъ имѣетъ ли и теперь таковое разположеніе?

Ахъ ! Г. мой.

А съ какими договорами, Г. мой, желаетъ онъ принять васъ въ четвертую долю?

Съ тѣмъ договоромъ, Г. мой, дабы дать ему четыре тысячи гвиней. Но мой дядюшка говорилъ намъ, чтобъ мы болѣе трехъ тысячъ не надѣялись; выключая его первой щедрости: а когда онъ извѣстился о смерти и поведеніи моего родителя, то объявилъ намъ, что мы ничего

болѣе не должны отъ него надѣяться. По истиннѣ сказать тысяча фунтовъ Стерлинговъ, кои онъ намъ оставляетъ по своей духовной, весьма превосходитъ наше чаяніе.

Я люблю вашу откровенность. Но скажите мнѣ, полезны ли будутъ четыре тысячи гвиней для вашего состоянія?

Естьли говорить вамъ съ сущою откровенностію, Г. мой, то сообщникъ мой имѣлъ намѣреніе, когда бы не воспослѣдовало какой перемѣны, выдать за меня по прошествіи года свою племянницу и тогда принять меня въ половинную долю своего промысла: а по сей-то причинѣ мое имѣніе вдругъ бы усугубилось,

Любители вы сію племянницу?

О! Г. мой, люблю ли я ее!

И увѣрены ли вы, что она имѣетъ, равныя къ вамъ чувствованія?

Естьлибъ ея дядя... я конечно въ томъ увѣренъ, Г. мой, естьлибъ ея дядя могъ на то склонить моего.

Хорошо, Г. мой, я заступаю, теперь мѣсто вашего дяди. Но выслушаемъ вашего брата. Что вы скажете, Г. *Едуардъ*? Желаете ли и вы также меня увѣдомить о своемъ состояніи и о намѣреніяхъ?

Одинъ богатой купецъ, Г. мой, торгующей французскими винами взялъ меня къ себѣ; онъ препоручилъ мнѣ всѣ свои торги, и я думаю что онъ намѣренъ былъ раздѣлить свое имѣніе между мною и своимъ племянникомъ, естьлибъ я могъ доставить ему половину его капитала.

А въ какой суммѣ имѣли вы нужду? О? Г. мой! мнѣ нужно было имѣть шесть тысячъ фунтовъ Стерлинговъ. Но естьлибъ мой дядюшка опредѣлилъ мнѣ и три тысячи фунтовъ, въ коихъ онъ меня сперва обнадѣжилъ; то я могъ бы достать другую половину за небольшой процентъ. Я приобрѣлъ бы себѣ чрезъ то добрую славу.

Но естьли каждый изъ васъ надѣялся получишь не болѣе трехъ тысячъ гвиней; то какъ вы думали, кудабы онъ, употребилъ остальное свое имѣніе?

Вы думали, отвѣчалъ мнѣ Г. *Едуардъ*, что сдѣлалъ васъ главнымъ наслѣдникомъ съ того времени, какъ обязанъ сталъ вашей храбрости своею жизнію. Мы никогда ее ласкались получить въ наслѣдство все его имѣніе, а при отъѣздѣ моемъ во Францію онъ объявилъ мнѣ что отдастъ вамъ большую часть своего имѣнія.

Онъ мнѣ никогда сего не объявлялъ. Я ничего иннаго не дѣлалъ, какъ защищалъ свою жизнь, предохраняя его. Онъ всегда ставилъ за великую цѣну мои услуги; но естьлибъ вашъ купецъ оставилъ вамъ половину своего капитала, то вздумали бы вы, Г. *Едуардъ*, приумножишь оное супружествомъ?

Женщины составляютъ единое бремя, Г. мой: естьлибъ я былъ надъ собою властенъ, то никакого бы не имѣлъ труда въ выборѣ оныхъ. Я могъ бы сыскать тысячу. Сестра его весьма оскорбилась симъ отвѣтомъ. Его

братъ не болѣе былъ тѣмъ доволенъ; а Г. *Сильвестръ* дожившій до старости въ холостой жизни тому засмѣялся. Чтожъ касается до меня, то сей отвѣтъ показался мнѣ весьма удивительнымъ въ такихъ лѣтахъ: сущія купеческія слова, подумалъ я въ себѣ. Теперь, государь мой, угодно ли вамъ, чтобъ я нѣсколько минутъ переговорилъ съ вашею сестрицею на единѣ? Окажите ли вы мнѣ сію довѣренность, *Миссъ Данби*? или не лучше ли желаете, чтобъ я здѣсь предложилъ вамъ мои вопросы?

Г. мой, ваше свойство столь извѣстно, что я безъ всякаго сумнѣнія за вами послѣдую.

Я взявъ ее за руку повелъ въ своя кабинетъ, коего дверь ведущую въ ту горницу, гдѣ находились ея братья оставилъ отворену. Я просилъ ее сѣсть и самъ сѣлъ подлѣ ее, не преставаая держать ее за руку. Теперь, любезная *Миссъ Данби*, сказалъ я ей, вы должны считать меня такъ какъ душеприкащика вашего дяди, то есть, какъ друга, его самаго представляющаго. Естьлибъ вы видѣли предъ собою любезнаго сего дядю и естьлибъ онъ просилъ васъ сказать ему то, въ чемъ состоитъ ваше благополучіе, увѣряя что онъ все для васъ сдѣлаетъ; то не открыли бы вы ему внутренности вашего сердца? Я прошу отъ васъ равномерной откровенности. При всемъ томъ есть между нами только та разница, что вашъ дядюшка имѣлъ справедливый гнѣвъ противъ вашего родителя, хотя простеръ оный и весьма далеко, даже до невинныхъ племянниковъ: но я напротивъ того получивши теперь всю его власть имѣю одно искреннее желаніе служить вамъ; желаніе, какое бы онъ имѣлъ и самъ находясь въ благополучномъ положеніи. И такъ скажите мнѣ, что я могу для васъ сдѣлать?

Миссъ Данби заплакала. Она потупила свои взоры. Въ смятеніи своемъ она выдергивала ниточки изъ платка своего; но я не могъ отъ нея получишь инаго отвѣта, кромѣ свидѣтельства глазъ ея, кои она однажды возняла къ небу.

Изяснитесь, любезная моя *Миссъ Данби*, я прихожу въ отчаяніе опечаливая васъ; подайте мнѣ какое ниестъ извѣстіе о своемъ состояніи; по примѣру вашихъ братьевъ. Живете ли вы съ которымъ изъ нихъ?

Нѣтъ, Г. мой, я живу съ тетушкою, сестрою моея матери.

Благосклонно ли она съ вами поступаетъ?

Весьма благосклонно, Г. мой; но у нее много дѣтей. Не взирая на то она ничего не жалѣла для моего воспитанія. Доходъ получаемой съ данной мнѣ дядею такой же суммы, какъ и моимъ братьямъ, она отдала въ хорошія руки, она привела меня въ состояніе жить честно. А по своей бережливости у меня еще оставалось и на прочія надобности.

Изясная дѣвица! подумалъ я. Какъ же братъ твой *Едуардъ* осмѣлился сказать, что женщины составляютъ единую тягость? Онъ гораздо превосходятъ економіею мушцинь.

Дядюшка вашъ, сударыня, конечно не лишилъ васъ своей милости; ибо столько же вамъ опредѣлилъ какъ и вашимъ братцамъ. Онъ тоже самое учинилъ и въ своемъ завѣщаніи; вѣрьте, что я представляю въ точности его особу послѣдую равномерно и его намѣреніямъ; но могу ли я васъ спросить, какъ бы и вашъ дядюшка учинилъ, извѣстенъ ли вамъ такой человѣкъ, коего бы вы предпочли всѣмъ другимъ?

Она мнѣ ничего не отвѣчала. Она потупила взоры, и начала опять дергать нитки изъ платка своего. Я позвалъ ея брата *Едуарда* и спросилъ его, не знаетъ ли онъ склонностей сестры своей? для чего женщины, любезной мой *Докторъ*, стыдятся признаваться въ похвальной склонности? Что находятъ онъ хулы достойнаго въ любви, когда она основана на честности и скромности?

Г. Едуардъ началъ мнѣ рассказывать любовную повѣсть сестры своей, между тѣмъ какъ сія любвидостойная дѣвица краснѣя при каждомъ словѣ стояла потупя взоры въ прелѣстномъ смущеніи. *Г. Гардъ*, сынъ богатаго купца торгующаго въ Турціи, есть тотъ молодой человѣкъ, съ коимъ *Миссъ Данби* помѣнялась сердцами. Отецъ *Г. Гарда*, живущей по близости своего помѣстья, послалъ его въ Азіатскую свою контору, подъ тѣмъ видомъ дабы пріучить его къ дѣламъ; но въ самомъ дѣлѣ дабы отдалить его отъ *Миссъ Данби*, коей онъ совершенно не хотѣлъ имѣть за своимъ сыномъ, не узнавъ что сдѣлаетъ для нее ея дядя. Молодой любовникъ по прошествіи нѣкоего времени возвратился; а дабы получить позволеніе жить въ Лондонѣ, то обѣщался своему родителю не жениться безъ его соизволенія. Впрочемъ *Г. Эдуардъ* увѣряетъ, что онъ страстно любитъ его сестру и клялся никогда не жениться на другой женщинѣ.

Я его спросилъ, не дѣлалъ ли сей родитель другихъ какихъ возраженій, выключая имѣнія противъ выбора своего сына. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, съ братнею горячностію, невозможное дѣло, чтобъ онъ дѣлалъ какія другія. Во всемъ Королевствѣ нѣтъ столь благоразумной дѣвицы, какъ моя сестра, хотя и не весьма прилично хвалить ее брата.

По чему такъ, *Г. мой*? Развѣ мы не должны отдавать нашимъ родственникамъ той справедливости, какую отдаемъ другимъ. Но я понимаю, что отецъ препровождая всю свою жизнь въ обогащеніи себя, не весьма бываетъ доволенъ тѣмъ, когда видитъ своего сына вступающаго въ бракъ несоотвѣтственной его желаніямъ. Когда родители должны оказывать дѣтямъ своимъ снисхожденіе; то равномерно имѣютъ право требовать отъ нихъ повиновенія и почтенія. Вы конечно досадуете на родителя *Г. Гарда*. Признайтесь въ томъ *Миссъ Данби*.

Я хотѣлъ только знать, что она мнѣ на то отвѣчать станетъ.

По истиннѣ. *Г. мой*, я нимало на то не досаую. *Г. Гардъ* есть отецъ и слѣдственно знаетъ лучше всякаго другаго какъ тутъ поступать должно. Я многократно его говорила и его сынъ самъ признался, что будучи у него

не одинъ не имѣетъ права жаловаться. Правда, Г. мой, присовокупила она потупя глаза, что разговаривая съ нимъ, мы иногда желали.... Но къ чему служить желанія!

Г. *Едуардъ* сказалъ, что поелику его сестра имѣетъ теперь двѣ тысячи фуншовъ Стерлинговъ; то можно надѣяться, что старый Г. *Гардъ*, знающей склонности своего сына....

Старый Г. *Гардъ*, прервалъ я рѣчь его, не сдѣлаетъ ничего противнаго своимъ или другихъ своихъ дѣтей выгодамъ; племянница же достойнаго моего друга никогда не вступитъ въ его фамилію, естли не будетъ принята съ уваженіемъ.

Въ сіе время мнѣ доложили, что ужинъ уже готовъ. Я повелъ моихъ гостей въ столовую залу, подавши руку *Миссъ Данби*. Начнемъ, сказалъ я имъ небольшимъ торжествомъ, при коемъ я желаю, чтобъ дружество купно съ радостію между нами господствовали. Когда ваше благополучіе за виситъ отъ меня, то почитайте себя всѣ трое щастливыми.

Ты легко судить можешь, любезный мой *Докторъ*, что имѣя столь чувствительное сердце я ощущалъ великое удовольствіе, видя у сихъ особъ совершенно противной прежнему видъ. Усматривая благодарность во взорахъ сестры и въ словахъ двухъ братьевъ, я нѣсколько разъ представлялъ себѣ, что вижу дражайшаго *Данби*, устремляющаго на насъ свои очи, восхищающагося выборомъ душеприкащика, которой, какъ онъ зналъ, рѣшился исправить тѣ погрѣшности, кои произошли съ одной стороны отъ излишняго его гнѣва, а съ другой отъ чрезвычайной его благодарности. Я объявилъ *Томасу Данби*, что, съ означеннымъ ему отъ дяди наслѣдствомъ онъ можетъ получить пять тысячъ фунтовъ Стерлинговъ и что отъ него зависитъ вступить въ обязательство съ своимъ благодѣтелемъ въ разсужденіи его племянницы и распорядженій своихъ въ торговлѣ. Я учинилъ равномѣрное объявленіе Г. *Едуарду Данби* и увѣщевалъ его также заключить обязательство съ своимъ. Вы же *Миссъ Данби*, продолжалъ я обратясь къ ней, можете сказать любезному вашему Г. *Гарду*, что выключая принадлежащихъ уже вамъ двухъ тысячъ фунтовъ имѣете къ его услугамъ еще пять тысячъ фунтовъ Стерлинговъ. И естли сего количества денегъ не довольно будетъ для вашихъ распорядженій; то покорно васъ прошу меня о томъ увѣдомишь. Хотя бы онаго было довольно или нѣтъ, но мое почтеніе къ вашему дядюшкѣ не можетъ на семь ограничиться. Я совершенно не желаю быть богачѣ теперешняго. Естли у васъ есть другіе родственники: то вы можете меня увѣдомить какъ о нихъ, такъ и о ихъ состояніи, дабы я былъ въ состояніи исправишь завѣщаніе, написанное во время столь продолжительной болѣзни, которая можетъ быть изтребила нѣчто изъ памяти челоуѣка съ природы кроткаго и благодѣтельнаго.

Они отвѣчали мнѣ однимъ пролитіемъ слезъ. Сперва они взирали другъ на друга и утирали глаза, а потомъ вдругъ начали плакать. Г. *Сильвестръ* также проливалъ отъ радости слезы. Я же примѣтя, что мое присудствіе могло отягчить ихъ еще болѣе, тотчасъ подъ нѣкоторымъ видомъ вышелъ. По моемъ возвращеніи желая пощадить ихъ отъ смущенія предупредилъ я Г. *Томаса Данби*, которой хотѣлъ было говорить. Дражайшіе друзья мои, я усматриваю въ глазахъ вашихъ честныя чувствованія вашихъ сердець. Думаете ли вы, что я неравное вашему ощущаю удовольствіе? Я почитаю себя чрезвычайно награжденнымъ по тому засвидѣтельствуванію, которое могу себѣ отдать за то что учинилъ хорошее употребленіе изъ порученнаго мнѣ вашимъ дядею имѣнія. Почитайте учиненное мною за долгъ, исполненіе коего наложено на меня темъ Провидѣніемъ, коему вы обязаны отдавать благодареніе, яко главную должность вашего закона. Словомъ, единое право, кое я себѣ приписываю, состоитъ въ томъ, дабы совѣтовать вамъ во всѣхъ предпріятіяхъ быть милостивыми и справедливыми.

Оба братья простерши руки къ небу клялися, что примѣръ ими видимый, просвѣщаетъ сердца ихъ, и обѣщались предъ Богомъ никогда оныя отъ него не укрывать. Потомъ сестра ихъ учинила равномѣрное засвидѣтельствованіе. Г. *Сильвестръ*, будучи восхищенъ сею признательностію прослезясь сказалъ, что онъ съ нетерпѣливостію желаетъ привести въ порядокъ свои дѣла и сыскать случай подражать такому дѣянію, въ коемъ онъ поставлялъ всю свою награду.

Естьли въ простомъ родѣ, дражайшей мой *Докторъ*, примѣръ малаго благодѣянія толикое произвелъ впечатлѣніе надъ сердцемъ четырехъ особъ, не имѣвшихъ впрочемъ нималѣйшей искры подлости: то какія не можно бы было произвести дѣйствія надъ сердцемъ *Государей* или надъ всѣми тѣми, кои обладаютъ чрезвычайными богатствами? Однако я исполнилъ, какъ ты видишь, только одинъ долгъ справедливости. Я не отдамъ ничего себѣ принадлежащаго по той власти, которую я пріобрѣлъ отъ сего завѣщанія и можетъ быть оно досталось мнѣ для того, дабы вамъ испытать безпристрастіе моего сердца. Но сколь мы малодушны, любезной мой другъ, когда поставляемъ себѣ за достоинство и за предметъ радости, что избѣжали худаго дѣянія!

Расходясь съ ними я просилъ обоихъ братьевъ увѣдомить меня въ успѣхъ ихъ переговоровъ; и сказалъ имъ, что въ какую бы сторону оный ни обратился, но я какъ возможно скорѣе постараюсь отдать, какъ имъ такъ и сестрѣ ихъ, всѣ тѣ свидѣтельства, по коимъ они могутъ быть увѣрены въ принадлежащемъ имъ имѣніи. Я съ великимъ трудомъ могъ принудить ихъ молчать. Сестра ихъ паки заплакала; и когда я прощаясь съ нею оставлялъ ея руку, то она пожала мою, но съ такою кротостію и знаками пріятнаго смущенія что ясно показывала ту благодарность, кою

сердце ея было пронзено и которая превышала ее надъ ея поломъ. Честный Адвокатъ былъ тѣмъ такъ тронутъ, какъ будто бы имѣлъ участіе въ семъ благодѣяніи и соединилъ свои благословенія купно съ обоими братьями.

Теперь тебѣ не безъизвѣстно, дражайшей мой *Докторъ*, какія были мои упражненія сего вечера. Мнѣ кажется, что я не на худое употребилъ сіе время моей жизни.

Я не знаю, любезная *Люція*, что ты подумаешь, прочитавъ сіе письмо. Но ты не должна требовать отъ меня отчета въ томъ дѣйствіи, кое оно произвело надъ моимъ сердцемъ.

Мнѣ должно было бы прежде сказать тебѣ, что сего дня посѣтилъ меня Г. *Динъ*, любезной мой крестной отецъ. Онъ пришелъ къ намъ отобѣдать желая сего вечера возвратиться въ Лондонъ. *Госпожи, Милордъ Л...* и *Докторъ Барлетъ* весьма были довольны симъ посѣщеніемъ. Впрочемъ удовольствіе оказанное мнѣ имъ смѣшано было съ прискорбіемъ. Крестной мой отецъ отведши меня къ сторонѣ съ великимъ усиліемъ понуждалъ меня удовлетворить его любопытство. Я никогда въ немъ столько онаго не видала для распознанія внутренностей моего сердца. Но онъ долженъ почитать себя довольнымъ моею откровенностію. Я никогда бы себѣ не простила, естлибъ хотя нѣчто утаила отъ такого друга, коимъ я чрезвычайно обязана. Однако я имѣла не мало труда удовольствоваться оное.

Онъ сказалъ, что я гораздо стала худощавѣе и блѣднѣе нежели прежде. Можетъ быть онъ не обманывается. Я иногда бываю въ великихъ движеніяхъ.... я прихожу иногда внѣ себя. *Сиръ Грандиссонъ* равно иногда бываетъ колеблемъ по причинѣ замѣдленія нѣкоторыхъ извѣстій ожидаемыхъ имъ изъ иностранныхъ земель. Естлибъ можно было укорять его за нѣкія погрѣшности или несовершенства; то мнѣ кажется что я была бы гораздо спокойнѣе. Но не познавая ничего такого, котороебъ не увеличивало моего къ нему удивленія и по истиннѣ, любезная моя, находя себя столь чувствительною къ героическимъ дѣяніямъ.... знайте, что Г. *Динъ* не приминулъ его превозносить похвалами; и вмѣсто того дабы хулить мои чувствованія, онъ ихъ хвалилъ и хвалилъ ихъ даже до такой степени что поставлялъ мнѣ оныя за достоинство. Знаешь ли ты, любезная моя, онъ почитаетъ меня достойною его? *Достойною Сира Карла Грандиссона!* для чего онъ не укорялъ меня за то? Для чего не пожелалъ онъ мнѣ въ томъ противорѣчить? Толикое неравенство между достоинствомъ и имѣніемъ! Человѣкъ совершенно знающей употребленіе богатствъ! Онъ достоинъ, любезная моя, обладать всею Индіею. Сколь величественный видъ представлялъ бы онъ на престолѣ! Онъ совершенно не способенъ къ раззоренію земель. Цесарь, сказалъ *Докторъ Барлетъ*, говоря о немъ передъ Г. *Диномъ*, не имѣлъ толико горячности раззорять сколько *Сиръ*

Карль Грандиссонъ поправлять. Взоры *Емилии* казалось оживотворились при семъ выраженіи; и въ восхищеніи своемъ она гордо взирала на все собраніе, какъ будто бы желала намъ сказать: это *Сиръ Грандиссонъ*, это мой покровитель.

Но что ты о ней думаешь, дражайшая *Люція*? *Г. Динъ* думаетъ, что *Миссъ Жервинсъ* заражена нѣжною страстію къ своему опекуну. Боже да сохранить ее отъ того! Я увѣрена что любовь можетъ быть воспламенилась въ ней при ея рожденіи: но какія же будутъ слезы невинной и безопытной дѣвицы? О любезная *Емилиа*! удаляйся отъ такой страсти, которая составитъ твое несчастіе и не увеличивай прискорбій такого человѣка, которой желалъ бы сдѣлать всѣхъ благополучными и которой не смотря на то въ состояніи составить благополучіе токмо одной женщинѣ. Но *Геріетта Биронъ*, подающая совѣтъ сей не должна ли принять для самой себя такую предосторожность? По истиннѣ она не будетъ тогда недовѣряться себѣ, чтобъ онъ имѣлъ другія обязательства. Да охладитъ смерть мое сердце прежде, нежели я учинюсь самомалѣйшею причиною смущенія души его! Хотя его сестры проникли въ мою внутренность; но я еще ласкаюсь что самъ онъ ни мало не примѣтилъ той побѣды, которою восторжествовалъ надъ моею душою. Дай Боже, чтобъ онъ никогда того не зналъ, естли сіе знаніе въ состояніи произвести въ немъ хотя малѣйшее безпокойство!

Но, скажи мнѣ, любезная моя *Люція*, не стыдишься ли ты за меня читая послѣднюю сію страницу? Конечно ты должна стыдиться; я сама краснѣю перечитывая оную. Я ни за что не соглашусь въ семъ письмѣ приложить свое имя.

ПИСЬМО XLVIII.

Докторъ Барлетъ къ Генріеттѣ Биронъ.

18 Марта.

Я посылаю вамъ, сударыня, обѣщанную мною выписку о первыхъ моихъ повѣствованіяхъ. Я просилъ своего племянника оныя переписать, дабы скорѣе удовлетворить вашей нетерпѣливости, употребляя на оное нѣсколько болѣе времени и бы могъ сіе чтеніе учинить для васъ гораздо забавнѣе; но вы мнѣ сказали, что будете довольны и простымъ писаніемъ. Повинуясь вамъ, сударыня, я полагаюсь на вашу благосклонность.

Докторъ Барлетъ отправился изъ Англій съ нѣкоторымъ молодымъ человѣкомъ знатнаго достоинства, которой препорученъ былъ его смотрѣнію и коему онъ желаетъ дать имя *Г. Лолимера*, умалчивая о дѣйствительномъ его имени. Сей господинъ имѣлъ совершенно противное свойство *Кавалера Грандиссона* и не токмо былъ весьма грубъ и

упрямъ, но горячь и злобень и имѣлъ склонности исполненныя подлостію и пороками. *Докторъ* съ великою неохотою принялъ подъ свое смотреніе такого воспитанника, коего худое свойство ему было не безъизвѣстно: но онъ склонился на прозьбы его родителя, которой побудилъ его къ тому по Христіанской любви и тою торжественною клятвою, которую тотъ молодой человѣкъ учинилъ, чтобъ вести себя гораздо лучше, тѣмъ болѣе что въ немъ до того еще времени усмотрено, что никто не имѣлъ надъ нимъ столько вліянія, сколько *Докторъ Барлетъ*.

Они находились уже въ Туринѣ, когда *Кавалеръ Грандиссонъ*, препроводя нѣсколько мѣсяцовъ во Франціи прибылъ въ первый разъ въ сей городъ! Ему было около осмнадцати лѣтъ. Онъ столько же былъ щастливъ своимъ надзирателемъ, сколько, *Докторъ Барлетъ* воспитанникомъ, хотя и получилъ онаго отъ *Милорда В....* своего дяди. Въ теченіе нѣсколькихъ дней легко можно было примѣтитъ при всякомъ мѣстѣ, что *Г. Крезеръ* и молодой *Кавалеръ* отправляли должность другъ друга, то есть, что молодой *Кавалеръ* долженъ былъ употреблять все свое благоразуміе, дабы воспротивляться худымъ примѣрамъ сего пороками зараженнаго человѣка, которой всячески старался внушишь въ него склонность къ распутству, въ томъ намѣреніи дабы избавиться, чтобъ онъ не извѣстилъ кого о его нераденіи, или для того чтобъ не жаловался на него своему родителю. *Кавалеръ Грандиссонъ* свелъ тѣсную дружбу съ *Докторомъ Барлетомъ*, а *Г. Крезеръ* учинилъ то же съ *Г. Лоримеромъ*. Добродѣтель и порокъ оказали всю свою власть, сдѣлавъ сіи два союза.

Крезеръ и *Лоримеръ* никогда другъ друга не покидали, не взирая на тѣ усилія, кои *Докторъ* безпрестанно прилагалъ, дабы ихъ разлучать. Они вдались во многія неистовства, изъ коихъ одно столько надѣлало шуму, что подвергнуло ихъ правосудію. *Лоримеръ* не иначе избѣжалъ наказанія какъ деньгами, между тѣмъ какъ *Крезеръ* сыскавъ средство уйти, убѣжалъ въ Римъ, откуда писалъ своему питомцу, чтобъ къ нему ѣхалъ. *Кавалеръ* употребилъ сей случай въ пользу, такъ какъ и прежде ему угрожалъ нѣсколько разъ, чтобъ увѣдомитъ о томъ своего родителя, и испроситъ у него другаго надзирателя, или позволенія возвратиться въ Англію и дожидаться тамъ, пока онъ сыщеть лучшаго. Между тѣмъ онъ просилъ *Доктора* подавать ему свои извѣстія и наставленія. На что родитель его не замедлилъ ему отвѣтствовать объяснясь что слыша о его благоразуміи, позволяетъ ему избрать себѣ товарища, но что не дастъ ему другаго надзирателя, кромѣ собственной его кротости. Тогда молодой *Кавалеръ* надѣясь на свою кротость, составляющую украшеніе его свойства, просилъ съ гораздо большимъ усиліемъ нежели прежде совѣтовъ у *Доктора*, и когда они принуждены были разлучишься, то заключили вести такую переписку, которая единою смертію могла бы токмо прекратиться.

Кавалеръ предлагалъ всѣ свои намѣренія *Доктору* на рассмотрениеъ, а часто по своей скромности и порядокъ своихъ упражненій и путешествій; но сія переписка не долго продолжалась, когда *Докторъ* объявилъ ему, что весьма уже бесполезно подавать ему впредь свои совѣты, тѣмъ болѣе что отсрочка бываетъ иногда полезна изящнымъ свойствамъ; не взирая на то онъ не менѣе его просилъ извѣщать его о своихъ предпріятіяхъ и о всемъ, что съ нимъ не случится важнаго; выключая того удовольствія, кое онъ чувствовалъ получа сіе засвидѣтельствованіе довѣренности и дружбы, онъ надѣялся найти въ томъ такіе примѣры, кои произвели бы можетъ быть болѣе впечатлѣнія нежели всѣ ево наставленія, надъ сердцемъ и разумомъ несчастнаго *Лоримера*.

Между темъ, какъ *Докторъ* остановленъ былъ противъ своей воли своимъ воспитанникомъ въ нѣкоторыхъ городахъ Ломбардіи, то *Кавалеръ* объѣхалъ почти всю Европу, не преставаая дѣлать такіа наблюденія; кои весьма были превосходны по его лѣтамъ. Въ то время *Лоримеръ* вдавшись въ самыя безчиннѣйшія увеселенія приходилъ въ каждомъ городѣ въ такое забвеніе, какъ будто бы никогда не надлежало ему оставлять онаго. *Докторъ*, проникши въ презрительныя его желанія, не хотѣлъ и смотрѣть на таковыя отсрочки, дабы препроводить масленицу въ Венеціи, коей онъ еще болѣе страшился, но его питомецъ подозрѣвая его намѣренія ушелъ тайнымъ образомъ и явился въ семъ городѣ во время открытія торжествъ. *Докторъ* находясь принужденнымъ за нимъ слѣдовать по прибытіи своемъ освѣдомился, что онъ весьма уже тамъ отличился своими неистовствами. Тщетно старался онъ привести его на путь истинны, по примѣру *Кавалера Грандиссона*, письма, кои онъ ему читалъ въ семъ намѣреніи, произвели надъ нимъ токмо подлое и безстыдное дѣйствіе, коихъ слѣдствія подвергали жизнь надзирателя самой величайшей опасности.

Въ одно время, *Лоримеръ* пожелалъ оставить у себя одно изъ оныхъ, которое содержало въ себѣ разныя наблюденія, подъ видомъ будто хочетъ ихъ паки прочесть; онъ тотчасъ переписалъ его и отослалъ къ своему родителю, которой часто отъ него требовалъ нѣкоего знака плодовъ отъ своихъ путешествій, *Докторъ* приведенъ былъ въ чрезвычайное удивленіе получа родительскія благодарности за успѣхи его сына съ нѣкою укоризною за тѣ жалобы, кои онъ иногда приносилъ за его упрямство. „Я съ трудомъ могу повѣрить, писалъ къ нему сей легковѣрный отецъ, чтобъ мой сынъ не былъ ни къ чему способенъ. Я ясно усматриваю, что имѣетъ токмо несовершенное прилѣжаніе.„ А дабы его ободрить, то онъ приказалъ усугубить ему пенсію. *Г. Барлетъ* проникъ отчасти въ истинну и безъ всякаго затрудненія принудилъ своего питомца признаться въ той хитрости, коею онъ тщеславился, обманувъ своего отца. Справедливое сумнѣніе заставило *Доктора* тотчасъ

отписать въ Лондонъ дабы избавить родителя отъ издержки противной истиннымъ его намѣреніямъ. *Лоримеръ* пришедши въ чрезвычайную ярость отъ того, что онъ называлъ измѣною, изыскивалъ случая отомстить. Онъ соединился съ одною распутною женщиною, которая славясь гибелью двадцати молодыхъ путешественниковъ и поймавъ его въ свои сѣти, раздражилась противъ *Доктора*, которой всячески старался прервать сіе знакомство. Между многими изобрѣтеніями, кои она ему предлагала, избралъ онъ ту хитрость, чтобъ подкупить одного фискала, которой бы донесъ на *Доктора*, будто онъ поносилъ Венеціанское правленіе. За сіе преступленіе положено было жестокое наказаніе въ сей безпокойной Республикѣ. Городъ Венеція почти весь наполненъ такими фискалами, коихъ единая должность состоитъ въ томъ, дабы подслушивать рѣчи иностранцовъ. *Г. Барлетъ* былъ задержанъ совершенно не зная откуда происходилъ сей ударъ. Однако одинъ изъ трехъ инквизиторовъ составляющихъ тамошній страшный судъ столько былъ проникателенъ, что разговаривая съ нимъ нѣсколько минутъ ясно усмотрѣлъ его невинность и приказалъ выпустить. Онъ ни мало не подозрѣвая въ томъ своего питомца и имѣя множество другихъ прискорбій, кои казались ему неизбѣжны принудили его помышлять о оставленіи своей должности. Онъ писалъ въ Англію прося себѣ увольненія какъ величайшей какой милости. Но родитель приходя въ великое смущеніе поступками своего сына увѣщевалъ его взять терпѣніе и препоручилъ ему имѣть надъ нимъ всю родительскую власть. Сей господинъ весьма былъ свѣдущъ въ Греческой и Римской Исторіи. Онъ чрезвычайно желалъ, чтобъ его сынъ осмотрѣлъ славныя мѣста древней Греціи, коей великолѣпію онъ многократно удивлялся читая книги. *Докторъ* не безъ чрезвычайнаго затрудненія принудилъ своего питомца оставить Венецію, гдѣ онъ единственно утопалъ въ удовольствіяхъ съ безчестною своею любовницею.

Родитель его желалъ чтобъ они отправились сперва въ городъ Афины, а по томъ и въ области Мореи. *Лоримеръ* нашелъ тамъ свою любовницу, съ коею согласился тамъ свидѣться. Какія ни прилагали они старанія дабы сокрыть свое намѣреніе, но оно не могло быть долгое время безъизвѣстно *Доктору*. Благодареніе, кое онъ почиталъ за долгъ оказать своему питомцу, заставило его обратить свою ревность противъ той безчестной женщины. Онъ жаловался на нее суду, которой Христіане имѣютъ въ Афинахъ и состоитъ изъ осьми стариковъ, коихъ могутъ они избирать въ осьми частяхъ города; но между тѣмъ какъ онъ старался о всемъ развѣдать, сія неистовая женщина оклеветала *Г. Барлета* многими преступными обвиненіями, передъ *Кадіемъ* Турецкимъ судіею. Нѣкоторые подарки принесенныя ею тамошнему начальнику привлекли его на ея сторону. Она получила столько власти, что велѣла задержать *Доктора*, на коего наложивъ цѣпи посадили въ темницу. Находящимся же

въ городѣ Христіанамъ запрещено было даже и помышлять о вспоможеніи ему и жестокость простиралась даже до такого степени, что не дозволено имѣть съ нимъ никакого сообщенія. *Лоримеръ* же съ своею любовницею возвратился паки въ Венецію.

Г. *Бельшеръ*, молодой Англинской путешественникъ, человѣкъ предостойной познакомъ по случаю съ *Кавалеромъ Грандиссономъ* на островѣ Кандіи, и восчувствовавъ къ нему ту благородную дружбу, которая основывается на сходствѣ добродѣтельнѣйшихъ ихъ склонностей, прибылъ въ самое то время въ Афины. Онъ узналъ о нещастіи *Доктора* отъ одного изъ осьми старцевъ Христіанскаго судилища. Сіи благочестивые старики весьма жестоко были угнѣтаемы; но какъ та безчестная женщина вмѣщала законъ и государственныя дѣла въ свои оклевенія, то они съ великимъ прискорбіемъ взирали на то приказаніе, которое принуждало ихъ къ молчанію. Имя, о которомъ Г. *Бельшеръ* вспомнилъ, что слыхалъ часто съ любовію произносимое своимъ другомъ, въ ту же минуту возбудило всю его ревность. Онъ постѣша тайнымъ образомъ отобрать извѣстія уважилъ ихъ сколько было можно; и зная что *Кавалеръ* находился въ то время въ Константинополь, отправилъ къ нему нарочнаго съ своими изъясненіями и документами имъ собранными.

Столь неожиданное извѣстіе причинило не менѣ удивленія сколько и прискорбія *Кавалеру Грандиссону*. Онъ тотчасъ изъяснилъ оное Англинскому Посланнику, которой уважилъ сей случай всѣмъ могущественнымъ Христіанскимъ *Министрамъ* и они по принесеннымъ *Визирю* съ общаго согласія жалобамъ легко получили приказаніе объ освобожденіи *Доктора*. *Кавалеръ* не довѣряясь довольно тщанію *Чауса* посыланнаго съ симъ дѣломъ принялъ намѣреніе ѣхать съ нимъ, дабы во всемъ ускорить своимъ отъѣздомъ. Онъ прибылъ въ Афины въ самой тотъ день, когда Турецкое правосудіе, какъ освѣдомились отъ начальника, долженствовало осудить Г. *Барлета* принять роковую веревку. При столь скоропостижной опасности *Докторъ* сталъ *Кавалеру Грандиссону* гораздо любезнѣе нежели прежде. Такое щастливое вспомошествованіе толико же любезнымъ учинило и *Кавалера Доктору*; а въ взаимной своей нѣжности они не менѣ восчувствовали оной къ Г. *Бельшеру*, которой не токмо былъ первымъ орудіемъ сего радостнаго освобожденія, но и не желалъ оставить Афины не узрѣвъ *Доктора* освобожденнаго отъ гибели и не щадилъ ни стараній ниже своего кошелька, дабы приговоръ былъ на нѣсколько дней отсрочень. Вотъ случай соединившій ихъ тѣсною дружбою. Она началась между молодыми особами по сходству ихъ свойствъ. Ихъ то милости Г. *Барлетъ* обязанъ тою честію, которую они ему оба оказываютъ почитая его какъ родителя, и величайшее его удовольствіе даже до сего времени состоитъ въ томъ, дабы писать къ Г. *Бельшеру* о всемъ касательно до жизни и

дѣяній такого человѣка, коего одинъ поставляетъ себѣ за образецъ, а другой почитаетъ за славу человѣческаго рода.

Докторъ нѣсколько времени не зналъ того участія, которое *Лоримеръ* имѣлъ въ его нещастіи. Сей несмысленной молодой человѣкъ писалъ въ Англію въ весьма чувствительныхъ выраженіяхъ изъясняя свое прискорбіе по причинѣ той опасности, коей его надзиратель подвергся между Турками и его родитель принялъ всевозможныя мѣры, при столь дальномъ разстояніи подать помощь *Доктору*; во весьма вѣроятно, что сія помощь пришла бы очень поздно.

Но поелику родитель не могъ и подумать, чтобъ его сынъ имѣлъ въ семь заговорѣ участіе; то едва только освѣдомился о благополучномъ освобожденіи *Г. Барлета*, то и заклиналъ его не допускать его сына до худыхъ склонностей. *Докторъ* равно ни мало не подозрѣвая въ томъ своего питомца безъ всякаго затрудненія возвратился въ Венецію изъ сожалѣнія какъ къ родителю такъ и сыну. Онъ съ величайшимъ трудомъ исторгнулъ *Лоримера* изъ рукъ той безчестной женщины. Потомъ отправился съ нимъ въ Римъ. Но тамъ сей нещастной молодой человѣкъ не укрощая разпутныхъ своихъ склонностей учинился дѣйствительно жертвою оныхъ, и кончина его была облегченіемъ его родителю, *Доктору* и всѣмъ тѣмъ, съ коими онъ имѣлъ хотя нѣкую связь. При скончаніи своемъ онъ признался въ томъ злодѣйскомъ умыслѣ, въ коемъ его распутная любовница обвинила *Доктора* въ Венеціи и въ участіи, кое онъ имѣлъ въ оклеветаніяхъ въ Афинахъ. Сіе признаніе и обстоятельства его кончины привели *Доктора* въ такую печаль, что онъ впалъ въ болѣзнь, отъ которой съ великимъ трудомъ выздоровѣлъ.

Въ теченіе сего времени *Кавалеръ Грандиссонъ* былъ уже въ нѣкоторыхъ частяхъ Асіи и Африки, а особливо довольно долгое время пробылъ въ Египтѣ, пользуясь всѣми случаями дабы продолжать свою переписку съ *Г. Бельшеромъ* и *Докторомъ*. По возвращеніи своемъ въ Италію, гдѣ оба друзья его ожидали, онъ склонилъ *Доктора* быть сотоварищемъ *Г. Бельшеру* въ нѣкоторыхъ другихъ путешествіяхъ, кои онъ имъ предпринять совѣтовалъ, подъ тѣмъ видомъ будто самъ надѣется отъ того получить такое просвѣщеніе, коего онъ не имѣлъ времени и приобрѣсть собственными своими глазами. Онъ снабдилъ ихъ деньгами потребными на расходы въ семь предпріятіи. Онъ зналъ что у *Г. Бельшера* была такая мачиха, что лишила его съ нѣкотораго времени двухъ третей его пенсіи. А когда его другъ желалъ отказаться отъ столь великодушнаго условія; то онъ поставлялъ первою причиною, что такое путешествіе послужитъ къ совершенному возстановленію здоровья *Доктора*, которой обѣимъ имъ равно былъ дорогъ и любезенъ. Онъ всегда имѣлъ доводы дабы уменьшать замѣшательство тѣхъ, коихъ онъ желалъ обязать и склонять ихъ принимать его благодаренія какъ такой долгъ или такое приношеніе коимъ онъ имъ былъ обязанъ.

Когда его друзья объѣзжали тѣ мѣста, о коихъ онъ имъ предложилъ, въ то время онъ безпрестанно находился то въ Болоніи то во Флоренціи, гдѣ нѣкоторыя обстоятельства весьма много причинили ему замѣшательства. Г. *Бельшеръ* и *Докторъ* осмотрѣли вмѣстѣ главнѣйшіе острова Архипелага; послѣ чего молодой путешественникъ обратилъ свои намѣренія къ Асіи а Г. *Барлетъ* нашедъ корабль возвращающійся въ Италію воспользовался случаемъ отправишься въ Ливорну. Видя что здоровье его поправилось и зная что *Кавалеръ Грандиссонъ* съ нетерпѣливостію ожидалъ отъ своего родителя приказанія возвратиться въ Англію не сумнѣвался онъ чтобъ его присутствіе не было ему любезно для заключенія нѣкоторыхъ обязательствъ, о коихъ онъ былъ извѣстенъ. Въ самомъ дѣлѣ *Кавалеръ* весьма обрадовался его прибытію и вскорѣ отправился въ Парижъ, препоруча *Миссъ Емилию* его попеченіямъ.

До сихъ поръ, *Миссъ Биронъ*, составляющая утѣхи тѣхъ, кои имѣютъ щастіе васъ знать, прочли вы одни токмо выписки моихъ бумагъ, писанныя рукою моего племянника. Теперь же я присовокуплю къ сему нѣкоторыя обстоятельства касающіяся единственно до Г. *Бельшера*, о коемъ вы наиболѣе знать желали; но я не ручаюсь вамъ, чтобъ могъ легко остановится еслили вознамѣрюсь хвалить столь дражайшаго друга.

Г. *Бельшеръ* есть молодой человекъ весьма пріятнаго виду. Когда же я его назову вторымъ *Сиромъ Карломъ Грандисономъ*, то вы конечно возымѣете весьма высокое мнѣніе о его разумѣ, учтивости и всѣхъ любвидостойныхъ его качествахъ. Онъ происходитъ отъ весьма знатной породы. *Сиръ Генрихъ Бельшеръ*, коего онъ единый сынъ, любитъ его нѣжно и держитъ во отдаленности противъ своей склонности наипаче противъ склонности своего сына съ того времени когда любезнѣйшей его другъ возвратился въ Англію. А сіе онъ дѣлаетъ изъ угожденія къ второй своей женѣ, женщинѣ властительной и злопамятной, которая во время вдовства обратила свои взоры на молодаго *Бельшера*, дабы вступить съ нимъ въ бракъ надѣясь склонить его остальною своею красотою, подкрѣпляемою великимъ богатствомъ. Не взирая на то ея намѣреніе было не безызвѣстно его родителю, которой въ то же самое время говорилъ ей о любви; сынъ его объявилъ ей а можетъ быть нѣсколько по *Кавалерски*, что ему не нравятся ея предложенія. Отъ сего отказа она пришла въ чрезвычайный гнѣвъ. Она помышляла только о единомъ мщеніи и будучи безызвѣстна что все его щастіе зависѣло отъ его родителя пожелала принять попеченія отъ *Сира Генриха*, коего руку приняла единственно отъ своего гнѣва, и при томъ съ такими договорами чтобъ она имѣла равномѣрную силу, какъ надъ нимъ такъ и его сыномъ. Впрочемъ она въ скоромъ времени возымѣла совершенную власть надъ разсудкомъ своего супруга. Г. *Бельшеръ* отправился въ путешествіе съ опредѣленною пенсіею, состоящею изъ шести сотъ

фунтовъ Стерлинговъ. Она совершенно не имѣла спокойствія, пока не лишила его Четырехъ сотъ фунтовъ пенсіи; но и остальные двѣсти столь худо были плачены, что молодой человѣкъ впалъ бы въ величайшія замѣшательства, естлибъ не пріобрѣлъ на всегда готоваго вспомошествованія въ вѣрнѣйшей дружбѣ *Кавалера Грандиссона*. Не смотря на то увѣряютъ, что его мачиха имѣетъ хорошія качества и что во всемъ, выключая того что принадлежитъ до ея сына, она весьма, хорошо поступаетъ съ его родителемъ; но какъ она разумѣетъ дѣла, къ коимъ *Сиръ Генрихъ* не имѣетъ склонности, то и присвоила себѣ вольность располагать всѣми доходами вообще, а чрезъ сіе-то его другъ не имѣетъ власти дѣлать ни малѣйшей щедрости безъ ея соучастія.

Они оба удивляются чрезвычайно свойству *Сира Грандиссона* и письма ихъ сына не менѣе къ тому споспѣшествовали, какъ и свидѣтельство публики: изъ чего я могу заключить, что естли *Сиръ Грандиссонъ* сыщеть случай познакомится съ *Милади Бельшеръ*, то рано или поздно принудитъ ее склониться на возвращеніе ея сына, наипаче въ теперешнее время, когда она не имѣетъ болѣе надежды имѣть дѣтей отъ сего брака. *Г. Бельшеръ*, которой равномѣрно тѣмъ ласкается, писалъ къ *Сиру Грандиссону* что онъ принялъ намѣреніе оказывать совершенное уваженіе супругѣ своего родителя и имѣть къ ней сыновнія чувствованія, когда она токмо пожелаетъ его у себя видѣть. Но онъ объявляетъ, что скорѣе согласится отречься отъ своего отечества, нежели причинить своему родителю хотя малѣйшее прискорбіе, возвратясь безъ согласія такой властительной женщины, которая весьма можетъ его за то оскорбить. Находясь въ такой неизвѣстности принялъ онъ намѣреніе выѣхать изъ Венеціи и дожидаться отвѣта въ Парижѣ, надѣясь что *Сиръ Грандиссонъ*, коего онъ почитаетъ способнымъ въ преуспѣяніи во всемъ томъ что токмо ни пожелаетъ предпринять изъ дружбы будучи въ томъ вспомошествуемъ нѣжностію его родителя получить желаемый имъ успѣхъ. Я горю нетерпѣливостію видѣть сего превосходнаго молодаго человѣка. Я увѣренъ, что особливо *Миссъ Биронъ* не откажетъ ему въ своемъ почтеніи. Съ толь благородными чувствованіями и отличными поступками я смѣло повторяю, что ето вторый *Кавалеръ Грандиссонъ*.

Я почитаю себѣ за великое щастіе, *Сударыня*, что могъ служить вамъ тѣми сообщеніями, о коихъ вы мнѣ изъясняли свое любопытство; но пусть *Милади Л...* и *Миссъ Грандиссонъ* позволяютъ мнѣ увѣщевать ихъ, чтобъ онѣ истребили всю скрытность изъ сердець своихъ съ толь нѣжнѣйшимъ братомъ; то я могу имъ поручиться, что онъ никогда не будетъ имѣть оной касательно всего того, что можетъ имъ нравиться. Естли между его обстоятельствами есть хотя единое такое, коего изъясненіе онъ откладываетъ, то конечно причиною тому есть неизвѣстный успѣхъ онаго.

Сколько еще неизвѣстностей! Какъ все это темно. Вспомнимъ о нѣкоторыхъ частяхъ сего подробнаго описанія: *Сирь Грандиссонъ имѣетъ такія дѣла, коихъ еще не можетъ изъяснить сестрамъ своимъ! Успѣхъ онаго ему неизвѣстенъ!* И такъ рѣшены ли чрезвычайныя его замѣшательства въ Болоніи и Флоренціи? или еще продолжаются? *Однако Сирь Грандиссонъ не имѣетъ скрытности; впрочемъ Сирь Грандиссонъ оказываетъ скрытность.* Что ты изъ сего понимаешь, любезная Люція?

Но Докторъ почитаетъ себя увѣреннымъ, что *особливо Миссъ Биронъ будетъ оказывать свое почтеніе Г. Бельшеру.* Что бы симъ хотѣлъ Докторъ сказать. Конечно онъ не имѣлъ другаго намѣренія кромѣ того, чтобъ изъяснить собственную свою нежность къ человѣку столь для него любезному. Онъ съ нетерпѣливостію желаетъ его видѣть. Если и я его также увижу, то слѣдственно его возвращеніе не должно быть отдаленно; но не рѣшилась ли я въ скоромъ времени возвратиться въ самое безопаснѣйшее мое убѣжище, въ объятія любезнѣйшей моей фамиліи? Такъ, дражайшая моя, я рѣшилась.

Не чувствуешь ли ты какой ниестъ въ сердцѣ своемъ злобы? Скажи, любезная моя Люція. Способна ли ты съ ненависти, къ ужасной ненависти противъ кого ниестъ? если ты дѣйствительно способна къ такому чувствуванію, удовлетвори мое любопытство и желай чтобъ та особа, кою ты ненавидишь была влюблена въ такого человѣка, [ибо ясно усматриваю, что ничего скрывать не должно], коего она сама считаетъ подобно всѣмъ превыше ее какъ по всѣмъ душевнымъ такъ и внѣшнимъ качествамъ; сумнѣваться между нѣкими лучами надежды, стократно мучительнѣе не извѣстности, если склонности сего человѣка заняты; положимъ что онѣ были бы и не заняты, то могъ ли бы онъ ей соотвѣтствовать взаимно. Ахъ Люція! ты меня конечно разумѣешь. Не требуй отъ меня болѣе изъясненія.

Но позволь мнѣ присовокупить еще одно слово. Содержаніе письма *Докторова* не кажется ли тебѣ нѣсколько особеннымъ? *Утѣхи твои, кои имѣютъ щастіе васъ знать.* Пленительное израженіе! Какой бы смыслъ былъ онаго? Не ужели я составляю утѣхи сердца *Сира Грандиссона*? Онъ меня знаетъ. Колико я тщеславна, слаба и неблагоразумна! а при всемъ томъ униженная и ничего незначащая гордая *Генриетта*. Возраженія происходящія отъ моей глупости, приводятъ меня въ стыдъ.... Я отъ сего стыда разодрала мою бумагу. Разодранные клочки однако будутъ отосланы; но съ тѣмъ только договоромъ что ты должна ихъ бросить въ огонь и чтобъ кромѣ тебя никто ихъ не видалъ.

ПИСЬМО XLVIII.

Генриетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Субботу.

До сего времени, любезная моя, мнѣ кажется, что кое сердце не заслуживаетъ ни малѣйшей укоризны. Но при всемъ томъ едва я не впала въ чрезвычайную погрѣшность. Ты конечно не можешь отгадать оной. *Миссъ Грандиссонъ* въ отсутствіе *Г. Барлета*, которой поѣхаль сего дня за нѣсколько миль отъ Кольнеброка на обѣдъ нашла какое то средство, коего мнѣ не сказала, унести письмо полученное *Докторомъ* сего утра отъ *Сира Грандиссона*, которое оставилъ развернутое на своемъ столикѣ. Она тотчасъ пришла въ мою горницу. *Генриетта*, сказала она мнѣ съ торопливостію, вотъ письмо присланное сего утра къ *Доктору*. Хотя я достала его не весьма честными средствами; но въ немъ говорятъ о тебѣ съ пылкостію. Должныя я положить его на то же мѣсто, гдѣ его взяла или не хочешь ли ты раздѣлить мою погрѣшность и прежде его прочитатъ? Она мнѣ его подала.

О *Миссъ Грандиссонъ!* отвѣчала я при первомъ моемъ движеніи. Дѣло идетъ о мнѣ, говорите вы? Позвольте мнѣ оное рассмотреть. Я простерла виновную руку и взяла оное письмо: но вдругъ пришедши въ самую себя говорила: не сказали ли вы мнѣ, что не получили оное честными средствами? Возмите, возьмите его назадъ, я не хочу раздѣлять вашу погрѣшность. Однако, жестокая *Шарлотта!* Какъ могли вы подвергнуть меня сему искушенію? При семъ я положила письмо на стулъ.

Она понуждала меня прочесть по крайней мѣрѣ хотя первыя строки. Она его взяла, развернула и представила предъ глаза мои.

О змія обольщающая мою душу! вскричала я, для чего заставляешь ты меня подражать проступку первымъ нашимъ отцамъ? Я сѣла и закрыла глаза мои обѣими руками. Удались, удались, продолжала я, пока я еще невинна, дражайшая *Миссъ Грандиссонъ*, не приводи меня къ такой погрѣшности, коей я себѣ никогда не прощу. Вы познали ее сами собою и я не хочу раздѣлять оной съ тобою.

Она прочла мнѣ двѣ или три строки и остановясь сказала: продолжать ли *Генриетта?* Слѣдующее слово есть ваше имя.

Я заткнула пальцами свои уши. Нѣтъ, нѣтъ, закричала я. Хотя бы вы его получили и другими средствами, но и тогда бы я не весьма далеко простирала свою не терпѣливость... но вы не должны мнѣ говорить о томъ...

Миссъ Гранд. [мою рѣчь прервавъ.] Какъ! Что такое? Тѣ, кои оставляютъ свой кабинетъ раствореннымъ, должны сами на себя жаловаться.

Миссъ Бир. Но это произошло отъ забвенія. Не прискорбно ли бы вамъ было, естлибъ кто осмѣлился тайнымъ образомъ читатъ ваши письма?

Миссъ Гранд. Очень хорошо, я положу его на то же мѣсто. Идти ли мнѣ? [потрясывая его передо мною.] Идти ли мнѣ *Генриетта*? [и подходя раза съ три къ дверямъ она обращалась опять ко мнѣ съ такимъ видомъ, коимъ наиболѣе могла во мнѣ возбудить любопытство.]

Миссъ Бир. Скажите мнѣ только, *Миссъ Грандиссонъ*, не ужели заключается въ немъ что нисть такое, о чемъ бы вашъ братецъ не желалъ чтобъ мы были извѣстны.... Но я почти совершенно увѣрена, что снисходительный *Докторъ*, которой сообщалъ намъ прочія письма, прочелъ бы намъ по своей благосклонности и это.

Миссъ Гранд. Хотя бы я лишилась половины моего имѣнія, но не упустила бы случая прочесть оное. О! любезная *Генриетта*, оно содержитъ въ себѣ подробности.... Парижъ, Флоренція, Болонія!

Миссъ Бир. Удались отъ меня, удались обольстительница. Письмо есть предметъ священный! Отнесите его на прежнее мѣсто. Не признались ли вы мнѣ, что достали оное не честнымъ образомъ? не взирая на то я усматриваю....

[Ахъ *Люція*! Я совершенно было на то хотѣла согласиться, но собравшись паки съ силами повторила: удалитесь отъ меня, отнесите сіе письмо. Я страшусь самое себя.]

Миссъ Гранд. Хорошо, *Генриетта*, выслушай только одно мѣстечко. Въ немъ заключается нѣчто такое, что ты прочесть должна. На это не болѣе одной минуты потребно.

Миссъ Бир. Я не хочу слушать искушенія. Я ничего не хочу читать. Я буду ожидать пока мнѣ сообщать оное.

Миссъ Гранд. Но вы тогда въ такое придете изумленіе, что не въ состояніи будете отвѣтствовать. И такъ надлежитъ воспользоваться симъ случаемъ. Возмите, прочтите. Никогда не видано было подобныхъ грызений совѣсти. Дѣло идетъ о васъ и *Емилии*.

Миссъ Бир. О мнѣ и *Емилию*! О *Миссъ Грандиссонъ*! такую можетъ онъ находить связь между мною и *Емилию*?

Миссъ Гранд. Какую разность полагаете вы, любезная *Генриетта*, между чтеніемъ письма и требованіемъ отъ меня того что оно содержитъ? Однако я соглашусь вамъ сказать.

Миссъ Бир. Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны мнѣ того сказывать. Я не хочу слушать. Я никогда васъ о томъ не спрошу. Развѣ одинъ вашъ братецъ способенъ къ благороднымъ дѣяніямъ? Надлежитъ, любезная моя пріятельница, вамъ и мнѣ извлечь нѣкій хорошій плодъ изъ его примѣра. Вы ничего не должны мнѣ ни читать, ни говорить.

Миссъ Гранд. Онъ не хвалилъ ни одной женщины въ столь пылкихъ выраженіяхъ! Это удивительныя похвалы, *Генриетта*.... Во всю мою жизнь я не слыхала имъ подобныхъ.

Миссъ Бир. Похвалы, *Шарлотта*! начертанныя рукою вашего брата!.... О проклятое любопытство! первый проступокъ первыхъ

нашихъ отцевъ! Но я буду имѣть столько бодрости, что возмогу тому воспротивиться. Есть ли вы возбудите во мнѣ желаніе предлагать вамъ вопросы: то смѣйтесь тому, я на то согласна; но прошу васъ изъ милости не отвѣтствовать ни единого слова. Дражайшая *Миссъ*, если вы меня любите, то отнесите сіе письмо на старое мѣсто и не старайтесь унижать меня предъ собственными моими глазами.

Миссъ Гранд. Знаете ли вы, *Генріетта*, что ваши разсужденія относятся ко мнѣ? Но теперъ я сама хочу предложить вамъ одинъ вопросъ. Чувствуете ли вы въ себѣ склонность такъ какъ третія сестра, взять *Емилию* подъ свое смотреніе, и везти съ собою въ Нортгampton-Ширъ! Отвѣтствуйте.

Миссъ Бир. Ахъ, *Миссъ Грандиссонъ!* не ужели думаете вы, чтобъ письмо содержало въ себѣ такое предложеніе? Но не отвѣчайте мнѣ на сіе, я покорно васъ прошу. Ожидайте, пока мнѣ представятъ предложенія какого бы они роду ни были. Сіе конечно въ скоромъ времени случиться можетъ, когда они непріятны. [Слезы появились уже въ глазахъ моихъ.] Но я васъ увѣряю, сударыня, что со мною никто не поступитъ недостойно, даже и самый изящнѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ и въ то время, въ которое я могу отречься отъ какого ни есть такого дѣла, кое я почитаю для себя недостойнымъ, я имѣю право сопротивляться съ твердостью, если таковой случай представится. Вы ему сестрица, сударыня; но мнѣ нѣчего опасаться равно и надѣяться.

Миссъ Гранд. Мнѣ кажется, милая моя, что вы уже не шутя говорите. Называть меня сударынею потомъ опять сударынею! этого я отъ васъ не прошу. Вы должны меня выслушать; когда я начну читать то мѣсто, гдѣ дѣло идетъ о васъ и *Емили*, если не желаете прочесть сами.

[Она тотчасъ начала было мнѣ читать.] Нѣтъ, вскричала я наложу руку на оную страницу. Я не хочу етаго ни слушать ни читать, я начинаю опасаться, чтобъ моя бодрость не уменьшилась, а между тѣмъ когда еще я властна избирать зло и добро; то не пропущу того удовольствія, чтобъ не предпринять лучшаго намѣренія, какого бы жребія ожидать мнѣ ни долженствовало. Вы должны меня простить, сударыня.... И не докончивъ рѣчи я пошла къ дверямъ моей горницы; но она настигши меня говорила:

Миссъ Гранд. Любезная *Генріетта!* Какъ! не ужели вы на меня разсердились? Но сколь пристала вамъ сія гордѣливость, я усматриваю въ ней видъ достоинства меня пленяющаго. Сколь онъ достоинъ одной въ свѣтѣ женщины, которую я почитаю подобною превосходнѣйшему изъ человѣковъ! я прошу прощенія, любезная *Генріетта*; скажите мнѣ поскорѣе, что меня прощаете.

Миссъ Бир. Васъ простить, любезная *Миссъ!* Ахъ! отъ всего моего сердца. Но какъ могли вы мнѣ сказать, что сіе письмо досталось въ ваши руки не честнымъ средствомъ? и простить васъ? И такъ отнесите его

поскорѣй туда гдѣ его взяли и предостерегайте меня на подобіе искреннѣйшей пріятельницы, естли въ нѣкую минуту моя слабости я окажу любопытство къ такимъ бумагамъ, кои достались бы мнѣ не лучшимъ сего средствомъ. Я признаюсь что оказала слабость: но естли бы я не исправила оной, то самыя ласкательнѣйшія освѣдомленія никогда бы меня не избавили отъ того, что бы я чего не претерпѣла, разсуждая о тѣхъ средствахъ, кои мнѣ оныя доставили.

Миссъ Гранд. Изящное сердце! Въ какое смущеніе вы меня приводите! Я положу сіе письмо на прежнее мѣсто и клянусь небомъ, что естли не могу изтребить изъ памяти моя содержанія онаго, хотя оно ничего инаго въ себѣ не заключаетъ кромѣ славы для моего брата, то никогда не скажу вамъ ни слова изъ онаго, естли мы не освѣдомимся о томъ другими средствами.

Я приняла ее въ свои объятія. Она цѣловала меня съ равною горячностію. Теперь люблю я ее еще болѣе, за то что съ толикимъ добросердечіемъ снесла осужденіе своего поступка. Не поздравляешь ли ты меня, любезная *Люція*, съ тою побѣдою, кою я сама надъ собою одержала? Она мнѣ весьма многого стоила. Весьма вѣроятно, что мое любопытство было самое великое къ такимъ особенностямъ, въ коихъ я имѣла много участія. Но мнѣ кажется, что удовольствіе знать оныя никогда не могло бы сравниться съ тѣмъ, кое я чувствую преодолѣвши искушеніе, не считая еще того, колико моя гордость возвысилась тѣмъ мнѣніемъ, кое я подала о себѣ *Миссъ Грандиссонъ*. Однако, въ чемъ же заключается мое здѣсь достоинство? Совѣтуюсь съ благоразуміемъ я бы осталась виновною, естлибъ пала подъ сіе бремя. Къ чему послужили бы мнѣ такія освѣдомленія, кои получила бы я столь худымъ средствомъ? Естлибъ я узнала что ни есть такого, чемъ бы чувствительно была тронута; то моя ненависть къ хитрости безпрестанно бы мнѣ измѣняла. *Докторъ* или *Сиръ Грандиссонъ*, могли бы открыть мою погрѣшность. Имѣла ли бы я столько подлости, чтобъ въ мое оправданіе стала обвинять *Миссъ Грандиссонъ*? Я покрылась бы вся стыдомъ, а *Г. Барлетъ*, которой имѣетъ ко мнѣ теперь довѣренность, можетъ быть утаилъ бы отъ меня всѣ тѣ сообщенія, кои я отъ него получить надѣюсь. И такъ, любезная моя, политика долженствуетъ поддерживать меня равно какъ и праводушіе и я заключаю, что въ семъ случаѣ я почишаю себя щастливою дѣвицею.

Миссъ Грандиссонъ рассказала сестрѣ своей все между нами происшедшее. *Милади* съ пріятностію объявила, что она не желала бы быть *Миссъ Грандиссонъ* взявши такое письмо, но естлибъ кто ниестъ подалъ ей оное развернутымъ, то она сумнѣвается чтобъ была и *Миссъ Биронъ*. При семъ она приняла меня въ свои объятія и многократно повторяла, что я рождена для ея брата, а онъ для меня. Сумнѣваетесь ли вы о томъ? Сказала любезная *Шарлотта*. Въ какую бы сторону сіи

обстоятельства ни обратились, но признайся, любезная *Люція*, что получа плѣнительное сіе одобреніе отъ двухъ сестръ, весьма мнѣ пріятно, что преодолѣла свое любопытство. *Миссъ Грандиссонъ* не преминула говорить *Милади* о многихъ путешествіяхъ, кои ея братъ думаетъ предпріять во Францію, для рѣшенія дѣлъ *Г. Данби*, во Флоренцію и Болонію, и о смотреніи замка *Грандиссонова*, откуда онъ хочетъ отправиться. Видишь, любезная *Люція*, что время моего отъѣзда приближается. Для чего не напоминали мнѣ, что тѣ три мѣсяца, кои я у нихъ препроводила, уже проходятъ? Расположены ли вы принять къ себѣ такую девицу, которая можетъ быть не возвратится съ столь свободнымъ сердцемъ какое прежде имѣла? и не взирая на то, какимъ образомъ надлежитъ ей показаться въ толь любезную фамилію, съ такимъ сердцемъ, коего она болѣе не узнаеть?

Но сколь щастлива своимъ свойствомъ *Миссъ Грандиссонъ*! ты конечно примѣтила, сколько она была тронута послѣднимъ нашимъ дѣйствіемъ. Но въ ней не осталось даже ни малѣйшаго слѣда онаго. Арія проигранная ею на клависинѣ привела ее въ прежнее состояніе. Она начала опять шутить съ такою пылкостью и веселостію, какъ будто бы ее ничто не опечалило. Чтожъ касается до меня, естлибъ я согласилась прочесть сіе письмо, то какую бы представляла я фигуру предъ собственными своими глазами въ продолженіе всего мѣсяца! Но не съ равною ли удобностію позабыла то возраженіе, которое ей причинилъ ея братъ, открытіемъ ея хитрости? въ самой тотъ день не поступила ли она со мною безъ всякаго сожалѣнія? Впрочемъ ея качества весьма плѣнительны. Ни какъ не лѣзя удержаться, чтобъ ее не любить. Я чувствую къ ней весьма нѣжную дружбу. Не происходитъ ли то отъ слабости когда видимъ не чувствуя охлажденія, въ одной особѣ такія погрѣшности, кои можно бы почестъ неизвинительными въ другой. Нѣтъ, *Люція*, не говори чтобъ другая такъ поступила, въ подобномъ случаѣ, какъ *Миссъ Грандиссонъ*. Какое различіе представляется глазамъ моимъ! Впрочемъ она мнѣ призналась, что раскаявалась въ своемъ поступкѣ прежде, нежели принесла ко мнѣ сіе письмо; но что она надѣялась скрыть свою погрѣшность, заставя меня раздѣлить съ нею оную. Я ей сказала, что ету ролю сыгралъ съ него видно какой дьяволенокъ. При семъ томъ любезная *Шарлотта* помышляла болѣе меня обязать, нежели удовольствовать самую себя. Нѣтъ такого дружества, скажешь ты, котороебъ могло оправдать худое дѣяніе. Я въ томъ согласна, *Люція*, дѣйствительно и безъ сумнѣнія ето такъ, но естлибъ вы знали *Миссъ Грандиссонъ*; то полюбили бы ее противъ своей воли.

Примѣчаніе. Письмо Сира Грандиссона, составляющее предметъ предшествующаго, содержитъ въ себѣ пространную подробность всѣхъ обстоятельствъ; въ коихъ однако онъ не совѣстьмъ изъясняется, поелику

Докторъ, къ коему онъ пишетъ, извѣстенъ о самоничтожнѣйшемъ. Онъ говоритъ о необходимыхъ причинахъ призывающихъ его во Францію и Италію; называетъ по имени нѣкоторыхъ иностранныхъ господъ, не давая однако знать, въ какихъ обстоятельствахъ онъ съ ними находится. Упоминаетъ о новой церквѣ, которую приказалъ строить въ замкѣ Грандиссоновѣ, и проситъ Доктора, чтобъ принялъ на себя трудъ освятить церковь, дабы ему избѣгнуть излишнихъ похвалъ, коихъ опасается получить изъ устъ своего священника. Въ письмѣ нѣсколько разъ была упоминаема Миссъ Биронъ и при томъ съ великою похвалою. Емилиа составляетъ предметъ продолжительной статьи. Сиръ Карлъ беспокоится о сей молодой особѣ по причинѣ того путешествія, о коемъ помышляетъ, и спрашиваетъ Доктора, что онъ думаетъ о его намѣреніи препоручить ее до своего возвращенія Миссъ Биронъ, дабы отдалить ее отъ опасной матери; она будетъ спокойна въ Нортгэмптон-Ширѣ; она присовокупитъ тамъ къ своему воспитанію всѣ плоды добродѣтельнѣйшихъ примѣровъ. Сіе намѣреніе подаетъ Сиру Карлу случай представить весьма пылкое изображеніе о чрезвычайныхъ достоинствахъ Миссъ Биронъ; но не вводя въ оныя другихъ чувствованій, кромѣ тѣхъ, кои происходятъ отъ удивленія и уваженія. Наконецъ онъ проситъ Доктора пріѣхать къ нему для исполненія одной статьи по завѣщанію Г. Данби, въ коемъ опредѣлено три тысячи фунтовъ Стерлинговъ на разданіе милостыни, и по первымъ правиламъ своя добродѣтели полагаетъ что первыя старанія надлежитъ обратить ко всему относящемуся до общественнаго блага, какъ на примѣръ: на бракосочетаніе бѣдныхъ дѣвицъ съ честными людьми по ихъ состоянію, на необходимыя вспомошествованія искуснымъ художникамъ, на пропитаніе трудолюбивымъ людямъ пришедшимъ въ великую бѣдность по своимъ лѣтамъ, по слабости, по случаямъ или отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, и проч.

ПИСЬМО XLIX.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

18 Марта въ вечеру.

Объ госпожи и Милордъ должны быть довольны моею довѣренностію. Я отдала имъ всѣ мои письма не перечитывая оныхъ и въ такомъ порядкѣ, какъ ты мнѣ ихъ прислала. И такъ они теперь имѣютъ всю внутренность моего сердца предъ своими глазами. Я мало о томъ беспокоюсь. Избранной мною челоуѣкъ есть Сиръ Карлъ Грандиссонъ. Они теперь уже не шутятъ надо мною съ того времени, какъ не имѣютъ причины обвинять меня въ скрытности. Весьма было бы жестоко, еслибъ ето продолжали, и я конечно бы не долго прожила въ Колнеброкѣ.

Ты приносишь мнѣ великое удовольствіе увѣряя меня, что поступокъ обѣихъ сестеръ касательно меня кажется тебѣ нѣсколько прискорбенъ: онъ равномѣрно и мнѣ такимъ кажется. Но я находила въ томъ сіе утѣшеніе для моей гордости, поелику размышляя объ томъ, мнѣ казалось, что по перемѣнчивымъ состояніямъ я буду болѣе имѣть осмотрительности. По истиннѣ, я начинаю теперь почитать себя гораздо подобнѣе имъ, нежели сперва осмѣливалась себя съ ними сравнивать. Но онѣ одарены изряднымъ свойствомъ, я имъ прощаю, и вы должны имъ простить также какъ и я. Мнѣ весьма прискорбно, что разборчивость моей бабушки простиралась до такого степени, что заставила ее даже плакать обо мнѣ по причинѣ сего произшествія. Возможно ли, чтобъ она отъ того плакала? Нѣжностію и снисхожденіемъ исполненная мать! Дядюшка мой не былъ толико сострадательнъ. Онъ радовался сему дѣйствию. Онъ думаетъ, говоришь ты, что обѣ сестры ничего такого не сдѣлали, чегобы онъ и самъ не сдѣлалъ. Сіе засвидѣтельствованіе конечно отдаетъ онъ ихъ разборчивости; но я увѣрена, такъ какъ и моя тетушка, что ихъ великодушный братъ не весьма бы благодарилъ ихъ за нанесенный мнѣ ихъ насмѣшками ужасъ.

Не время ли уже, любезная моя *Люція*, помышлять мнѣ о возвращеніи къ вамъ? Я ежечасно здѣсь стыжусь, видя себя какъ будто бы въ ожиданіи благопріятнаго для меня открытія, да я въ опасеніи, что оно не случится. Я усматриваю въ тонѣ нѣкое намѣреніе и притворство похожее.... я не могу сказать на что; но на меня наводятъ такія минуты, въ кои я съ великимъ трудомъ могу сносить саму себя. Между тѣмъ какъ добродѣтель, можетъ быть излишне личная, будетъ основаніемъ сихъ намѣреній, ожиданій и колебаній, я не буду себя почитать совершенно неизвинительною. И увѣрена, что не имѣла бы сего почтенія къ ихъ брату, естлибъ онъ не столь совершенныя имѣлъ добродѣтели.

Для чего Г. *Динъ* вперилъ въ мои мысли, что *Миссъ Жервинсъ* питаетъ въ себѣ, можетъ быть не зная того, такой пламень, которой учинится пагубнымъ ея спокойствію? Действительно сія дѣвушка не можетъ надѣяться..... Однако пятьдесятъ тысячъ гвиней изрядное имѣніе! Но невозможно чтобъ оно прельстило ея опекуна. Такой человекъ, какъ *Сиръ Карлъ* никогда не погонится за богатствомъ. Я наблюдаю движеніе, слова, видъ сей дѣвочки, когда говорятъ о немъ, и съ сожалѣніемъ усматриваю, что на глазахъ ея изъявляется пылкое чувствованіе, когда поминаютъ его имя. Она лишается всего вниманія къ тому чѣмъ занимается, и ея взоры устремляются къ той особѣ, которая о немъ говоритъ, какъ будто бы желаетъ проникнуть въ его обстоятельства. Она не можетъ, говорить она, вдругъ и слушать и заниматься дѣломъ, и при томъ вздыхаетъ. По истиннѣ, любезная *Люція*, никакъ нельзя его при ней хвалить. Она безпрестанно вздыхаетъ. Еще при такихъ лѣтахъ! Но ктожъ извѣститъ ее о опасности?

Но найбільше заставляють мене наблюдать всѣ ея дѣянїя, выключая примѣчанїя Г. *Дина*, слова нечаянно сказанныя *Миладією Л...* кои можетъ быть она узнала отъ своей сестры и кои *Миссъ Грандиссонъ* по видимому взяла изъ похищеннаго ею письма; ибо она мнѣ нѣчто о томъ проговаривала, хотя я тогда думала, что сіе не иное что было какъ единый умыселъ, дабы возбудить мое любопытство. Дѣло шло о предложенїи, кое весьма вѣроятно что мнѣ учинять, взять мнѣ съ собою молодую дѣвицу въ мою провинцію... мнѣ, которая сама имѣетъ еще нужду въ надзирательницѣ. Но пусть учинять мнѣ сіе предложенїе.

Когда мы разговаривали съ протчими госпожами о любви, такъ какъ о благопріятствующемъ предметѣ молодыхъ дѣвушекъ, то *Миссъ Жервинсъ* безъ всякой просьбы подала о томъ свое мнѣніе, и довольно долго болтала по своимъ лѣтамъ. Обыкновенно она молчитъ болѣе нежели говорить. Я сказала *Миссъ Грандиссонъ* на ухо: не видите ли вы, сударыня, что *Миссъ Жервинсъ* говоритъ болѣе противъ обыкновеннаго? Мнѣ и самой также кажется, отвѣчала мнѣ сія искренняя прїятельница, отъ которой ничто избѣжать не можетъ. Простите меня, *Шарлотта*, присовокупила я съ нѣкимъ притворствомъ. Я васъ прощаю, возразила она такимъ же голосомъ. Но пусть ее болтаетъ, естли хочеть, она не всегда такова бываетъ. Я весьма люблю *Миссъ Жервинсъ*, повторила я; но мнѣ кажется что ея привычка перемѣняется; и въ сіи критическія времена я весьма опасаюсь чтобъ молодыя особы не подвергнулись поношенїю. *Жервинсъ*, увидя что мы говоримъ тайно, сказала самымъ рѣшительнымъ голосомъ, что она не любитъ такихъ перешептыванїй; но будучи увѣрена, продолжала она, что ея опекунъ ее любить и что равномѣрно ею любимъ, въ сердце своемъ весьма она спокойна. Кто же думалъ о ея сердцѣ? И ея опекунъ ее любить! Нѣтъ, *Емилиа* не поѣдетъ со мною, любезная моя прїятельница!

9 Марта, по утру

О *Люція*! мы чрезвычайно безпокоимся теперь о *Миссъ Жервинсъ*, по случаю письма полученнаго вчерашняго вечера *Докторомъ Барлетомъ* отъ *Сира Карла*: оно намъ показано сего дня. Мать, сія несчастная женщина, о коей я тебѣ говорила, прїѣзжала къ *Сиру Карлу*. Бѣдная *Емилиа*! Любезное дитя! какою мать небо ей даровало !

Докторъ такъ былъ чувствителенъ къ благоугожденїю, кое я ему оказала отдавъ ему свои письма полученныя отъ моихъ прїятельницъ и прїятелей, коихъ одобренїе дѣйствительно меня обольстило, что безъ труда позволилъ мнѣ отослать къ тебѣ письмо *Сира Карла*. Я просила у него сей милости въ томъ мнѣніи, что ты съ охотою читаешь все касающееся до *Емилии*, но не упусти при первомъ случаѣ прислать мнѣ обратно то, что *Докторъ* по своей милости мнѣ ввѣрилъ.

Ты увидишь на концѣ его письма, что *Докторъ Барлетъ* извѣстилъ его о томъ желаніи, кое сестры его съ нѣкогo времени имѣютъ, дабы склонить его къ нимъ писать. Онъ на то соглашается, но съ такими договорами, какъ ты увидишь, на кои весьма невѣроятно чтобъ хотя одна изъ трехъ его сестеръ пожелала согласиться; ибо онъ считаетъ меня третью сестрою. Его три сестры! его третья сестра? Сіе повтореніе заключаетъ въ себѣ нѣчто весьма любезнаго! Я имѣю много причинъ удивляться его добросердечію: впрочемъ я усматриваю что сіе можетъ быть нѣсколько жестоко для нашего пола. Не во власти женщинъ состоятъ быть безъ скрытности, ты увидишь что сіе разсужденіе заключается въ его письмѣ. Онъ присовокупляетъ: можетъ быть, не долженствовало бы имъ.... Для чегожъ? Хотя бы это было и подаваемое имъ мнѣ наставленіе; но онъ не весьма легко можетъ и самъ разсмотрѣть то, что я есть. Какъ бы то ни было, *Люція*, меня никогда не будутъ упрекать въ низкости, я это двадцать разъ говорю. Я не подамъ ему никогда причины презирать меня; нѣтъ, хотя бы онъ былъ самой великой Монархъ во вселенной. Вѣрь во всемъ вышесказанномъ искренной твоей

Генріеттѣ Биронѣ.

ПИСЬМО I.

Сиръ Карлъ Грандиссонъ къ Г. Барлету.

18 Марта.

Ко мнѣ приходила, любезный *Докторъ*, мать *Емилии*. По сему весьма вѣроятно что она поѣдетъ въ Колнеброкъ, прежде нежели я буду имѣть щастіе туда возвратиться. Она не безъизвѣстна, что ея дочь тамъ находится и что мои обстоятельства не позволяютъ еще мнѣ оставить города. Находясь же въ такомъ опасеніи я посылаю къ вамъ нарочнаго и почитаю за долгъ увѣдомить васъ о всемъ между ею и мною происшедшемъ.

Она пріѣхавши ко мнѣ приглашала о себѣ доложить подъ именемъ госпожи *Жервинсъ*. Я принялъ ее весьма ласково, и мнѣ казалось что она ожидала отъ меня обыкновеннаго пріема отъ нашего вола (*), но я взялъ или лучше сказать принялъ ея руку, которую она мнѣ подала и съ удовольствіемъ подвелъ ее къ кресламъ. Вы конечно ее никогда не видали. Она почитаетъ себя пригожею и естлибъ ея пороки, кои какъ кажется изъясняются на лицѣ ея, не дѣлали ее ненавистною, то она могла бы еще и теперъ считать себя красавицею.

(*) Въ Англіи здороваются мужчины съ женщинами цалуясь съ ними.

Какъ поживаетъ *Емилиа*, Г. мой? [забавляясь вейеромъ] здѣсь ли она? Потрудитесь пожалуйста позвать ее. Я хочу съ нею видѣться.

Ее здѣсь нѣтъ, сударыня.

Гдѣ же она теперь? Она не давно уѣхала отъ госпожи *Ланъ*.

Она находится, сударыня, подъ наилучшимъ покровительствомъ; она у двухъ моихъ сестеръ.

Пожалуйте скажите, Г. мой, что вы о ней думаете! Она уже болѣе не ребенокъ. [Усмѣхаясь и глазами своими давая мнѣ знать свое мнѣніе.] Скажите мнѣ, что вы намѣрены съ нею сдѣлать? Вы знаете, присовокупила она, принявъ на себя важный но притворный видъ, что *Миссъ Жервинсъ* моя дочь.

Естьли вы заслуживаете, сударыня, быть признанною ея матерью, то были бы весьма довольны видя ее въ толь хорошихъ рукахъ.

О! Г. мой, я никогда не полагалась на добродушіе мужчинъ, а особливо когда пригожая дѣвушка находится въ ихъ рукахъ... я знаю свѣтскія обращенія, Г. мой, [улыбаясь съ шутливымъ видомъ.]

Что касается до меня, то я совершенно не знаю, сударыня, по какой причинѣ долженъ я съ вами говорить съ важнымъ видомъ. Но что вы хотите сказать моей питомицѣ?

Сказать? Г. мой, но развѣ вы не знаете, что я ей мать, и желаю принять на себя попеченіе о ея воспитаніи. Родитель ея отдалъ вамъ на сохраненіе ея имѣніе; но я хочу взять оное ради ея добраго имени изъ рукъ опекуна вашихъ лѣтъ. Я надѣюсь, Г. мой, что вы въ разсужденіи сего не станете сопротивляться.

Естьли по сей токмо причинѣ, сударыня, вы ко мнѣ пожаловали, то покорнѣйше васъ прошу меня отъ того уволить. Я долженъ идти изъ дому для исправленія моихъ дѣлъ. Впрочемъ естьли сіе желаніе, сударыня, происходитъ отъ матерней любви, то вы увидите съ нею по ея возвращеніи, хотя до сего времени вы не оказывали ей матерней любви. А что касается до ея особы и добраго ея имени; то оныя столько же мнѣ препоручены сколько и ея имѣніе.

Я вышла за мужъ, Г. мой, за честнаго человѣка.

Ваше бракосочетаніе, сударыня, есть новая причина, чтобъ не брать къ себѣ *Емилии*.

Знайте, Г. мой, что мой мужъ человѣкъ честной, имѣющей столько же храбрости, сколько и вы, и въ состояніи подкрѣпить мои права.

Каковъ бы онъ ни былъ, сударыня, но онъ не имѣетъ ни какого дѣла съ *Емилиєю*. Или вы пожаловали сюда для увѣдомленія меня о своемъ бракѣ?

Такъ, Г. мой; а вы меня не поздравляете.

Поздравлять? Сударыня. Я желаю, чтобъ вы заслужили быть щастливою, и тогда конечно были бы благополучны; но извините меня, пожалуйста; друзья мои меня ожидаютъ.

Я съ трудомъ могъ скрыть свое негодованіе. Сія женщина, говорятъ раза по два или по три каждой годъ выходитъ за мужъ.

Хорошо, Г. мой, вы можете быть узнаете, кто таковъ Маіоръ *Огара*. Знайте, что онъ происходитъ отъ знатной фамиліи въ Ирландіи и что не стерпитъ, дабы отнимали у меня дочь.

Маіоръ *Огара*, сударыня, никакого не имѣетъ сообщенія съ дочерью несчастнаго моего друга. *Емилиа* находится подъ моимъ покровительствомъ, и я скажу вамъ хотя съ прискорбіемъ, что она не имѣла бы нужды въ спомоществованіи чужаго человѣка, естлибъ та особа, которая имѣетъ право называтся ея матерью, въ состояніи была заступитъ мѣсто изящнаго родителя, коего она лишилась. Позвольте мнѣ, сударыня, подать намъ руку и проводить до вашей коляски.

Отъ сихъ словъ она чрезвычайно воспламенилась и въ весьма пылкихъ выраженіяхъ угрожала меня гнѣвомъ своего Маіора *Огары*; а въ заключеніе сказала мнѣ, что онъ былъ побѣдителемъ на шести поединкахъ. Я подаль ей руку, которую она не отвергла и подвелъ ее къ коляскѣ. Мы завтра увидимся, сказала она мнѣ съ грознымъ видомъ, и можетъ быть я буду съ Маіоромъ. Я не иначе могъ ей оказать свое презреніе, какъ молчаніемъ: о! неистовая и непотребная женщина!

Любезной мой *Докторъ*, не должно ни слова говорить о семь произшествіи передъ *Емилиєю*. Я думаю, что она не иначе должна съ нею видѣться какъ въ моемъ присутствіи. Оскорбительныя рѣчи сей коварной матери, въ такой же привели бы ее ужась, какъ и въ послѣдній разъ. Но можетъ быть я не прежде съ нею увижусь какъ чрезъ два мѣсяца. А поелику я имѣю власть опредѣлить ей ежегодную пенсію, изъ ста или двухъ сотъ гвиней состоящую, по моему разсмотренію, и слѣдую тому удовольствію, которое буду имѣть о ея поведеніи; то ея мужъ, естли она въ самомъ дѣлѣ замужемъ, которой конечно женился на ней по сей токмо причинѣ, дѣйствительно не пожелаетъ, чтобъ она впала въ бѣдность: ибо вамъ не безызвѣсгано, что я платилъ ей даже до сего времени сполна по двѣсти гвиней. Угроза, которую она мнѣ сдѣлала при своемъ отъѣздѣ, ничто иное быть можетъ какъ шутка, коею она хотѣла привести меня въ замѣшательство. Ето самая глупѣйшая кокетка, коея склонность къ лукавству простирается обыкновенно даже до хитрости.

Въ сію минуту я получилъ ваше письмо писанное сего утра, въ коемъ нахожу весьма важную статью. Вы увѣдомляете меня, что мои сестры, хотя бы мой отсудствія и весьма были кратковременны, желали бы получаѣтъ по нѣсколько отъ меня писемъ. Съ нѣкоего времени, любезный другъ, вы принудили меня сдѣлать привычку, заставляющую меня приниматься за перо съ толикою же легкостію, какъ и удовольствіемъ писать къ вамъ. Я сообщаю вамъ и любезному нашему *Бельшеру* все, что мнѣ на мысль ни приходитъ. Сіе употребленіе по истиннѣ принесло бы мнѣ великое удовольствіе написать письмо

сестрамъ моимъ. Я не желалъ бы, чтобъ онѣ могли и помыслить, что есть въ свѣтѣ такой братъ, которой любить своихъ сестеръ болѣе нежели я. А вы знаете, что у меня теперь ихъ три. Но для чегожъ онѣ сами не изъявили мнѣ сего желанія? Отказать кому ниестъ, кто мнѣ любезенъ въ такомъ удовольствіи. Кое ни малаго труда мнѣ не составляетъ, есть такой проступокъ; коего я ни когдабъ себѣ не простилъ.

Я съ превеликимъ удовольствіемъ согласился бы имѣть переписку съ моими сестрами, естли онѣ дѣйствительно того желаютъ; но я хотѣлъ бы, чтобъ тогда была у насъ настоящая переписка, то есть, чтобъ писали съ обѣихъ сторонъ. Думаютъ ли онѣ, чтобъ мнѣ не столько же было пріятно имѣть иногда свѣденіе о ихъ упражненіи и знать то что онѣ думаютъ о особахъ и вещахъ? Естли ихъ требованіе не есть кратковременное желаніе и естли вы будете имѣть случай съ ними о томъ говорить; то предложите имъ мой договоръ. Но естли я усмотрю, что ихъ откровенность не соотвѣтствуетъ моей, то увѣрите ихъ что тотчасъ прекращу сію переписку. Три сестры мои одарены весьма любвидостойною откровенностію въ разсужденіи женщинъ; но по оказаніи сей недовѣрчивости, осмѣлятся ли онѣ вступить въ споръ, въ равныхъ обстоятельствахъ, съ толь проницательнымъ человекомъ, какъ ихъ братъ? Нѣтъ; я почти совершенно въ томъ увѣренъ. Не во власти женщины состоятъ быть безъ скрытности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а можетъ быть она и не должна имѣть оной. Однако бывають иногда такіе люди и такіе братья, кои равномѣрно имѣють другъ къ другу довѣренность.

Естли мое предложеніе будетъ принято, то я могу писать къ моимъ сестрамъ по большей части о тѣхъ обстоятельствахъ, кои вамъ сообщаю. у меня весьма мало тайностей. Мои предосторожности могутъ касаться до меньшаго количества случаевъ, коими я опасаюсь причинить имъ безпокойство или прискорбіе. Когда я къ вамъ пишу, любезной мой *Докторъ*, то знаю что могу положиться на ваше благоразуміе, относительно къ тѣмъ мѣстамъ въ моихъ письмахъ, кои можно имъ показать. По истиннѣ я иногда довольно забавляюсь, любопытствомъ *Шарлотты*, что она весьма любитъ, какъ я ей въ послѣдній разъ писалъ, предполагать скрытности тамъ, гдѣ ихъ совершенно нѣтъ; и поставляютъ себѣ за честь свое проницаніе, когда она думаетъ, что ихъ открыла. Я люблю видѣть ее въ замѣшательствѣ и часто въ погрѣшности, вмѣсто наказанія за то молчаніе, кое она притворно на себя принимаетъ. Но сего уже довольно, о такомъ предметѣ, которой я могъ вамъ сообщить. Вы и вообразить себѣ не можете съ какою нетерпѣливостію желаю я быть въ Колнеброкѣ. Весьма жестоко дѣлать насиліе своимъ склонностямъ, любезной мой *Докторъ*, и я довольно часто то испытую.

ПИСЬМО LI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

19, въ вечеру.

Какъ я жалѣю о *Емилии*, она отягчена прискорбіями. Въ какую низокость подлая моя страсть меня повергаетъ! Такъ, любезная моя, я хочу называть ее подлою и безстыдною. Узнаешь ли ты меня? Весьма вѣроятно что она сдѣлаетъ меня завистною, жестокою, несправедливою, а что всего хуже къ бѣдной сиротѣ, имѣющей нужду въ покровительствѣ: противъ кого же? противъ матери. Ужасное положеніе! Не взирая на то, я начинала уже завидовать ей въ ея опекунѣ и въ томъ невинномъ удовольствіи, кое она находитъ говоря о немъ. Но можетъ ли онъ видѣть меня безъ презрѣнія, естли я не угащу сего возраждающагося чудовища, сей омерзительной ревности? Не ужели нещастіе *Емилии* не учинитъ мнѣ ее гораздо любезнѣе! нѣжное дитя! ты поѣдешь со мною, естли мнѣ учинять такое предложеніе. Дядя мой и тетушка подадутъ на то свое согласіе. Они великодушны. Они совершенно не имѣютъ такой страсти, которая бы могла изтребить въ нихъ склонность къ благотворенію. Они дѣйствительно таковы, какою я надѣюсь быть, а особливо теперъ когда я вошла въ саму себя. Чтожъ дѣлать! Естли нѣжность ея сердца обратила ея благодарность въ любовь, то не имѣетъ ли она такого же извиненія, какое и я въ томъ имѣть ласкаюсь?

[„*Миссъ Биронъ* повѣствуетъ: что мать *Миссъ Жервинсъ* пріѣзжала того же дня въ замокъ Колнеброкъ съ Маіоромъ *Огарою* и Капитаномъ *Салманетомъ*, желая видѣться тамъ съ своею дочерью: обстоятельства сего посѣщенія были весьма странны. Сіи два мнимые Офицера суть не иное что какъ наглецы. *Милордъ Л...* принявши ихъ поступалъ съ ними не весьма учтиво. Однако матернее упорство и то мнѣніе, что онъ не имѣетъ право сему сопротивляться, принудило его учинить сіе свиданіе зависящимъ отъ воли *Емилии* и онъ согласился ее о томъ увѣдомить. Но она отъ страху уже удалилась изъ замка. Она упростила *Миссъ Биронъ* състь съ нею въ карету *Милади Л...* въ коей сія госпожа пріѣхала изъ церкви, и подъ видомъ прогулки обѣ дѣвицы удалились изъ замка еще до обѣда. Тогда сказано матери, что ея дочери нѣтъ дома. Она воспламенилась гнѣвомъ. Ея храбрецы приняли было такой же видъ: но *Милордъ Л...* просилъ ихъ выдти вонъ честнымъ образомъ, естли не желаютъ привести его въ необходимость ихъ къ тому принудить. Они поѣхали, обѣщаясь видѣться съ *Сиромъ Карломъ* и освѣдомиться отъ него обо всемъ обстоятельно.

„*Миссъ Биронъ* представляетъ ужасъ своей спутницы, сожалѣніе, кое она отъ того восчувствовала, нѣжныя и усильныя прозѣбы, коими сія молодая особа ищетъ ея дружбы, и живость ея въ томъ повѣствованіи,

кое она ей рассказывала о худыхъ поступкахъ претерпѣнныхъ ею отъ своей матери. Слѣдствіе онаго есть то, что *Миссъ Биронъ* почувствовала великую склонность къ *Емилиі*; что позволила ей когда ей будетъ угодно, видѣться съ нею на единѣ и свободно приходить по вечерамъ въ ея горницу; къ ней писать и сообщать ей всѣ сердечныя свои чувствованія. *Миссъ Биронъ* признается *Миссъ Сельби*, что въ семь сообщеніи она ласкается проникнуть въ чувствованія *Емилиі* къ *Сиру Карлу*. Но удаляясь, какъ она того желаетъ, отъ ревности не усматриваетъ ничего укоризны достойнаго въ своемъ любопытствѣ. Въ тотъ же самой день *Емилиа* приходила къ дверямъ ея горницы; но она не могла ее принять, поелику докончивала письмо; однако общается ее за то возблагодарить посѣщеніемъ, кое желаетъ учинить ей въ вечеру въ собственной ея горницѣ, дабы подтвердить ей всѣ тѣ чувствованія дружбы, кои она ей общала во время прогулки...)

ПИСЬМО II.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Понедѣльникъ, 10 Марта.

Вчерашняго вечера когда все собраніе разошлось постучалась я у дверей *Емилиі*, кои мнѣ тотчасъ отворила горнишная ея женщина. Ково я вижу, любезнѣйшая моя *Миссъ Биронъ*, вскричала она подходя ко мнѣ съ распростертыми руками? Какое безпредѣльное снисхожденіе!

Я пришла, любезная моя, сказала я ей, препроводить полчаса въ пріятномъ съ тобою разговорѣ, по крайней мѣрѣ естли тебя не обезпокою

Ахъ! никогда и никого *Миссъ Биронъ* не можетъ обезпокоить.

И такъ прежде всего, любезная *Миссъ*, прикажите своей горнишной ложиться спать, безъ чего я здѣсь не останусь. Я оказала уже и своей такую милость. Естли вы имѣете нужду въ какихъ ниестъ небольшихъ услугахъ, то я вамъ сама оныя окажу.

Ахъ! сударыня, ваши попеченія на всѣхъ простираются. *Анна* мнѣ сказала, что всѣ служители сего дома васъ обожаютъ; я же довольно знаю, сколь вы любезны господамъ. *Анна* ложись спать.

Горнишная моя нѣсколько разъ мнѣ говорила, что *Миссъ Жервинсъ* любить ложиться поздно, читаетъ или приказываетъ себѣ что-либо читать *Аннѣ*, которой сія должность не очень нравится хотя она и весьма хорошо читать умѣетъ. Служители толико же чувствительны какъ ихъ господа и госпожи; они откровенно говорятъ то, что чувствуютъ. Я не сумнѣваюсь чтобъ они также не любили и *Миссъ Жервинсъ*. Я легко могла судить о господахъ какъ по любви ихъ служителей, такъ и по всякому другому правилу. Совершенное и почтительное стараніе служителей

Сира Карла не ясно ли показываетъ, колико они обожаютъ своего господина?

Я чувствую великое усердіе быть любимою отъ моихъ, а особливо съ того времени, какъ я примѣтила служителей моего опекуна и какъ мнѣ *Анна* рассказала все, что ни говорятъ о васъ вообще всѣ, сколько ихъ здѣсь ни находится; но не взирая на то вы толикое имѣете сходство съ моимъ опекуномъ, что кажется будто бы вы созданы другъ для друга.

[Она испустила произвольный вздохъ не стараясь однако удержать оной.]

Для чегожъ любезная моя пріятельница вздыхаетъ? отъ чего происходятъ вздохи моей *Емилии*?

Я восхищаюсь, сударыня, когда вы называете меня вашею *Емилиєю*! Опекунъ мой также называетъ меня своего *Емилиєю*. Я очень тогда горжусь, когда меня такъ называютъ.... Но я вздыхаю, по истиннѣ, не знаю отъ чего. Мнѣ кажется что это привычка, кою я приняла съ нѣкоего времени. Можетъ ли она вредить моему здоровью? *Анна* сказала мнѣ, что это худой знакъ и что я должка оной оставить. Ей кажется, что весьма не прилично для молодой особы такъ вздыхать какъ я; но я ничего худаго въ етомъ не усматриваю.

Увѣряютъ что вздохи суть знаки любви; и вы знаете что молодыя особы....

Ахъ! Сударыня, [прерывая рѣчь мою.] Вы также часто вздыхаете.

[При сихъ словахъ краска появилась на лицѣ моемъ.]

Правда, любезная моя, что я иногда въ томъ сама себя замѣчала. Конечно это привычка, какъ вы говорите, и я не желала бы чтобъ вы ее перенимали.

Но, сударыня, я имѣю такія причины воздыхать, коихъ вы имѣть не можете. Я имѣю мать..... увы! такую мать, отъ коей я менѣ желаю для себя милости, сколько для самой ея благополучія: толико несчастную мать, отъ коей нахожусь принужденною убѣгать. Родитель мой, коего добродушіе всѣмъ было извѣстно, померъ отъ нее съ печали. Ахъ! Сударыня, [обнявши меня и преклоня свою голову къ грудямъ моимъ] не имѣю ли я причины воздыхать?

Потекшія изъ глазъ моихъ слезы упали на ея шею. Я не могла удержать оныхъ, помышляя о столь справедливомъ и нѣжномъ прискорбіи! Кто не былъ бы тѣмъ тронуть?

А то, что здѣсь произошло вчерашняго дня, возразила она приподнявши голову. Бѣдная женщина! она не много отъ того получила плода. Думаете ли вы, чтобъ и сія единая причина не заставила меня вздыхать?

Прелѣстная дѣвица! [цѣлуя ее въ щеки.] Я буду любить тебя съ великою нѣжностію, *Емилиа*.

Вы весьма много оказываете мнѣ милости, сударыня. Не простирайте ее столь далеко. Вы видите, что она заставляет паки меня вздыхать, равно какъ и милость моего опекуна. Я совершенно увѣрена, что гораздо чаще стала вздыхать нежели прежде, съ того времени какъ оставила госпожу *Ланъ*; я лучше спознала его добродушіе; я совершеннѣе усматриваю то удивленіе, кое ему всѣ оказываютъ и благодарность, кою всякой почитаетъ за долгъ ему изъяслять. Судя что посторонней человѣкъ, я могу такъ сказать, и человѣкъ столь достойной, изливаетъ на меня всѣ благодѣянія, а несчастная мать причиняетъ ему великое замѣшательство: какъ возможно удержаться отъ вздоховъ имѣя столь сильныя къ тому причины!

Любезная *Миссъ*! [Я чувствовала, что сердце мое пронзено было сожалѣніемъ] мы обязаны ему оказывать равное почтеніе и ты и я, по самымъ сильнѣйшимъ причинамъ благодарности.

Ахъ! Сударыня, вы нѣкогда будете благополучнѣйшею изъ всѣхъ женщинъ и весьма ясно то видите.

Что хочеть сказать моя *Емилиа*?

Не вижу ли я и не слышу ли здѣсь каждой день того что *Милордъ Л...* и обѣ госпожи стараются исполнить; да и горничная моя не оказываетъ ли мнѣ, чего желаютъ и ожидаютъ себѣ здѣсь всѣ домашніе?

А чего они ожидаютъ? Чего они желаютъ? моя *Емилиа*?

Не вижу ли я, что мой опекунъ васъ любить?

Вѣришь ли ты тому, *Емилиа*?

Вѣрю ли я тому! Развѣ я не вижу, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ онъ каждое ваше слово!

Непорочное воображеніе, любезная моя.

Такъ, сударыня, вы конечно не столько примѣчали его взоры, какъ я, когда онъ съ вами находится; мнѣ также нѣкогда случилось примѣтить и ваши; но я неусмотрѣла въ нихъ таковыхъ движеній, какія въ его. Я увѣрена, что онъ васъ любить. [Произнося послѣднія сіи слова она паки испустила вздохъ.]

Но о чемъ же вы вздыхаете, моя *Емилиа*? Естьлибъ я имѣла щастіе быть столь благополучною, какъ вы то думаете и почитаемою симъ предостойнымъ человѣкомъ; то не ужели бы вы мнѣ по завидовали, любезная моя?

Завидовать? Мнѣ! мнѣ вамъ завидовать? Нѣтъ, по истиннѣ нѣтъ. Какую имѣла бы я причину.... но, дражайшая *Миссъ Биронъ*, скажите мнѣ теперь.....Я покорно васъ прошу, скажите мнѣ любите ли вы моего опекуна?

Вы знаете, что онъ любимъ всѣми. Вы, моя *Емилиа*, не ужели его не любите?

О! Я его люблю со всею нѣжностію. Но вы, сударыня, вы любите его съ такимъ упованіемъ, которое однимъ вамъ прилично. Пожалуйте

будьте откровенны къ своей *Емилиі*. Опекунъ мой ничего и никогда о томъ не узнаеть. Я васъ заклинаю въ томъ признаться. Вы не можете себѣ и вообразить, колико меня обяжете сею милостію. Она подасть мнѣ гораздо высокое о самой себѣ мнѣніе.

Объщаете ли вы мнѣ, *Емилиа*, быть столь откровенною, сколько оной отъ меня требуете?

Объщаю.

Я признаюсь, любезная моя, что имѣю великое почтеніе къ вашему опекуну.

Почтеніе? кто говорить о почтеніи? Ахъ! *Миссъ Биронъ*, сколько я ни молода, но очень знаю, что почтеніе не происходитъ отъ любви.

Очень хорошо, я хочу говорить откровенно съ моею *Емилиєю*; но токмо съ тѣмъ договоромъ чтобъ никто и никогда не зналъ того, въ чемъ я вамъ признаюсь. Я предпочла бы вашего опекуна, любезная моя, Королю во всей его славѣ.

И я его тоже бы предпочла, сударыня, естли бы была *Миссъ Биронъ*. Я желала бы во всемъ имѣть съ вами сходство.

Любви достойная невинность! Но, скажите мнѣ, *Миссъ Жервинсъ*, желаете ли вы, чтобъ я не имѣла сихъ чувствованій къ вашему опекуну? Вы знаете, что онъ также и мой, и что заступилъ мѣсто онаго въ самомъ важнѣйшемъ случаѣ въ моей жизни.

Желать... чтобъ *Миссъ Биронъ* была неблагодарною? Нѣтъ, нѣтъ. [Она еще вздохнула.]

Да о чемъ же моя *Емилиа* вздыхаетъ? Она обѣщалась мнѣ быть откровенною.

Я вторично вамъ обещаюсь. Но по истиннѣ, я и сама не знаю о чемъ вздыхаю, я желала бы, чтобъ опекунъ мой былъ самымъ благополучнѣйшимъ изъ человѣковъ: я желала бы сударыня, чтобъ вы были самою щастливѣйшею изъ всѣхъ женщинъ; а сего не иначе можете вы обрѣсти какъ другъ въ другъ. Не взирая на то мнѣ кажется что есть нѣкое препятствіе, противоборствующее взаимному вашему благополучію; а отъ сего-то думаю я происходитъ мое прискорбіе. Однако я не весьма увѣрена, чтобъ оно единственно отъ сего происходило. Нѣтъ, я дѣйствительно не знаю, откуда оно происходитъ. Естлибъ я знала, сударыня, то конечно бы вамъ сказала; но я иногда чувствую трепетанія сердца, прерывающія мое дыханіе; я ничего въ етомъ не понимаю. Здѣсь я вижу на себѣ какое-то бремя, заставляющее меня вздыхать; а вздохи повидимому приносятъ мнѣ удовольствіе, поелику меня облегчаютъ. Отъ чего ето происходитъ? [При семъ она остановилась взирая на меня,]

Продолжай, любезная моя, твое описаніе весьма пленительно.

Я съ охотою окончу рѣчь мою. Естли кто ниестъ прибѣгши съ торопливостію, какъ то случилось въ послѣдній разъ горнишной моей

женщинѣ, скажетъ мнѣ: *Миссъ, Миссъ, Миссъ*, опекунъ вашъ пріѣхалъ: то я тотчасъ прихожу въ колебаніе. Мнѣ кажется что сердце мое столько наполняется, что едва могу удержать его въ своей груди. Я принуждена бываю сѣсть, и столь тяжело дышать, какъ будто бы взбѣжала на верхъ по самой трудной дорогѣ. Почти съ четверть часа я бываю въ такомъ трепетаніи что не имѣю силы бѣжать на встрѣчу къ моему опекуну. Хотя съ великою нетерпѣливостію желаю его видѣть, а по томъ слышать толико пріятной голось о мнѣ соболѣзнующей, что имѣю несчастную мать, которая называетъ меня своею *Емилиєю*.... Не слышите ли вы, что его голось чрезвычайно пріятенъ, да и вашъ очень пріятенъ? Всѣ домашніе говорятъ, что и въ самыхъ простѣйшихъ вашихъ словахъ, вашъ голось есть образецъ.... тогда *Анна*, меня увѣряетъ....

О ласкательница, какъ ты меня плѣняешь!

Я неумѣю льстить, сударыня. Не называйте меня ласкательною. Нѣтъ я говорю чистосердечно.

Я тебя почитаю чистосердечною; но ты возбуждаешь во мнѣ тщеславіе, любезная *Миссъ*. Я тебя ее укоряю за сказанное тобою мнѣ, что обо мнѣ думаютъ; но я укоряю самое себя за то, что весьма къ тому чувствительна. Пожалуйста, продолжайте. Тогда *Анна!* сказали вы, увѣряетъ....

Она увѣряетъ меня, что всѣ чрезвычайныя сіи движенія суть знаки любви. Глупая! Однако статья можетъ, но это только не такая любовь, каковую она подъ симъ именемъ разумѣетъ, то есть: каковую она чувствовала въ своихъ критическихъ лѣтахъ: такъ странно она ихъ называетъ, говоря, что препроводила ихъ въ такой любви будучи двумя или тремя годами старѣе меня. Во первыхъ вамъ не безызвѣстни, сударыня, что я весьма молода, и только что выхожу изъ младенческихъ лѣтъ. Я никогда не имѣла ни матери, ни сестры, ни подруги моего пола. Дочери Гжи. *Ланъ* что для меня значили? Онѣ считали меня дитятею; да я и въ самомъ дѣлѣ была такою. Впрочемъ я люблю по истиннѣ моего опекуна, но съ такимъ уваженіемъ, какъ бы моего родителя. Я не имѣла нималѣйшей такой мысли, котораябъ не была сопровождаема глубочайшимъ къ нему почтеніемъ, и такимъ, какое помню я, имѣла къ своему родителю.

Однако, любезная моя, чувствовала ли ты когда ниестъ хотя единое изъ тѣхъ движеній, о коихъ ты говорила, когда увѣдомляли тебя о возвращеніи твоего родителя, по небытности его чрезъ нѣсколько дней дома.

Нѣтъ. Я признаюсь, что никогда сего не случилось. Хотя я и всегда радовалась видя моего опекуна, когда онъ пріѣзжалъ къ Гжѣ *Ланъ*, но я не помню, чтобъ мои движенія когда ни будь были столь стремительны, какъ послѣднія. Я и сама тому удивляюсь. Не можете ли вы мнѣ сказать тому причину?

Нѣжность и сожалѣніе къ сей любвидостойной дѣвицѣ не тронулиль сердца твоего, любезная *Люція*?

Не сумнѣвайся, любезная моя *Емилиа*, чтобъ ето не были признаки...

Какіе, сударыня, [прервавъ мою рѣчь.] Скажите мнѣ искренно, я не скрою отъ васъ ни единой мысли.

Такъ, естли я тебя разсматриваю, любезная моя.

Скажите же, сударыня?

Признаки любви я въ томъ ни мало не сумнѣваюсь, и при томъ такой любви, которая можетъ тебя лишить спокойствія.....

Нѣтъ, [вторично прервавъ мою рѣчь.] Нѣтъ сударыня, нельзя тому стать. Естлибъ ето было то, что вы думаете, сударыня, то я не имѣла бы смѣлости казаться предъ вами. Богъ тому свидѣтель, что я желала бы васъ одну васъ видѣть *Миладіею Грандиссонъ*. Я только опасаюсь....

Чегожъ вы опасаетесь?

Чтобъ дружество моего опекуна ко мнѣ не уменьшилось, когда онъ будетъ женатъ.

Опасаетесь ли вы, чтобъ его жена не приложила всего своего старанія къ счастію столь великаго сердца, каково его?

Нѣтъ, естли вы его супругою будете... Но, сударыня, [потупляя глаза] простите моей глупости! Онъ уже не будетъ меня брать за руку съ такою пріятностію, какъ теперь. Его взоры не будутъ уже имѣть болѣе той нѣжности, кою они теперь изъявляютъ изъ сожалѣнія къ моему состоянію. Онъ не станетъ болѣе называетъ меня своею *Емилиею* и не будетъ болѣе требовать отъ всѣхъ, подобно прежнимъ уваженій къ своей питомицѣ.

Любезная моя, вы теперь уже не дитя. Естли онъ и еще нѣсколько времени останется холостымъ, то вѣрьте что вся любовь, кою онъ изъявляетъ къ вамъ до сего времени словесно, вскорѣ скроется во внутренности его сердца. Вы должны ожидать сей перемѣны отъ его, благоразумія. Да вы и сами, любезная моя, вы подадите ему къ тому примѣръ; вы будете гораздо скрытнѣе въ наружныхъ поступкахъ, нежели сколько были въ прежнемъ возрастѣ.

Ахъ? Сударыня, что вы мнѣ говорите? Когда бы мнѣ было и двадцать лѣтъ, но я умерла бы съ печали естлибъ онъ пересталъ со мною поступать съ прежнею нѣжностію. Естли я подамъ ему причину почитать меня нескромною, отважною и докучливою, то соглашаюсь, чтобъ онъ меня называлъ чужею *Емилиею*, а отрекся бы называть своею.

Ваши мысли, любезная моя, перемѣнятся еще до того времени.

Нѣтъ, я не хочу и жить на свѣтѣ, естли сія перемѣна должна случиться. Представте себѣ, сударыня, что единое мое утѣшеніе въ нещастіи, въ кое повергла меня моя мать, состоитъ въ томъ, что имѣю толико любезнаго и добродѣтельнаго опекуна, которой называетъ меня своею *Емилиею* и которой любитъ меня какъ родную свою дочь. Скажите

мнѣ, сударыня, естьлибѣ вы были *Милади Грандиссонъ*, завидовали ли бы вы симъ знакамъ его о мнѣ соболѣзнованія и дружбы.

Нѣтъ, любезная моя; нѣтъ, естьли только я совершенно знаю внутренность моего сердца.

И позволили бы вы мнѣ жить вмѣстѣ съ вами? Скажите, сударыня, теперь, когда вы обо всемъ извѣстны; позволили бы вы мнѣ жить съ вами и съ моимъ опекуномъ. О семъ уже давно хотѣла я васъ спросить; но опасность и смущеніе препятствовали мнѣ произнести оное даже до сего времени, когда вы меня ободрили. Я васъ увѣряю, что съ охотою на то соглашусь, естьли вашъ покровитель не сдѣлаешъ на оное какого возраженія.

Ахъ! сего не довольно, дражайшая моя *Миссъ Биронъ*. Будете ли вы моею искреннею и усердною у него ходатайницею? Весьма вѣроятно, что онъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ. Согласитесьли вы.....Я хочу вамъ сказать, сударыня, какъ надлежитъ поступать... Согласитесь ли вы сказать ему: „Посмотрите *Сиръ Карлъ* на сію молодую дѣвицу, сію *Емилию* одаренную изящнымъ свойствомъ. Ея мнѣніе довольно велико. Ее могутъ поймать въ сѣти. Она не имѣетъ другаго родителя, кромѣ васъ. Бѣдная дѣвица, [я думаю, что для возбужденія въ немъ ко мнѣ сожалѣнія, вы будете меня называть трогательными именами], бѣдная дѣвица не имѣетъ матери, или считаетъ себя гораздо несчастливѣйшею, что имѣетъ оную. Какое лучшее средство усматриваете вы для нее, кромѣ того, какъ оставить ее жить съ нами? Я буду ея покровительницею, ея пріятельницею, ея маминькою. Такъ, сударыня, [прерывая рѣчь свою] позвольте мнѣ избрать себѣ маминьку. Не оставляйте несчастную дочь безъ матери, естьли вы можете заступитъ мѣсто оной. Я увѣрена, что употреблю все мое стараніе, дабы только приносить вамъ удовольствіе и что никогда не причиню вамъ прискорбія. И такъ вы можете сказать *Сиру Карлу*, я настою въ томъ, Г. *Грандиссонъ*. Мы составимъ благополучіе сей бѣдной сиротѣ. Она слыхала о хитростяхъ человѣческихъ, коими они стараются ловитъ богатыхъ наслѣдницъ въ свои сѣти. Сей страхъ равно и опасность происходящая отъ ея матери, безпрестанно приводятъ ее въ трепеть. Она будетъ съ нами спокойна.,, Любезнѣйшая, дражайшая *Миссъ Биронъ*? Вы почувствовали ко мнѣ сожалѣніе.... [Ктожъ бы не восчувствовалъ онаго отъ ея дѣтскія нѣжности? Она обняла меня съ великою нѣжностію.] Я вижу что вы тронуты сожалѣніемъ..... я поставлю за великое щастіе быть съ вами. Естьли вамъ непротивно я буду вашею горнишною. Я буду помогать вамъ одѣваться и каждый день казаться любвидостойнѣйшею глазамъ моего покровителя.

Я чувствительно была тронута всѣми сими мнѣніями. Сего довольно; сего довольно, моя любезная, нѣжная и великодушная *Емилиа*! естьли мой жребій учинится такимъ, какъ вы говорите, то нѣтъ ничего такого, чегобъ мое сердце не готово было вамъ оказать; вы не имѣли бы

ни единого желанія, коегобъ успѣхъ ни учинился мнѣ толико же пріятнымъ какъ и самимъ вамъ. Я прижимала ее къ своей груди въ то время, какъ она продолжала обнимать меня обѣими своими руками.

Я можетъ быть васъ утомляю, возразила она. Ни за что въ свѣтѣ не пожелала бы я причинить и малѣйшаго прискорбія молодой моей маминькѣ. Позвольте мнѣ впредь называть васъ симъ именемъ. Маминька, какъ мнѣ говорили, гораздо нѣжнѣйшее наименованіе, нежели матушка. Нещастная Гжа. *Жервинсъ*, или Гжа. *Огара*, естли сіе качество приносить ей удовольствіе, не будетъ для меня болѣе, какъ мать. Дитя не должно отрекаться отъ своей матери, хотя она сама отъ него отрывается, или дѣлаетъ еще хуже нежели отрывается отъ своего дитяти.

Уже время мнѣ растаться съ вами, *Емилиа*.

Скажите же, моя *Елигл*.

Моя *Емилиа*, моя любезнѣйшая *Емилиа*. Вы лишили меня сна и я конечно уже не засну во всю ночь.

О! мнѣ это весьма прискорбно....

Не печальтесь ни о чемъ, любезнѣйшая моя. Правда, что вы причинили мнѣ нѣкое прискорбіе; но это самое пріятнѣйшее, коего я еще никогда не чувствовала въ своемъ сердцѣ. Я удивляюсь такому добродушію, невинности, и столь великодушнымъ чувствованіямъ! я почитаю за великое щастіе, что спознала толь нѣжное сердце, какъ ваше.

Сколько умножаете вы мое восхищеніе! [При сихъ словахъ она паки начала меня обнимать.] Но для чегожъ такъ скоро отъ меня бѣжите?

Такъ надобно, любезная моя. Я не могу долѣе остаться. Но вѣрьте, что *Емилиа* останется на всегда любезнѣйшею моему сердцу. Я употреблю всѣ мои старанія къ споспѣшествованію благополучія ея жизни, и къ исполненію всѣхъ ея желаній.

И такъ я считаю себя весьма увѣренною, что буду жить съ вами и моимъ покровителемъ. [Тогда держа меня за руку, она стала на колѣни.] Дай Боже, какъ для моего такъ и для вашего благополучія, чтобъ вы въ скоромъ времени учинились наищастливѣйшею изъ женщинъ, по бракосочетанію съ самымъ превосходнымъ изъ человѣковъ, съ моимъ покровителемъ! Присоедините свою молитву къ моей. Скажите *Аминь*, и да низпошлетъ небо вамъ вся благая.

Я съ великимъ трудомъ могла освободиться отъ рукъ ея. О утѣшеніе моего сердца! я тронута плѣнительными вашими восхищеніями. Послѣ спѣшила я идти въ свою горницу. Она за мною слѣдовала и ухвативши мою руку поцѣловала ее съ великою нѣжностію. И такъ вы на меня не сердиты, сударыня? Скажите, что вы несердиты. А безъ сего обнадѣживанія я съ вами не разстанусь.

Сердита, любезная моя! Ахъ! кто можетъ на васъ сердиться? Въ какое сильное движеніе привели вы меня своими нѣжностями....

Я весьма довольна, если совершенно ни чѣмъ васъ не оскорбила.... Но скажите еще однажды, моя *Емилія*. Скажите, добрый вечеръ, моя *Емилія*, моя любезная, и всѣ тѣ нѣжныя имена, кои вы произносите пріятнымъ своимъ голосомъ. Дайте мнѣ ваше благословеніе, такъ какъ долгъ требуетъ отъ дражайшей моей маминьки, тогда я васъ отъ себя отпущу и буду воображать, что иду спать съ ангелами.

Да благословитъ Боже мою *Емилию*, и да повелитъ Ангеламъ безпрестанно быть вокругъ моей *Емилии*! Желаю доброй ночи моей *Емилии*. Дай Боже, чтобъ моя *Емилія* препроводила сію ночь въ спокойномъ и пріятномъ снѣ. Я поцѣловала ее раза съ три со всею нѣжностію, кою она во мнѣ къ себѣ внушила, и отходя отъ ней, усугубила шаги мои: но она осталась у дверей своихъ, провожая меня глазами, и кланяясь весьма низко въ каждый разъ какъ я на нее оглядывалась.

Размышляя въ моемъ уединеніи о всемъ сказанномъ мнѣ сею любезною дѣвицею и о неизвѣстности моего жребія, погрузилась я въ столь различныя мнѣнія, что всю ночь не могла сомкнуть своихъ глазъ. Я встала еще до разсвѣту и колеблясь движеніемъ помышляла о столь трогательномъ предметѣ, которой безпрестанно.... Я не имѣла другой помощи кромѣ прибѣжища къ перу моему. Ты, любезная *Люція*, вы дражайшая моя бабушка, тетушка, дядюшка, сдѣлайте для меня болѣе, дайте мнѣ позволеніе, прикажите мнѣ, принуждайте меня привести къ вамъ мою *Емилию*, если мнѣ о томъ предложить. Не взирая на то, я не привезу ее къ вамъ, если вы мнѣ не обѣщаете имѣть къ ней столько же нѣжности и благосклонности, сколько вы ко мнѣ имѣете.

ПИСЬМО ІІІ.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Понедѣльникъ, 20 Марта

Дѣятельная и неутомимая милость *Сира Карла Грандиссона* приводитъ меня, любезная *Люція*, въ такое удивленіе, коего я не могу выразить. Я посылаю къ тебѣ два письма вновь сообщенныя намъ добродушнымъ *Докторомъ Барлетомъ* и содержащія въ себѣ повѣствованіе о томъ, что *Сиръ Карлъ* сдѣлалъ для своего дяди. Онъ оказалъ ему услугу подобно родителю. Слыхала ли ты что удивительнѣе сего? Но онъ созданъ для оказанія всякому благодѣянія. *Докторъ* сказалъ намъ, что получа отъ него въ то время, когда *Миссъ Грандиссонъ* изъявила къ тому свое желаніе, позволеніе показать намъ нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ, онъ не могъ сдѣлать изъ оныхъ лучшаго употребленія, какъ прочесть намъ два послѣднія мѣста, поелику оныя единственно относятся до обстоятельствъ фамиліи. Прочитавъ намъ оныя онъ пошелъ въ свой кабинетъ, куда я за нимъ послѣдовала, получа позволеніе списать

ихъ для тебя. Я не могу подать тебѣ справедливаго мнѣнія о благоразуміи, великодушій, справедливости и безкорыстности, кои усмотрѣла въ сихъ письмахъ не списавъ ихъ въ точности, Но *Люція*, колико новыхъ наблюденій представляется глазамъ моимъ! Ахъ! къ несчастію моему они весьма разительны. Разсмотримъ теперь хотя одно; оно состоитъ въ томъ: что естлибъ *Сиръ Карлъ* произвольно предложилъ мнѣ свою руку; то я не знаю пожелала ли бы я ее принять. Вѣришь ли ты, что естлибъ я была его женою, то безпрестанно жила бы въ опасности съ нимъ разлучиться, по причинѣ того неизбѣжимаго удара, которой угрожаетъ всѣхъ человѣческихъ чадъ? Сколько же мучительна таковая жизнь!

Примѣчаніе. [„Письма исключенныя здѣсь, содержатъ въ себѣ все то, что *Сиръ Карлъ* сдѣлалъ для освобожденія своего дяди, *Милорда В...* отъ старой любовницы, которая его тиранила, и повѣствованіе о посѣщеніи, коимъ онъ былъ удостоенъ матерью *Емилиі* съ двумя ея храбрецами. Въ разсужденіи же обстоятельства касающагося до его дяди, по истиннѣ онъ вель себя съ такимъ благородствомъ, которое можетъ привести всякаго въ изумленіе. Сіи слова соотвѣтствуютъ его поведенію. Онъ удачливо успѣлъ различными средствами отослать госпожу *Гиффордъ*, которая весьма была довольна опредѣленною имъ ей пенсіею. По свойству сія женщина надменна и чрезвычайно корыстолюбива; а *Милордъ В...* имѣетъ отвращеніе къ продолжительному и прискорбному сообщенію, и подверженъ слабости отъ сильной привычки къ снисхожденію и рабству, по чему и вышли причины къ весьма страннымъ случаямъ. Потомъ *Сиръ Карлъ* предлагаетъ своему дядѣ бракосочетаніе, дабы содѣлать его жизнь равномѣрно пріятною и честною. Онъ беретъ на себя сыскать приличную ему супругу; и *Милордъ В...* плѣняясь великодушіемъ племянника, которой будучи единымъ его наслѣдникомъ, слѣдовательно жертвуетъ собственными своими выгодами его благополучію, совершенно предается ему, требуя однако, чтобъ та супруга, которую онъ старается ему сыскать была не моложе пятидесяти лѣтъ.

„Посѣщеніе *Емилиіной* матери представляетъ стремительнѣйшее и опаснѣйшее явленіе. Отъ сего-то по видимому, происходятъ тѣ бѣды, изъ коихъ *Миссъ Биронъ* усматриваетъ безпрестанное мученіе въ томъ, что могло бы наищастливѣйшаго ей случится. *Маіоръ Огара* и *Капитанъ Салмонетъ*, желая устрашить *Сира Карла*, простирали свою наглость даже до угрозъ; и по причинѣ рѣшительнаго отвѣта, которой онъ имъ далъ, ухватились оба за шпаги. Онъ принужденнымъ находился обнажить и свою и по превосходной своей неустрашимости и искусству, вышибъ оную изъ рукъ одного, обезоружилъ другаго, принудилъ обѣихъ ихъ выдти изъ своего дома, и сѣсть въ коляску, не имѣя при себѣ ни шпагъ ни шляпъ. Они осыпали его ругательствами, кои онъ презираетъ

и какъ находились они въ такой чрезвычайной своей ярости, случилось съ ними весьма забавное дѣйствіе, поелику тотъ, которой говорилъ наклонившись головою къ колясочнымъ дверцамъ, поднимался весьма проворно, между тѣмъ какъ другой наклонялся съ равною же запальчивостію и повстрѣчавшись оба вдругъ, столь сильно ударились, что обратили свою ярость одинъ противъ другаго. При томъ посадивши съ собою госпожу они поѣхали. Вскорѣ послѣ того послали они къ *Сирю Карлу* человѣка, обѣщаясь быть гораздо умѣреннѣе, естли онъ хочетъ токмо возвратитъ имъ шпаги и шляпы, и платитъ пенсію состоящую изъ двухъ сотъ гвиней госпожѣ *Огартъ*. Онъ отдалъ шпаги и шляпы; а въ разсужденіи пенсіи онъ отвѣчалъ, что будетъ располагать оною смотря по поведенію сей женщины, поступая по самымъ справедливѣйшимъ законамъ.

„Здѣсь исключено второе письмо содержащее въ себѣ повѣствованіе, что *Сиръ Карлъ* и покровители дѣтей *Г. Данби* распорядили все къ бракосочетанію молодой дѣвицы и двухъ братьевъ. *Докторъ Барлетъ* бывши при семъ случаѣ въ Лондонѣ возвратился будучи весьма доволенъ, тѣмъ что видѣлъ, и присовокупляетъ къ сему повѣствованію нѣкоторыя другія примѣры великодушія у *Сира Карла*, кои производятъ обыкновенное впечатлѣніе надъ сердцемъ *Миссъ Биронъ*.]

ПИСЬМО LIV.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу, 24 Марта.

Сиръ Карлъ пріѣхалъ сего утра. Какъ скоро онъ вошелъ въ горницу, то блестящій лучъ просіялъ на лицахъ всего собранія.

Онъ приносилъ всѣмъ свое извиненіе, по причинѣ столь долгаго отсутствія, наипаче когда я нахожусь въ Колнеброкѣ; его собственныя его выраженія, кои онъ учтивымъ образомъ сопровождалъ съ глубокимъ ко мнѣ почтеніемъ. Мнѣ казалось, что оныя послѣдуемы были вздохомъ и нѣжнымъ взглядомъ. Но я не могла осмѣлиться, чтобъ спросить у *Миссъ Грандиссонъ*: не примѣтилили она чего нибудь особеннаго въ его ко мнѣ вѣжливости: я воображала себѣ, что конечно его осмотрительность не позволила ему прямо принести мнѣ своихъ извиненій, поелику онъ не желалъ показать того, чтобъ думалъ будтобъ я ожидала его возвращенія. Я равномѣрно не сожалѣла о томъ, что онъ не назвалъ меня третіею своею сестрою. Видишь *Люція*, какимъ образомъ сумнѣніе заставляетъ разсматривать и самомалѣйшія обстоятельства.

Однако я не весьма была довольна, что его отсутствіе продолжалось столь долгое время и помышляя о томъ единожды приняла было

намѣреніе возвратишься въ Лондонъ; а можетъ быть я бы на то и рѣшилась, естлибъ была увѣрена, что причину ему хотя нѣсколько печали моимъ отъѣздомъ. О женщины! женщины! вскричалъ бы здѣсь мой дядюшка: но я ни мало не тщеславолюсь, чтобъ превосходила всѣ слабости моего пола. Какъ скоро я его увидѣла; то всѣ мои непріятности исчезли. По щастливомъ успѣхѣ въ дѣлѣ *Андерсона, Данби и Милорда В...* онъ казался глазамъ моимъ въ гораздо блестящемъ видѣ, нежели *Герой* покрытой лаврами, и возвращающейся на торжественной своей калесницѣ, ведя за собою великое множество полоненныхъ Принцевъ. Коль славнѣе свойство друга человѣческаго рода качествъ побѣдителя народовъ!

Любезная моя *Емилиа* не могла удержаться отъ пріятнаго замѣшательства, вспоминая о тѣхъ затрудненіяхъ, кои она нанесла наилучшему своему другу, хотя еще и безызвѣстна о посѣщеніи ея матери съ *Огарою* и *Салмонетомъ*. Онъ благодарилъ меня за ту милость, кою я оказала уѣхавши съ *Емилиєю* отъ ея матери, коея единый видъ могъ бы привести ее въ чрезвычайный ужасъ; онъ равномѣрно возблагодарилъ и *Милорда* за оказанную имъ въ семъ случаѣ нѣжность къ его питомицѣ.

Ему подали письмо оставленное Гжею. *Жервинсъ* для своей дочери. Онъ нечитавши, отдалъ его *Миссъ Емилии*. Но она вскорѣ ему оное возвратила, съ толикою пріятностію, что онъ не могши отказать дабы его не принять сказалъ ей: что они прочтутъ его вмѣстѣ. Сіе письмо подало случай *Доктору* увѣдомить его, что онъ сообщилъ намъ нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ. Я безъ всякаго сомнѣнія одобряю, отвѣчалъ онъ, все то что *Докторъ* ни дѣлаеть; но что думаютъ мои сестрицы о договорахъ въ разсужденіи переписки, кою онѣ вести желаютъ? *Милади* чистосердечно объявила, что она съ великимъ удовольствіемъ желала бы видѣть все то, что онъ пишетъ къ *Доктору*, но что она не въ состояніи на каждое письмо писать отвѣтъ. Для чегожъ, спросилъ онъ? *Миссъ Шарлотта* поспѣшно отвѣчала, что чтеніе писемъ *Миссъ Биронъ* лишило ихъ охоты писать. Я почелъ бы себѣ за чрезвычайное щастіе, возразилъ онъ, естлибъ могъ получить ту же милость, въ коей неотказано *Милорду Л...* изъ двухъ братьевъ, сударыня, присовокупилъ онъ обратясь ко мнѣ, не ужели вы исключите одного изъ той довѣренности, кою имѣете къ другому?

Братья, *Люція!* въ сію минуту онъ не показался мнѣ столько любвидостойнымъ, сколько въ то время какъ пріѣхалъ.

Однако я осталась въ нѣкоемъ замѣшательствѣ и не знала бы что отвѣчашь, естлибъ *Миссъ Грандиссонъ* меня отъ того не избавила, говоря ему, что она сообщитъ ему мои письма, естли онъ согласится показать намъ тѣ, кои писалъ къ *Доктору* въ то же самое время и не утаивая ничего. Онъ спросилъ, согласна ли я принять сей договоръ. Я долго на то

не соглашалась; но усиленные прозрѣныя моихъ сестеръ, а можетъ быть мое любопытство, преодолѣли всякое во мнѣ сопротивленіе. *Миссъ Грандиссонъ* обязалась исполнить сей договоръ,

По окончаніи сего разговоръ обратился на письмо госпожи *Жервинсъ*. Онъ придвинулъ свой стулъ къ *Емилиі*; называлъ ее любезною своею дочерью и дитятей заслуживающимъ все его соболѣзнованіе. Вы призваны, сказалъ онъ, къ славнымъ опытамъ; и до сего времени, они приносили вамъ честь. Я бы желалъ, чтобъ сія несчастная имѣла хотя половину той честности, кою она увѣрена найти въ вашихъ разположеніяхъ. Но прочтемъ ея письмо.

Онъ вынулъ его изъ своего кармана. *Емилиа* вставши со стула стала подлѣ его утирая глаза и усиливаясь преодолѣть свое движеніе. Развернувши письмо онъ обнялъ свою питомицу. По истиннѣ, *Люція*, онъ самый нѣжный равно и храброй изъ человѣковъ. Чего не согласилась бы я дать за такое изображеніе, которое бы представило хотя половину той пылкости и нѣжности, кои блистали въ очахъ его, когда онъ обращалъ оныя то на письмо, то на *Емилию*? Несчастливая женщина! сказалъ онъ раза съ три, смотря въ письмо. Прочитавши оное возразилъ онъ, вы должны его прочесть, любезная моя. Я усматриваю въ немъ нѣкоторыя матернія чувствія. Вы познаете мать во всѣхъ случаяхъ, гдѣ будете имѣть щастіе ее увидѣть.

При сихъ словахъ она едва не бросилась къ нему въ объятія; и я увѣрена, что по одной своей скромности отъ того удержалась. О дражайшей мой батюшка! вскричала она толико же нѣжнымъ голосомъ каковы были ея взоры и слезы. И такъ вы желаете чтобъ я его прочла, я пойду въ мою горницу для исполненія вашего приказанія.

Онъ всталъ, взялъ ее за руку и подошедши ко мнѣ, подалъ оную мнѣ въ руку. Пожалуйте, сударыня, сказалъ онъ мнѣ, подкрѣпите сердце любезной сей дѣвицы во время такого чтенія, отъ коего она можетъ лишиться чувствъ. Онъ подалъ мнѣ письмо. Таковое его засвидѣтельствованіе учинило меня гордою. Я пошла съ *Емилиєю* въ ближній кабинетъ, гдѣ она прочла письмо своей матери; но читая оное часто была прерываема своими слезами, и нѣсколько разъ бросалась ко мнѣ въ объятія, будучи въ иступленіи отъ неизреченной печали, и искала какъ будто бы убѣжища. Я называла ее тысячекратно самыми нѣжными именами. Но я въ не состояніи говорить много; поелику письмо чувствительно самую меня тронуло. Я получила позволеніе послать къ тебѣ оное.

Любезная моя Емилиа!

Естли ты еще имѣешь хотя малѣйшую искру любви и почтенія къ такой несчастной матери, коея погрѣшности немилосердо увеличены, въ

томъ намѣреніи, дабы оправдать жестокой поступокъ претерпѣнный ею отъ мужа, бывшаго не безъ погрѣшности; то я заклинаю тебя придти со иною свидѣться въ новое мое жилище, находящееся въ Динь-Стритѣ, или дать мнѣ знать, въ какое мѣсто могу я придти сама съ тобою видѣться. Изъ сей прозѣбы легко усмотрѣть можно, что мнѣ не позволять переговорить съ тобою въ Колнеброкѣ, гдѣ какъ мнѣ не безъизвѣстно, находишься ты уже съ нѣсколькими днями. Возможноли, чтобъ твой опекунъ, коего почитаютъ честнымъ человѣкомъ, могъ отказать тебѣ въ такомъ позволеніи кое онъ долженъ дать, какъ для справедливости такъ и для своей чести; до крайней мѣрѣ ты будешь просить его съ нѣкою неотступностію, поелику долгъ отъ тебя того требуетъ; естли ты чувствуешь ко мнѣ хотя половину той нѣжности, которую я къ тебѣ имѣю, то могу ли я сумнѣваться, чтобъ ты не испросила онаго? Нѣтъ, я въ томъ не суинѣваюсь. Нетерпѣливость, съ коею я желаю тебя видѣть простирается до чрезвычайности. Я горю желаніемъ имѣть тебя въ моихъ объятіяхъ и увѣрила *Маіора Огару*, что ты не отречешься назвать его отцемъ своимъ. Сей человѣкъ происходитъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Ирландіи; храбрый и достойный офицеръ, которой въ состояніи подкрѣпить права обиженной жевщины, естли будетъ къ тому принужденъ; но которой желаетъ, чтобъ все кончилось спокойнымъ образомъ.

Мнѣ весьма выгодно говорятъ о твоихъ качествахъ, *Емилиа*; также увѣряютъ меня, что ты имѣешь хорошую талию и пріятной видъ. О любезная *Емилиа*! сколь для меня мучительно слышать такія извѣстія изъ устъ другаго; не имѣть свободы тебя видѣть и удивляться совершенствамъ моей дочери, кои должны принести великую радость моему сердцу, и кои дѣйствительно произведутъ сіе дѣйствіе, не взирая на недостойные поступки мнѣ оказанные? Но ты, *Емилиа*, не ужели презираешь ту, которая носила тебя во чревѣ своемъ? Коль несносно, чтобъ съ толь знатнымъ имѣніемъ, кое твой родитель оставилъ, я была повергнута въ бѣдность и зависимость, а потомъ въ презрѣніе. Любезное дитя! естли ты изъ числа тѣхъ, кои презираютъ твою мать, естли ты воспитана въ сихъ жестокихъ правилахъ; то какой же будетъ мой жребій, не взирая на тѣ надежды, кои должна получить отъ новаго моего супружества! Чегожь могу я еще ожидать, кромѣ горестной жизни и смерти, кою ты мнѣ поспѣшишь принести своею неблагодарностію? Мать не въ силахъ переносить долгое время презрѣнія отъ своей дочери: и въ семъ то печальномъ предположеніи великое твое богатство не укроетъ тебя отъ суда Божія.

Но я лучшаго надѣюсь снисхожденія отъ моей *Емилии* къ несчастной ея матери.

Елена Огара.

Миссъ Грандиссонъ вошла къ намъ. Она приняла въ объятія питомицу своего брата, и называя насъ своими любезными, просила войти въ боковую горницу. Мнѣ казалось что *Сиръ Карль* признался, въ наше отсутствіе, о томъ посѣщеніи, которое онъ получилъ отъ Г. и Гжи. *Огара*, и что укорялъ себя за то, что разгоряченъ былъ справедливымъ своимъ гнѣвомъ. *Миссъ Жервинсъ* отдала ему письмо своей матери и ставъ позади его, облокотилась объ его креслы, между тѣмъ какъ онъ перечитывая письмо, дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, коихъ слова были слѣдующія.

„Нещастная мать, коея погрѣшности немилосердо увеличины...“ Родитель моя *Емилии* былъ весьма снисходительной человѣкъ. Онъ простилъ нещастной сей женщинѣ такія преступленія, кои рѣдкой человѣкъ могъ бы забыть. Бракосочетаніе сіе исполнено было по согласію. Онъ любилъ ее страстно. Легкость, съ коею онъ закрылъ глаза свои на первыя ея заблужденія, послужила токмо къ ожесточенію его. Когда же онъ позналъ невозможность жить съ нею; то перемѣнялъ многократно жилища, въ томъ единомъ намѣреніи, дабы ее избѣгнуть. Наконецъ, будучи угрожаемъ многими злодѣями, о коихъ онъ имѣлъ щастіе познать, принялъ намѣреніе выѣхать изъ Англіи и продолжать свою торговлю въ иностранныхъ земляхъ, опредѣливши однако женѣ своей честное содержаніе.

Она радуясь его отсутствію, предалась всякимъ неистовствамъ; по томъ приняла намѣреніе за нимъ слѣдовать. Я узналъ его въ Флоренціи. Онъ показался мнѣ весьма честнымъ человѣкомъ, имѣющимъ хорошія чувствованія и готовымъ всегда оказать сіе разположеніе своими услугами и благодѣянiami. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои его знали, жена его была единая, которая его не любила. Тогда она понуждала его оставить дочь на ея попеченія, обѣщаясь за сіе угожденіе соотвѣтствовать лучшимъ поведеніемъ. Побудительная ея къ сему причина была польза. Изъ того начали судить, что сія молодая особа будетъ богатою наслѣдницею. Я былъ у Г. *Жервинсъ*, въ то время, когда она въ первый разъ посѣтила его въ Ливорнѣ; и хотя мнѣ не учинено было хорошаго описанія о ея свойствѣ, но я побуждаемъ былъ склонностію служить ей. Она одарена была привлекательными наружностями. Я воображалъ себѣ, что и самая распутная женщина не можетъ быть худою матерью, а Г. *Жервинсъ*, по своему великодушію, говорилъ о ней съ великою пощадою. Но она не долго старалась укрывать свои погрѣшности. Всѣ Аглинскія конторы, находящіяся въ Ливорнѣ, стали извѣстны о ея мотовствѣ. Она предавалась особенно тому, которой оставляетъ жену свою безъ защищенія и впускается во всѣ пороки, уничтожая ту пріятность, которая не токмо составляетъ славу, но служитъ защитою ея пола. Меня увѣряютъ, что она теперъ не столько предается пьянству. Я чрезвычайно

бы былъ радъ, естлибъ могъ усмотрѣть въ ней хотя малѣйшую надежду къ исправленію. Дѣйствию сей ненавистной привычки истребляло въ ней весь стыдъ; она явно наносила себѣ стыдъ, впускаясь въ самыя неистовыя распутства.

Единая польза друга и справедливость, кою я долженъ отдать его свойству принудили меня вступить въ прискорбное сіе изъясненіе. Прости меня, моя *Емилиа*. Но не стараюсь ли я защитить вашего родителя? Я еще не все сказалъ, что знаю о его супругѣ. Не взирая на то она осмѣливается писать, „Что ея погрѣшности немилосердо были увеличены въ томъ намѣреніи, дабы оправдать жестокой поступокъ претерпѣнный ею отъ мужа, которой однако не былъ и самъ, говорить она, безъ погрѣшности ей..“ Жестокой поступокъ мужа! Безстыдная! отчего происходитъ у ней сія дерзость? Она знала, что я буду читать ея письмо. Она знаетъ, что я усмотрю признанія ея неблагодарности и злости, означенныя собственною ея рукою и достовѣрнѣйшія свидѣтельства милостей *Г. Жервинсъ*.

Онъ всталъ, увидя лице своей питомицы омоченное слезами; и взялъ ее за руку. Но, любезная моя *Емилиа*, продолжалъ онъ, вы должны радоваться вспоминая о родителѣ своемъ. Онъ былъ честный человекъ, въ самомъ пространнѣйшемъ смыслѣ сего слова. Въ разсужденіи же жены своей онъ всегда имѣлъ единую погрѣшность, которая состояла въ излишнемъ его снисхожденіи. Долженъ ли я сказать, что видя ее многократно во власти другаго, потомъ оставленною и отвергнутою толико же презрительными любовниками какъ и сама она, онъ опять принималъ ее къ себѣ безъ всякаго затрудненія? Она получала отъ его сожалѣнія то, чего не могла болѣе ожидать отъ любви его, но и въ семъ самомъ униженіи она не лучше поступала съ такимъ человекомъ, для коего гораздо легче было простить, нежели наказать. Конечно съ великимъ прискорбіемъ воспоминаю я ужасныя сіи обстоятельства; но память моего друга, я повторяю, не должна быть оскверняема неистовствами. Сколько разъ видѣлъ я его плачущаго отъ распутства жены своей въ то время когда она поставляла оное себѣ за честь? Я не хую слезъ вашихъ, любезная *Емилиа*; но я хочу отереть ихъ.

Онъ взялъ платокъ своей питомицы и съ великою нѣжностію отеръ ея щеки. Я уже довольно сказалъ, возразилъ онъ, во оправданіе вашего родителя. Разсмотримъ другія мѣста въ письмѣ, кои менѣе васъ печалятъ.

Матушка ваша проситъ васъ къ себѣ. Она съ чрезвычайною нетерпѣливостію желаетъ съ вами видѣться и имѣть васъ въ своихъ объятіяхъ. Она поздравляетъ васъ за ваши успѣхи. Она жалостно проситъ не презирать ее.... Любезная моя, ты примешь ея посѣщеніе, Выборъ же мѣста будетъ зависѣть отъ нее, лишь бы я только при томъ находился. Я всегда вамъ говорилъ, что вы должны различать

преступленіе съ преступникомъ. Первое заслуживаетъ вашей ненависти, второй же имѣетъ право къ вашему сожаленію. Скажите, любезная моя, желаетели вы видѣться съ своею матерью? Я того желаю... Пусть и самые виновники не жалуются, чтобъ мы лишили ихъ своей милости. Есть такія погрѣшности, коихъ наказаніе принадлежитъ единому Богу и противъ слѣдствій коихъ мы должны имѣть токмо предосторожность. Вы находитесь здѣсь подъ такимъ покровительствомъ, что не должны ни о чемъ сумнѣваться. *Емилиа* моя можетъ ли забыть ужасъ отъ послѣдняго свиданія и чувствуетъ ли въ себѣ желаніе въ моемъ присутствіи повергнуться, съ спокойнымъ видомъ на колѣни передъ своею матерью?

Миссъ Емил. Я исполню, сударь, все что вы мнѣ ни прикажете.

Сиръ Кар. Вамъ должно отвѣчать на ея письмо. Просите ее почтительнымъ образомъ пожаловать къ своему опекуну. Я полагаю, что вы не желаете къ ней ѣхать. Впрочемъ если вы имѣете къ тому охоту и если сіе зависить совершенно отъ ея воли, то я соглашаюсь провожать васъ.

Миссъ Емил. Но Г. мой, должна ли я признать ея супруга отцемъ моимъ?

Сиръ Кар. Оставьте сіе попеченіе мнѣ, любезная моя. Небольшія затрудненія мало намъ воспрепятствуютъ. Мы не подадимъ никакой причины къ гордости. Но я совершенно хочу увѣриться, дѣйствительно ли они соединены законнымъ бракомъ. Сіе статья можетъ, что съ одной стороны сила ежегодной пенсіи, а съ другой надежда въ полученіи нѣкоего покровительства, заставили ихъ обѣихъ усматривать нѣкую пользу въ порядочной жизни. Если ваша матушка начинаетъ скрывать свою наружность, то отъ сего можно имѣть впредь нѣкую надежду къ лучшему.

Миссъ Емил. Я въ точности буду наблюдать всѣ ваши приказанія.

Сиръ Кар. Я хочу, любезная моя, подать вамъ одинъ совѣтъ. Если они въ самомъ дѣлѣ обручены И если можно будетъ надѣяться отъ нихъ лучшаго поведенія, то вы сдѣлайте имъ, если вамъ угодно, хорошій подарокъ, по своему состоянію; и обнадѣжьте ихъ, что онѣй ежегодно возобновляемъ будетъ, если Г. *Огара* ласково будетъ обходиться съ вашею матушкою. Она жалуется на бѣдность и зависимость. *Бедность!* это ея вина. Она не принесла съ собою ни двухъ сотъ фунтовъ Стерлинговъ вашему родителю. Неблагодарная! Мнѣ кажется я уже вамъ сказалъ, что онъ женился на ней по одной склонности. Двѣсти гвиней, кои ей ежегодно плачены будутъ, не приведутъ ее въ бѣдность. Но *зависимою* конечно она быть должна. Родитель вашъ опредѣлилъ бы ей и гораздо болѣе пенсіи, еслибъ не узналъ, по долговременнымъ опытамъ, что симъ подаетъ ей новыя орудія противъ самой ее. Я нашель по смерти его сіе объявленіе въ его бумагахъ, и чрезъ сіе-то узналъ я о его намѣреніяхъ, кои возбуждаютъ во

мнѣ желаніе подать вамъ тотъ совѣтъ, которой, я повторяю, что естли хотя малѣйшая есть надежда къ ея исправленію, то я открою вамъ средства, любезная моя, къ доставленію самой себѣ чести своимъ великодушіемъ; а по освѣдомленію моему постараюсь оное исполнять судя по добродушію ихъ поведенію, сколько для собственной ихъ пользы столько и для вашей.

Миссъ Емил. О! Г. мой, колико я удивляюсь вашему добродушію! Вы вперяете въ меня бодрость. Теперь я желаю видѣться съ несчастною моею матерью въ той надеждѣ, что она подастъ мнѣ власть споспѣшествовать благополучію ея жизни. Дай Боже чтобъ она была за мужемъ и чтобъ имѣла самыя справедливыя права ко всему тому, что вы совѣтуете мнѣ для нее сдѣлать!

Сиръ Кар. Я сумнѣваюсь, чтобъ сей Г. *Огара* былъ такимъ человѣкомъ за какого онъ себя выдаетъ. Но можетъ быть онъ уже столько пожилъ на свѣтѣ, что могъ познать свои глупости. Чтожъ касается до вашей матушки, то какихъ уже не прилагалъ я стараній, дабы ей вспомошествовать? Я лишился надежды привести ее на путь истинный: но я желаю, чтобъ она дѣйствительно была за мужемъ. Сей опытъ будетъ послѣднимъ. Пишите къ ней, любезная моя; однако ничего не говорите ей о нашемъ намѣреніи. Естли же она не замужемъ, то все останется по прежнему.

По окончаніи сихъ словъ *Емилиа* побѣжала въ свою горницу, откуда вскорѣ возвратилась съ слѣдующею запискою.

Милостивая моя государыня!

Я увѣряю васъ, что имѣю къ моей родительницѣ все уваженіе, коимъ я ей обязана. Вы приводите въ восхищеніе мое сердце, увѣряя что меня любите. Покровитель мой столь великодушенъ, что не дожидаясь моей прозбы, самъ позволилъ мнѣ къ вамъ писать и объявить вамъ что онъ представитъ меня вамъ въ тотъ день, которой вамъ угодно будетъ избрать, дабы подать мнѣ случай оказать вамъ мой долгъ въ его домѣ, находящемся въ Сент Жамес Скварѣ.

Позвольте мнѣ надѣяться, любезная моя матушка, что вы не столько будете противъ меня сердиты, сколько въ послѣдній разъ, какъ я васъ видѣла у Гжи. *Ланъ*. Вы усмотрите во мнѣ всѣ тѣ чувствованія, кои дитя должно имѣть къ своей матери; ибо я есмь и всегда буду ваша покорнѣйшая и почтительнѣйшая дочь

Емилиа Жервинсъ.

Сиръ Карль по своему великодушію далъ ей замѣтить нѣкое сумнѣніе въ послѣдней статьѣ записки. Онъ не прежде о томъ вздумалъ

какъ по прочтеніи письма ея матери; ей должно напомнить о тѣхъ вспыльчивостяхъ, кои можетъ быть она желала забыть. Я была его мнѣнія: но обѣ сестры столь усиленно просили, чтобъ *Емилія* ничего не перемѣнила въ сихъ четырехъ строкахъ, хотя не для чего инаго какъ для того дабы удержать ее отъ новаго дѣйствія, принося стыдъ Гжѣ. *Жервинсъ* прошедшимъ, что *Сиръ Карль* на ихъ мнѣніе согласился.

А какъ *Емилія* удалилась, дабы переписать свою записку и обѣ госпожи занялись домашними дѣлами, то я вошла къ *Доктору* въ кабинетъ, коего я иногда лишаю четверти часа времени получая отъ него нѣкія новыя знанія въ Исторіи и Географіи. Я еще не долго тамъ была, какъ *Сиръ Карль* туда вошелъ. Онъ увидя меня хотѣлъ идти назадъ. Г. *Барлетъ* просилъ его остаться на минуту. Я стояла не подвижна: я совершенно сего не ожидала. Чегожъ стыдиться, скажи пожалуй, что застали у *Доктора*? Но я должна присовокупить, что *Сиръ Карль* казался мнѣ также въ нѣкоемъ замѣшательствѣ. Вы желаете чтобъ я здѣсь остался, сказалъ онъ *Доктору*, я согласенъ: однако естли вы занимаетесь такимъ предметомъ, коему мое присутствіе можетъ воспрепятствовать, то кажется что мнѣ лучше бы удалиться.

Мы уже кончили нашу матерію, отвѣчалъ *Докторъ*, а теперь коснемся до другой. Я хотѣла было говорить о *Миссъ Жервинсъ*. Но *Сиръ Карль* спросилъ меня? Не усматриваете ли вы въ ней изящнаго свойства, сударыня? я увѣряла его, что ничего толико любезнѣйшаго не знаю. Потомъ разговоръ продолжался нѣсколько времени о тѣхъ прискорбіяхъ, кои ей причиняетъ ея мать; а я приготовилась къ нѣкому объявленію, касательно того намѣренія, кое имѣли, дабы препоручить ее намъ въ Нортгэтон-Ширъ, и сердце мое трепетало отъ того, какимъ образомъ сей планъ былъ бы предложенъ, и какъ долженствовала бы я его принять; наипаче съ такимъ видомъ, какъ будто бы я и малѣйшаго о томъ свѣденія не имѣю. Какой бы видъ имѣла я тогда, естлибъ по слабости моей покусилась прочесть то письмо? Однако ни слова не было сказано о моемъ отъѣздѣ.

Теперь я сумнѣваюсь, любезная *Люція*, чтобъ онъ не перемѣнилъ намѣренія, естли когда ниестъ имѣлъ сіе мнѣніе. Мнѣ кажется, что я съ великою охотою желаю имѣть съ нами *Емилию*, о коей сперва и вообразить себѣ не могла. Колико видъ обстоятельствъ бываетъ различенъ, когда оныя точно не въ нашей власти состоятъ и когда мы бываемъ увѣрены, что онѣ зависятъ отъ насъ.

Но я не усматриваю нималѣйшей причины надѣяться, чтобъ то, чемъ вы наиболѣе ласкаетесь, когда ниестъ случилось. Я не знаю какъ поступить въ семъ случаѣ.

Сія льстивая *Емилія* говорила мнѣ, что она примѣтила какъ въ его взорахъ такъ и поступкахъ всѣ знаки великой его ко мнѣ привязанности! Но я не усматриваю въ томъ ни какого основанія. Мнѣ кажется, что его

склонности дѣйствительно заняты. Дай Боже, чтобъ онъ былъ щастливъ, какіябъ ни были его обязательства. Во время его отсудствія, будучи ободряема его сестрами и *Милордомъ*... я весьма выгодно о себѣ думала: но теперъ, когда имѣю его передъ глазами, усматриваю въ немъ толико отличныхъ качествъ, что мое униженіе превосходитъ все мое честолюбіе.

Честолюбіе! сказала я. Такъ, любезная моя. Не свойственно ли сей страсти, кою мы по своей глупости называемъ благородною, заставлятъ насъ возвышать любимый ею предметъ и приводить самихъ себя къ униженію? Но я не столько богата! По истиннѣ, я слышала отъ *Сира Карла*, что сіе не составляетъ главной его причины и что онъ имѣетъ довольно своего богатства. Не должно сумнѣваться, чтобъ не умножились должности съ приумноженіемъ богатства. Слѣдственно толико же можно быть милостивымъ съ посредственнымъ имѣніемъ, какъ и съ весьма знатнымъ богатствомъ; а милость не составляетъ ли нѣкую существенную часть благополучія? Въ какомъ бы состояніи кто ни жилъ, но имѣлъ ли бы другую пользу, кромѣ той, какъ совершенно умѣтъ себя въ ономъ ограничивать и исполнять свои должности? Но кто же бы пожелалъ тщетными размышленіями о самолюбіи умалить власть столь великодушнаго человѣка? Благополучіе его должно возрастать при каждомъ случаѣ, которой онъ будетъ имѣтъ для оказанія своей милости. Нѣтъ, любезная *Люція*, я не вижу для насъ нималѣйшей причины ласкаться тѣмъ щастіемъ.

Сиръ Карлъ весьма былъ доволенъ полученною имъ запискою отъ *Сира Гарграфы*: сей откладываетъ до будущей недѣли обѣдъ, который хотѣлъ приготовить въ своемъ домѣ, находящемся въ Виндзорской роцѣ.

ПИСЬМО LV.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Я начинаю, любезная *Люція*, писать къ тебѣ другое письмо, поелику время не дозволило мнѣ окончить всей матеріи въ первомъ.

Я оставила *Сира Карла* съ *Докторомъ Барлетомъ*. Они хотѣли было долѣе меня удержать; но я разсудила, что весьма странно можетъ показаться господамъ, когда увидятъ меня съ нимъ въ кабинетѣ у *Доктора*. *Милордъ* и обѣ сестры находились уже вмѣстѣ. *Генріетта*, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ* увидя меня входящую, мы рѣшились сего дня употребить всѣ наши старанія дабы проникнуть во внутренность сердца моего брата. Вы должны также при семъ быть и присовокупить къ тому нѣсколько словъ. Мы увидимъ, не обманываетъ ли насъ *Докторъ*, увѣряя; что мой братъ есть самый откровеннѣйшій изъ мужчинъ. Въ ту же самую минуту вошелъ къ намъ *Г. Барлетъ*. Мы приняли теперъ намѣреніе, *Докторъ*, сказала ему *Милади Л.*... послѣдовать вашему совѣту, и предложить нашему брату всѣ тѣ вопросы, кои токмо придутъ намъ на

мысль, касательно его обязательствъ въ иностранныхъ земляхъ. Она не успѣла еще окончить своей рѣчи, какъ *Сиръ Карлъ* появился. Онъ сѣлъ подлѣ меня и мнѣ показалось, что посмотрѣлъ на меня съ почтеніемъ и нѣжною дружбою,

Миссъ Грандиссонъ начала говорить весьма вольно о письмѣ касательно *Милорда В...* изъ коего, сказала она своему брату, *Докторъ* прочелъ намъ нѣкоторыя мѣста. Она весьма бы желала знать, присовокупила она, на кого *Сиръ Карлъ* обратилъ свои взоры, дабы учинить оную супругою ихъ дяди.

Онъ отвѣчалъ, что прежде нежели ее наименоуетъ желалъ бы онъ самъ поговорить съ нею нѣсколько минутъ; онъ считаетъ себя увѣреннымъ, что она была бы одобрена его сестрами, естлибъ только приняла предложенія *Милорда*, и онъ принялъ намѣреніе посѣтить ее возвратившись изъ замка *Грандиссонъ*. Потомъ онъ предложилъ *Миссъ Грандиссонъ* быть ему спутницею въ сей поѣздкѣ, коей онъ не можетъ отложить далѣе, поелику долженъ быть при освященіи новой своей церкви. Сіе отсудствіе будетъ весьма маловременно, сказалъ онъ *Милорду* и *Милади Л...* того ради онъ и не желаетъ приглашать ихъ съ собою. Я надѣюсь туда пріѣхать въ будущую пятницу, а возвратиться назадъ во вторникъ.

Миссъ Гранд. Я думаю, братецъ что буду просить васъ отъ того меня уволить. Естлибъ вы намѣрены были тамъ прожить недѣлю или двѣ, то я съ охотою бы съ вами поѣхала и думаю что *Милордъ* и *Милади Л...* также отъ того не отказались бы.

Сиръ Карлъ. Я неотмѣнно долженъ быть въ Лондонѣ черезъ недѣлю; во вы можете прожить въ замкѣ *Грандиссонъ* сколько вамъ угодно. Вы сыщете себѣ увеселеніе въ сосѣдствѣ. Тамъ будетъ находится двоюродной вашъ братъ; онъ составитъ честь всего уѣзда; и естли я долженъ судить о вашихъ чувствованіяхъ по той вольности, съ коею вы съ нимъ поступаете, то можетъ быть онъ расположенъ въ вашемъ сердцѣ гораздо лучше, нежели вы сами думаете.

Миссъ Гранд. Къ нашимъ услугамъ, сударь; но будетъ и на моей улицѣ праздникъ. Позвольте мнѣ васъ спросить, *Сиръ Карлъ...* мы находимся теперь между братьями и сестрами...

Сиръ Карлъ. [усмѣхаясь.] Потихе, *Шарлотта*: естли сіи вопросы начнутъ произходить отъ одинаго мщенія, то я ни одного слова отвѣчать не буду.

Миссъ Гранд. Отъ мщенія!... никакъ нѣтъ. Но слѣдую тому письму, которое *Г. Барлетъ* намъ прочелъ; когда *Милордъ В...* предлагалъ вамъ о бракѣ, то ваши отвѣты понудили насъ страшиться, что вы нималѣйшей склонности къ оному не имѣете.

Милади Л... Вы не наблюдаете церемоніи, *Шарлотта*.

[Дѣйствительно, любезная *Люція*, она привела меня въ трепеть.]

Миссъ Гранд. Къ чему жь служатъ церемоніи между столь близкими родственниками.

Сиръ Карлъ. Послушаемъ, что *Шарлотта* скажетъ.

Миссъ Гранд. И такъ я хотѣла бы васъ спросить, Г. мой, намѣрены ли вы когда нѣсть жениться?

Сиръ Карлъ. Такъ, *Шарлотта*, я намѣренъ. Но я не почту себя щастливымъ, естли не получу когда нѣсть руки нѣкоторой любвидостойной женщины.....

(Я весьма опасаюсь, *Люція*, не примѣтили ли моего смущенія. Я не знала....)

Миссъ Гранд. Очень хорошо, сударь..., но пожалуйста скажите, не видали ли вы или въ Англіи или гдѣ нѣсть въ другомъ мѣстѣ такой женщины, кого бы вы желали назвать своею? Не бойтесь ничего, братецъ. Вы меня увѣдомите, когда я сдѣлаюсь дерзновенною.

Сиръ Карлъ. Вы не можете таковою учиниться, *Шарлотта*. Естли вы желаете что нибудь отъ меня знать, то мнѣ чрезвычайно будетъ пріятно, естли вы станете говорить прямо.

Миссъ Гранд. Очень хорошо, естли я не могу быть дерзкою; естли вы любите, чтобъ я говорила прямо и естли имѣете склонность къ браку, то для чего жь, скажите мнѣ пожалуйста, отказались вы отъ предложенія *Милорда В...* въ разсужденіи *Милади Франциски Н...* *Милади Анны С...* и можетъ быть отъ великаго множества прочихъ, о коихъ я не знаю?

Сиръ Карлъ. Родственники *Милади Франциски Н...* весьма мало оказали великодушія моему родителю. Вся ея фамилія чрезвычайно уважаетъ свое званіе. Я не хотѣлъ подвергнуть себя власти государственнаго челоувѣка. Мое благополучіе, сколько возможно, будетъ заключаться собственно въ моемъ сердцѣ. Я имѣю пылкія страсти, также и честолюбіе. Естли же бы я предался послѣднему, то мое спокойствіе зависѣло бы отъ своенравія другаго челоувѣка. Довольны ли вы, *Шарлотта*, симъ отвѣтомъ въ разсужденіи *Милади Франциски*?

Миссъ Гранд. Очень хорошо; а тѣмъ еще болѣе, что есть такая молодая особа, кою бы я предпочла *Миѣ-Милади Францискѣ*.

[Я подумала, любезная моя, что мнѣ не должно бь было при семъ разговорѣ находиться : *Милордъ Л...* на меня взглянулъ. *Милордъ Л...* не долженъ бы былъ на меня взглядывать. Госпожи того не сдѣлали.]

Сиръ Карлъ. А! кто бы такова она была:

Миссъ Гранд. *Милади Анна С...* вы то знаете. Могули я спросить, сударь, по чему сіе объявленіе не имѣло успѣха?

Сиръ Карлъ. *Милади Анна* есть достойная особа, я въ томъ нимало не сумнѣваюсь; и ея богатство было бы главною моею причиною, естлибъ я хотѣлъ къ ней отнестися; но никогда по сему единому основанію я не приступалъ къ женщинѣ.

Миссъ Гранд. И такъ, Г. мой, мнѣ кажется, что конечно къ какой нибудь иностранной особѣ клонятся уже ваши попеченія.

Сиръ Карлъ. Я думалъ, *Шарлотта*, что ваше любопытство касалось токмо до Англинскихъ госпожъ.

Миссъ Гранд. Извините меня, Г. мой, оно касается до всѣхъ женщинъ, безъ всякаго разбору земель; но не ужели въ самомъ дѣлѣ есть такая, которая бы отдалила моего братца отъ учиненныхъ ему здѣсь предложеній, противъ коихъ мы не имѣли бы возраженія? Но вы даете мнѣ знать о нѣкоей иностранкѣ....

Сиръ Карлъ. (Перерывая ея рѣчь.) Я надѣюсь, *Шарлотта*, что естли придетъ и до тебя очередь, то ты будешь столько же откровенна въ своихъ отвѣтахъ, какъ теперъ въ вопросахъ.

Миссъ Гранд. Вашъ примѣръ, сударь, будетъ моимъ правиломъ.

Сиръ Карлъ. Развѣ я не ясно отвѣчалъ о всѣхъ тѣхъ особахъ, коихъ вы мнѣ наименовали?

Миссъ Гранд. Я на то и не жалуюсь, сударь. Но не видали ли вы такихъ женщинъ въ иностранныхъ земляхъ, къ коимъ бы вы имѣли болѣе склонности, нежели къ вышеупомянутымъ? Отвѣчайте мнѣ на сей вопросъ.

Сиръ Карлъ. Конечно видалъ, *Шарлотта*: не токмо въ иностранныхъ земляхъ, но и въ Англии.

Миссъ Гранд. Теперъ я совершенно не знаю, какое на сіе сдѣлать возраженіе.... Но пожалуйста скажите, сударь, не видали ли вы такой иностранки, которая бы долѣе произвела надъ вами впечатлѣнія, нежели какая нисть Аглинская госпожа?

Сиръ Карлъ. Нѣтъ. Но увѣдомъ меня, *Шарлотта*, къ чему клонятся всѣ сіи вопросы?

Миссъ Гранд. Единственно къ тому, любезный братецъ, что мы съ нетерпѣливостію желаемъ видѣть васъ женившимся, и опасаемся, чтобъ то возраженіе, кое вы дѣлаете въ разсужденіи представляемыхъ вамъ предложеній, не производило отъ какой нисть склонности. Вотъ все.

Милордъ Л.... Вотъ все, любезный братецъ.

Милади Л.... О естлибъ теперъ *Сиръ Карлъ* удовольствовалъ наше любопытство!

(Вѣришь ли ты, *Люція*, что я никогда такой нужды не имѣла въ моемъ разумѣ, какъ при семъ случаѣ? *Сиръ Карлъ* вздохнулъ. Онъ нѣсколько минутъ находился въ недоумѣніи.)

Сиръ Карлъ. Вы весьма много оказываете мнѣ милости и великодушія, когда столь усердно желаете меня видѣть женившимся. Я видѣлъ такую особу, которую почитаю одну изъ всѣхъ въ свѣтѣ женщинъ, могущею учинить меня совершенно благополучнымъ.

(Онъ покраснѣлъ и потупилъ взоръ свой. Для чегожъ краснѣтъ *Сиръ Карлъ*? Витъ щастливой особы здѣсь не находится..... Или она здѣсь? Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.)

Сиръ Карлъ. Нѣтъ ли чего еще спросить вамъ у меня?

Миссъ Гранд. Еще единое слово. Иностранка ли сія особа?

Съ какою рачительностію всѣ выключая меня взирали на него ожидая что онъ отвѣчать будетъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ великое замѣшательство. Но наконецъ сказалъ *Шарлоттъ*, что касается до сего, то онъ просилъ ее извинить, естли отрѣчется отвѣчать на такой вопросъ, которой можетъ привести его въ нѣкое смущеніе, поелику оный подасть случай къ другимъ изъясненіямъ, въ коихъ онъ и на самага себя совершенно положится не можетъ; а безъ того его отвѣтъ былъ бы бесполезенъ. Для чегожъ, подумала я.

Милордъ Л... Мы ни за что въ свѣтъ не согласимся, *Сиръ Карлъ*, нанести вамъ и самомалѣйшаго прискорбія. Однако.....

Сиръ Карлъ. И такъ однако..... продолжайте, любезный *Милордъ*.

Милордъ Л... Въ то время, когда я находился во Флоренціи, то весьма много говорили....

Сиръ Карлъ. Объ одной госпожѣ сего города, называемой *Оливією*. Такъ, я въ томъ согласенъ; она одарена весьма многими почтенія достойными качествами. Но я никогда и ничего отъ ней не желалъ: она весьма много оказывала мнѣ чести. Я не такъ удобно могъ бы ее наименовать, естлибъ она употребляла о самой себѣ болѣе старанія къ сокрытію того отличія, коимъ она меня предпочитала. Но я ласкаюсь, *Милордъ*, что вы отдадите справедливость ея доброму имени, и что также никогда не слышали, чтобъ въ ея поведеніи хулили что ниестъ другое кромѣ излишняго предубежденія ея къ иностранцу.

Милордъ Л... Ваше свойство, *Сиръ Карлъ*, составляло честь ея склонности.

Сиръ Карлъ. Братское пристрастіе, *Милордъ*. Но поелику былъ я независимъ отъ сей госпожи, съ коею я никакой не имѣлъ связи, то и признаюсь, что мое спокойствіе весьма много претерпѣло отъ той нѣжности, коею природа одарила мое сложеніе и безъ которой однако я не желалъ бы быть.

Емилиа чувствительно будучи тронута тѣмъ голосомъ, коимъ онъ произнесъ послѣднія сіи слова, не могла удержаться отъ слезъ. Вздохъ, которой она усиливалась удержать, привлекъ на нее наше вниманіе: тогда *Сиръ Карлъ* всталъ и взявъ ее за руку желалъ знать, отъ чего плачетъ ево *Емилиа*. Отъ того, что вы, отвѣчала она, толико достойны быть щастливымъ, а онимъ не кажетесь. Нѣжныя примѣры, *Люціа*, весьма заразительны; при семъ я также съ великимъ трудомъ могла удержаться отъ слезъ.

Онъ утѣшалъ свою *Емилию* съ чувствительною нѣжностію. Нещастіе мое, сказалъ онъ ей, не отъ чего инаго происходитъ какъ отъ нещастія другихъ. Безъ сего препятствія я весьма бы былъ щастливъ собою; поелику пріобыкаю къ тѣмъ трудностямъ, коихъ не могу избѣгнуть, и по необходимости сколько возможно составляю изъ того себѣ добродѣтель, Но посмотрите, *Шарлотта*, въ какое привели вы насъ состояніе важными своими вопросами. Теперь уже время оставить такую матерію.

Уже время ее ставить! Послѣдній вопросъ есть такой, которой можетъ привести его въ нѣкое смущеніе, поелику онъ подастъ случай къ другимъ изъясненіямъ, въ коихъ онъ на самага себя совершенно положится не можетъ!

Какъ бы то ни было, но я тебя спрашиваю, любезная моя, прежде нежели стану продолжать свою матерію, что заключаете вы изъ всего вами читаннаго. Естли онъ самъ мучится неизвѣстностію, то болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели хулы. Но какъ вы думаете, не надлежало ли ему сказать намъ: иностранка ли та госпожа или нѣтъ? По чему же онъ можетъ знать, какой вопросъ за тѣмъ послѣдуетъ? Я осмѣлилась потомъ спросишь у *Миссъ Грандиссонъ*, не примѣтила ли она чего ниестъ въ его взорахъ, когда онъ говорилъ о той особѣ, кою предпочелъ бы всѣмъ прочимъ? Я сидѣла подлѣ его а *Миссъ Грандиссонъ* супротивъ насъ. Она мнѣ сказала, что совершенно не знаетъ, какъ должно о томъ думать; но хотябъ она была иностранка или Агличанка, но ея братъ имѣетъ въ своемъ сердцѣ такую особу, къ коей она усматриваетъ въ немъ всѣ признаки любви.

Я одинаковаго съ *Шарлоттою* мнѣнія. Столь нѣжныя чувствованія, толико пріятности въ обхожденіяхъ и гармонія въ его голосѣ, конечно любви обязанъ онъ всѣми сими совершенствами; и ни мало не сумнѣвайся, любезная моя, чтобъ сія госпожа не была иностранка. Весьма было бы странно, чтобъ въ теченіе семи или осьми лѣтъ, у такого человѣка какъ онъ, не было сердце занято, наипаче, въ такомъ возрастѣ, въ которой наиболѣе дѣйствуютъ страсти. Но что онъ хотѣлъ сказать, когда жаловался: „что его спокойствіе весьма много претерпѣло отъ нѣжнаго его сложенія?“, Безъ сумнѣнія онъ говорилъ по своему сожалѣнію о какомъ ниестъ нещастномъ предметѣ. Я въ скоромъ времени возвращусь въ городъ, оттуда отправлюсь въ Нортгampton-Ширъ и повернусь въ объятія любезнѣйшихъ моихъ родственниковъ; безъ чего я умножу число тѣхъ, кои смущаютъ его спокойствіе.

Но не весьма ли удивительно, что онъ не могъ сказать, иностранка ли сія госпожа или нѣтъ? *Докторъ Барлетъ* ты въ великомъ находишься заблужденіи. *Сиръ Карлъ* не столь открытенъ, какъ ты думаешь, а ты *Емилиа*, любезная ласкательница. Какъ могла ты мнѣ сказать, что примѣтила оныя взоры и что всегда усматривала ихъ съ нѣжностію на меня обращенныя. Такъ, можетъ быть онъ тогда разсматривалъ, между

чертами своей иностранки и моими тѣ сравненія, кои не были въ мою пользу.

Но сія *Оливія*, любезная *Люція*... Мнѣ хочется освѣдомиться о ней нѣсколько болѣе. Онъ говоритъ, что ничего отъ нее не желалъ. Нещастная госпожа! мнѣ кажется, что я чувствую о ней сожалѣніе.

Коснемся до слѣдствія моей матеріи. Я весьма бы хотѣла найти въ немъ нѣкую погрѣшность: сколь несносно видѣть себя какъ будто бы принужденною сердиться на такого человѣка, которой никакой хулы не заслуживаетъ. Однако ты увидишь, каковъ онъ бываетъ, когда осердится. Не желаетъ ли ты съ нетерпѣливостію знать, *Люція*, какимъ образомъ поступаетъ *Сиръ Карль*, когда онъ бываетъ сердитъ.

Теперь *Шарлотта*, возразилъ онъ, [какъ будто бы совершенно отвѣтствовалъ на всѣ вопросы сестры своея; о! мужчины, *Люція*] позвольте мнѣ также вопрошать васъ. Вчерашняго дня былъ у меня *Милордъ Ж...* какія ваши намѣренія, любезная моя, относительно къ нему? Но не лучше ли вы желаете, чтобъ о семъ дѣлѣ говорено было на единѣ? Пойдемте въ кабинетъ.

Миссъ Град. Я весьма сожалѣю, *Сиръ Карль*, что не предложила вамъ также идти въ кабинетъ. Можетъ быть вы гораздо бы лучше мнѣ тамъ изъяснились, нежели здѣсь.

Сиръ Карль. Я готовъ идти съ вами, естли вы того желаете; и съ удовольствіемъ буду слушать всѣ другіе вопросы.

Миссъ Гранд. Чтожъ касается до меня, сударь, то нѣтъ ни единаго такого вопроса, на которой бы я не согласилась отвѣчать при семъ любезнѣйшемъ собраніи.

Сиръ Карль. Вы знаете *Шарлотта*, о чемъ я васъ просилъ.

Миссъ Гранд. Какой совѣтъ подали бы вы мнѣ, въ семъ дѣлѣ?

Сиръ Карль. Я могу подать вамъ одинъ токмо совѣтъ, но есть, отказать или принять предложенія *Милорда Ж...* естли вы совершенно знаете собственные свои разположенія.

Миссъ Гранд. Я думаю, любезной братецъ, что вы хотите тѣмъ отъ меня отдѣлаться.

Сиръ Карль. И такъ вы согласны принимать старанія *Милорда Ж...*?

Миссъ Гранд. Да справедливо ли сіе слѣдствіе, сударь?

Сиръ Карль. Не ужели вы думаете, чтобъ я хотѣлъ съ вами разлучиться? Но пойдемъ, любезная *Шарлотта*, пойдемъ въ кабинетъ. Я понимаю, что весьма трудно для молодой особы прямо отвѣчать на сіи вопросы при собраніи, не взирая на то, что оно состоитъ изъ самыхъ любезнѣйшихъ родственниковъ.

Миссъ Гранд. Я и здѣсь могу отвѣчать на всякой вопросъ, касательно *Милорда Ж...*

Сиръ Карль. И такъ вы не намѣрены отвергнуть его предложеній?

Миссъ Гранд. Я не думаю, чтобъ сіе слѣдствіе справедливѣе было перваго.

Сиръ Карлъ. Оно весьма справедливо, по крайней мѣрѣ, естли я хотя нѣсколько понимаю на женскомъ языкѣ.

Миссъ Гранд. Я почитаю моего брата чрезвычайно учтивымъ, по причинѣ столь оскорбительныхъ помышлений о моемъ полѣ.

Сиръ Карлъ. Какъ! не ужели вы почитаете за обиду, когда я сказалъ, что понимаю нѣсколько на женскомъ языкѣ.

Миссъ Гранд. Такъ точно, а особливо въ томъ смыслѣ, въ коемъ вы оное сказали.

Сиръ Карлъ. Очень хорошо, и такъ употребляйте такія слова, коибы васъ не подвергали такимъ изъясненіямъ.

Миссъ Гранд. Я весьма стану жалѣть, любезный братецъ, естли вы будете не довольны моими словами. И такъ я буду отвѣчать правильнѣе.

Сиръ Карлъ. Сего-то я и желаю, любезная *Шарлотта*. Я обѣщался *Милорду Ж.* доставить ему отвѣтъ.

Миссъ Гранд. Чево ему хочется, Г. мой? Конечно онъ желаетъ знать да или нѣтъ?

Сиръ Карлъ. Окажите мнѣ нѣкую довѣренность, *Шарлотта*. Вы это сдѣлать можете не взирая на всѣ ваши разборчивости.

Миссъ Гранд. Но не ужели вы откажетесь подать мнѣ совѣтъ?

Сиръ Карлъ. Я вамъ подаю оный; то есть: слѣдовать своей склонности.

Миссъ Гранд. Естлибы я знала вашу склонность; то оная перетянула бы все равновѣсіе.

Сиръ Карлъ. Да точно ли сіе равновѣсіе.

Миссъ Гранд. О семъ я болѣе говорить не стану.

Сиръ Карлъ. И такъ откажите *Милорду Ж.*...

Миссъ Гранд. По истиннѣ, любезный братецъ, вы на меня осердились.

Сиръ Карл. [Говоря мнѣ.] Я увѣренъ *Миссъ Биронъ*, что въ разсужденіи сихъ дѣлъ я усмотрю въ васъ сестру совершенно другаго свойства, когда буду имѣть удовольствіе читать ваши письма. Г. *Ревсъ* мнѣ нѣкогда сказалъ, что вы посоветуясь съ своимъ сердцемъ никогда и никого не держите въ недоумѣніи.

Миссъ Гранд. Но чтожъ надлежитъ мнѣ дѣлать, любезной братецъ, естли я посоветуюсь съ моимъ сердцемъ.

Сиръ Кар. Тогда все перемѣнится: я болѣе ничего не присовокуплю. Но прошу васъ только изъ милости, когда вы оное разсмотрите, сообщить мнѣ ваши намѣренія, дабы я въ состояніи былъ вамъ служить.

Миссъ Гранд. Я нахожусь здѣсь съ наилучшими друзьями, коихъ токмо имѣю въ свѣтѣ. *Милордъ*, что вы о томъ думаете? Поелику *Сиръ Карлъ* не желаетъ подать мнѣ своего свѣта.

Сиръ Кар. Сіе зависить единственно отъ вашихъ склонностей.

Милордъ Л... Я имѣю весьма хорошее мнѣніе о *Милордъ Ж...* Какое вы имѣете о немъ мнѣніе, любезная моя? [говоря своей супругѣ.]

Милади Л... Я весьма хорошо о немъ думаю. Какъ о томъ думаетъ, *Миссъ Биронъ*?

Миссъ Бир. Мнѣ кажется, что *Миссъ Грандиссонъ* въ семъ случаѣ должна токмо сама съ собою совѣтоваться. Если ея сердце никакого не можетъ сдѣлать возраженія противъ *Милорда Ж...* то я думаю, что она ни отъ кого не должна опасаться возраженій.

Миссъ Гранд. Изъяснитесь, изъяснитесь, дражайшая *Генриетта*.

Сиръ Кар. *Миссъ Биронъ* изъясняется съ обыкновеннымъ своимъ проицаніемъ и благоразуміемъ. Еслибъ я былъ столь щастливъ, чтобъ могъ истолковать ея чувствованія подавая мое на то согласіе; то вотъ они оба, *Милордъ Ж...* одаренъ изящнымъ свойствомъ и весьма кроткимъ нравомъ; онъ составитъ благополучіе женщинѣ имѣющей хотя нѣкое благоразуміе, хотябъ она присовокупляла къ тому нѣсколько и своенравія, *Шарлотта* же чрезвычайно вспыльчива: она любитъ шутки болѣе нежели своихъ друзей.

Миссъ Гранд. По чему такъ, любезной братецъ!

Сиръ Кар. *Милордъ Ж...* не будетъ ей въ томъ препятствовать. Ревность о достоинствѣ не весьма прилична брачному состоянію. Я зналъ одного стихотворца, которой возымѣлъ къ женѣ своей ненависть по той токмо причинѣ, когда его увѣрила что она лучше его стихи сочиняетъ. Но пусть *Шарлотта* познаетъ изящныя качества своего супруга, а я ей ручаюсь, что онъ отдастъ ей справедливость въ ея качествахъ и что ихъ благополучіе ежедневно возрастать будетъ отъ взаимнаго снисхожденія.

Миссъ Гранд. Итакъ, я понимаю что если учинюсь женою *Милорда Ж...* то не надлежитъ его ни въ чемъ оспоривать касательно насѣкомыхъ и бабочекъ (*)

(*) Уже было видно и прежде сего, что она смѣялась надъ нимъ по причинѣ сей склонности.

Сиръ Кар. *Милордъ* можетъ и потерять склонность къ симъ вещцамъ, когда будетъ имѣть гораздо драгоцѣннѣйшее для своего увеселенія. Извините, *Шарлотта*, но все сказанное вами даже до сей минуты не изъясляетъ ли нѣкоей игрушки?

Миссъ Гранд. Прилагательныя имена, какъ то: *драгоцѣнное, молодая, прелестная* затмѣвають даже и самыя жесточайшія слова.

Сиръ Кар. Но *Кавалеръ Ваткинсъ* не нравится ли вамъ болѣе *Милорда Ж...*?

Миссъ Гранд. Я не думаю: я не имѣю столь хорошаго мнѣнія о его свойствѣ.

Сиръ Кар. Я весьма радуюсь, *Шарлотта*, что вы можете различать ихъ свойства.

Миссъ Гранд. Поелику вы почитаете ихъ необходимыми, по видимому для такой женщины, которая помышляетъ о бракѣ.

Сиръ Кар. Я получилъ отъ него такое письмо, на кое неотмѣнно долженъ отвѣчать. Онъ усиленно меня проситъ постараться въ его пользу. И скажите мнѣ, любезная сестрица, [подавая ей письмо] что долженъ я ему отвѣчать?

Миссъ Гранд. [Прочитавши его съ торопливостію.] Какъ? Бѣдной человѣкъ влюбленъ до чрезвычайности. Но мнѣ весьма бы много стоило труда выучить его правописанію. Однако онъ хвастаетъ, что совершенно знаетъ по Французски и Италіански.

[Она хотѣла было изорвать письмо въ мѣлкія клочки.]

Сиръ Кар. Мнѣ не весьма ето нравится, *Шарлотта*, пожалуйста возвратите мнѣ сіе письмо. Женщина никогда не имѣетъ права издѣваться надъ такимъ любовникомъ, которой ей не нравится. Естьли равнодушіе ея къ нему происходитъ отъ того высокаго мнѣнія, кое она о самой себѣ имѣетъ, то надлежитъ ей сожалѣть о немъ; но какіябъ ея мнѣнія ни были, однако то, которое поражаетъ, должно и изцѣлять. *Г. Ваткинсъ* можетъ отнестись къ сотнѣ женщинъ, коихъ его богатства и представляемый имъ въ свѣтѣ видъ заставятъ извинить незнаніе его въ правописаніи.

Миссъ Гранд. Время ревности приближается. Не лзя иногда не имѣть въ обществѣ одного или двухъ воздыхающихъ любовниковъ. Можетъ быть я еще не столько насмотрѣлась на моихъ, чтобъ рѣшиться въ пользу того или другаго. Развѣ не позволено, поелику никто изъ нихъ не имѣетъ отличнаго достоинства, изыскивать случая видѣть ихъ въ различныхъ обстоятельствахъ, дабы привести себя въ состояніе судить, которой изъ нихъ сноснѣе, и ожидать не явится ли какой нисть другой человѣкъ, которой бы мнѣ болѣе понравился.

[Она говорила сіе съ самымъ шутивнымъ видомъ, хотя матерія была весьма важная и когда ея братъ въ самомъ дѣлѣ желалъ знать ея склонности.] *Сиръ Карль* оборотясь къ *Милорду Л...* сказалъ ему съ важнымъ видомъ: я весьма удивляюсь, что двоюродной нашъ братъ *Еверардъ* столь долго живетъ въ замкѣ *Грандиссонъ*. *Миссъ Шарлотта* весьма сильно почувствовала, что сія перемѣна относилась къ ней. Она приносила ему свои извиненія; но онъ продолжалъ ни мало тому невнимая. Разумъ, *Милордъ*, есть весьма опасное орудіе: но признайся, что тотъ, которой издѣвается на щетъ другаго не имѣетъ такого разума, которой бы заслуживалъ похвалы. Какъ называется та дѣвица, которая сидитъ супротивъ меня? И я, которой нахожусь подлѣ васъ... мы впали въ чрезвычайное заблужденіе. Я ее почитаю моею сестрицею *Шарлоттою*; а она меня двоюроднымъ нашимъ братомъ *Еверардомъ*. Все

собрание почувствовало истинну сихъ словъ. Чтожъ касается до меня, то онѣ меня столь поразили, какъ будто бы касались до самого меня. Столь жестокія слова вышли изъ устъ *Сира Карла*, и произнесены самымъ пронзительнымъ голосомъ! Въ сію минуту я не пожелала бы ни за что въ свѣтѣ быть *Миссъ Грандиссонъ*. Она не знала, на которую сторону обратитъ свои взоры. *Милади Л...* чувствительно была тронута изъ сожалѣнія къ своей сестрѣ: *Любезная особа!* онѣ обѣ плакали.

Наконецъ *Миссъ Шарлотта* встала; я хочу, Г. мой, сказала она своему брату, удалить отъ вашихъ глазъ причину заблужденія. Когда я выду изъ моего заблужденія и возвращу вамъ сестру вашу, то надѣюсь, что вы ее примете съ обыкновеннымъ вашимъ снисхожденіемъ,

Сиръ Кар. (Съ торопливостію ухватя ея руку.) *любезная Шарлотта!* дражайшая сестрица; не сердитесь на меня. Я люблю вашъ нравъ; но когда я васъ просилъ подумать съ разсужденіемъ о столь важномъ предметѣ, заключающемъ въ себѣ благополучіе вашей жизни, а слѣдственно и моей, то съ неудовольствіемъ слушалъ происходящія отъ васъ тѣ насмѣшки, кои приличны токмо женщинѣ неимѣющей никакихъ правилъ, и чрезвычайно желалъ, чтобъ оныя исходили изъ устъ какой нисть другой особы, а не изъ вашихъ. Ибо должно различать время и случай, *любезная моя Шарлотта*.

Миссъ Гранд. Сего уже довольно, Г. мой, я познаю мое безуміе. Позвольте мнѣ удалиться.

Сиръ Карль. Вамъ удалиться? Никакъ нѣтъ, *любезная Шарлотта*, я хочу самъ оставить васъ на минуту свободно для того, дабы вы приняли тѣ утѣшенія, кои ваши друзья желаютъ вамъ подать. *Емилиа*, я хочу тебѣ нѣчто сказать, *любезная моя*.

Она подлетѣла къ нему подобно птичкѣ. Они вышли вмѣстѣ. Посмотрите, сказала *Миссъ Грандиссонъ*, онѣ взялъ сію дѣвушку для того, дабы подать ей наставленіе изъ моего безумія. *Докторъ Барлетъ* вышелъ молча: *Милади* изъявила чувствительное сожалѣніе, кое возымѣла о сестрѣ своей; но при всемъ томъ она ей сказала, что она преступила уже границы благопристойности. *Милордъ* равномѣрно хулилъ ее, представляя ей, что ихъ братъ имѣлъ долгое время терпѣливость; что дѣло было самое важное и что онѣ приступилъ къ оному съ рѣшительнымъ видомъ. О *Миссъ Биронъ!* обратилъ онѣ рѣчь свою взирая на меня, сколь чрезвычайное будетъ онѣ имѣть удовольствіе читая ваши письма, когда усмотритъ въ оныхъ вашъ поступокъ въ той толпѣ обожателей, коихъ вы рѣшились даже и не слушать!

Такъ, такъ, *Генріетта*, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ*, вы восторжествуете надъ бѣдною *Шарлоттою*; но поелику я лишилась великихъ милостей моего брата, то могли ли бы вы оныя сохранить будучи на моемъ мѣстѣ! и осмѣливаетесь за себя ручаться въ томъ, что я никогда не подала бы ему причины укорять себя, что почитала его за

двоюроднаго моего брата *Еверарда*. Но не ужели я весьма далеко простирала свое безуміе? Говорите чистосердечно *Генріетта*. Не ужели я была весьма безумна? Я ей отвѣчала, что она въ великомъ находилась заблужденіи съ самаго перваго слова даже до послѣдняго, что я сперва изъ сожалѣнія къ ней трепетала; но что потомъ слыша о любовникахъ, коихъ она желала при себѣ имѣть и о новыхъ кокетствахъ, кои какъ казалось она предпринимала; я съ охотою бы ее за то пожурила, естлибъ не была удержана отъ того присудствіемъ ея брата. Но простите ли вы мнѣ сіе, сказала я ей на ухо? ваши слова подобны были воспламѣнной гнѣвомъ кокетки, да и видъ совершенно тому соотвѣтствовалъ. По истиннѣ, любезная *Шарлотта*, вы никогда не бывали въ такомъ забвеніи.

И такъ всѣ противъ меня востали, возразила она. Конечно должна я быть въ самомъ дѣлѣ весьма виновна.

Время и случай, любезная сестрица, сказалъ ей *Милордъ Л...* худо были избраны. Естлибъ предметъ разговора не только былъ важень, то *Сиръ Карль* обратилъ бы вашу живость въ шутку, какъ-то онъ обыкновенно дѣлалъ. То есть, возразила она, все то, что ему не нравится, или что ему не уподобляется, весьма хулы достойно. Онъ долженъ почитать себя весьма щастливымъ по тому свойству, въ коемъ себя утвердилъ.

Милади Л... замѣтила, что при самомъ своемъ неудовольствіи онъ ни мало не забылъ, что былъ братъ; и говоря что дѣло идетъ о благополучіи *Шарлотты*, онъ присовокупилъ, *слѣдственно и о моемъ*.

Я долженъ сдѣлать другое замѣчаніе для чести *Сира Карла*, возразилъ *Милордъ Л...* и надѣюсь, любезная сестрица, что вы не сочтете себѣ оное за обиду. Онъ совершенно не касался до того приключенія, отъ коего васъ избавилъ, хотя оное случилось весьма не давно, и коего воспоминовеніе должно быть у него въ свѣжей памяти. Изъ сего конечно можно заключить, что онъ на мало не помышляетъ оскорблять васъ и не имѣетъ другаго намѣренія, кромѣ того, чтобъ единственно вамъ услужить.

Мнѣ кажется, *Милордъ*, отвѣчала она покраснѣвши, что вы могли бы себя уволить отъ сего разсужденія. Я совершенно не понимаю какая необходимость понудила одного изъ моихъ братьевъ напоминать то, что другой по милости своей предалъ забвенію. Словомъ, *Милордъ*, я не весьма благодарю васъ за ваше замѣчаніе.

Таковій отвѣтъ чувствительно тронулъ *Милади Л...* Она просила *Шарлотту* не хулить ея супруга. Вы лишитесь моего сожалѣнія, сказала она ей. Не для одной ли причины всѣ четверо мы соединились? и не должны ли наши сердца изъясняться свободно?

Прекрасно? вскричала другая. И такъ мнѣ должно теперь противу обоихъ васъ вооружаться. О естли бы было угодно Всевышнему

создателю, чтобъ я была за мужемъ, то равномѣрно имѣла бы кого ниестъ и съ моей стороны! Но скажите, *Генриетта*, не ужели я еще провинилась!

Я думаю, любезная *Миссъ Грандиссонъ*, отвѣчала я ей, что сказанное вами *Милорду* было не иное что какъ шутка, и въ семъ предположеніи ваша вина состоитъ только въ томъ, что произнесли оную съ важнымъ видомъ.

Очень хорошо: очень хорошо, съ поспѣшностію повторила она. По крайней мѣрѣ подайте мнѣ ваше вспомошествованіе дабы выдти изъ сего новаго замѣшательства. Я весьма сего дня несчастлива. Мнѣ весьма прискорбно, что моя шутка не имѣетъ въ себѣ ничего смѣшнаго. Но не впала ли *Милади* въ такую же погрѣшность? Не поправляла ли она меня съ весьма важнымъ видомъ?

Я съ охотою принимаю на себя хулу, отвѣчала ей *Милади Л...* но, любезная сестрица, вы не должны лишаться своими запальчивостями нѣжныхъ и искреннихъ совѣтовъ отъ самага изящнѣйшаго сердца. (*Милордъ*, на коего она съ пріятностію взирала, наклонилъ къ ней свою голову съ равною любовію. Благонолучная чета!)

А какъ я еще надѣюсь жить на свѣтъ, возразила *Миссъ Грандиссонъ*, то и ласкалась, что въ то время когда рука *Сира Карла* отяготѣетъ на мнѣ; то вы будете имѣть всѣ сожалѣніе о моемъ состояніи. Сказанное же имъ при выходѣ ясно показываетъ, что онъ также то думалъ; но ваши глаза вывели меня изъ обмана къ моему ужасу.

Милордъ Л... Я васъ увѣряю, что искренно о васъ соболѣзную; но для чегожъ бы я соболѣзновалъ о сестрѣ моей, естлибъ не почиталъ ее виновною?

Миссъ Гранд. Ваша покорная услужница, *Милордъ*. Ваши разсужденія весьма проникательны.

Милади Л... Но не справедливы ли онѣ, *Шарлотта*?

Миссъ Гранд. Безъ сумнѣнія, *Милади*; и я вижу, что вы имѣете такую же къ тому причину. И такъ покорно васъ прошу обѣихъ не лишитъ меня своего сожалѣнія. Вы также обо мнѣ сожалѣете, *Генриетта*, и по той же самой причинѣ.

Миссъ Бир. (Дабы обратитъ сей отвѣтъ въ шутку.) Я весьма люблю сей голосъ, дражайшая *Шарлотта*; онъ чрезвычайно вамъ приличенъ. А сіе то и называется любезною шуткою.

По томъ *Милади Л...* сказала, усмѣхаясь, вотъ самое лучшее доказательство раскаянія *Шарлотты*; хотя она казалась довольно веселою, а разсужденіе ея не весьма за благо было принято. *Шарлотта* тотчасъ вышла, мы услышали звукъ ея клавирина, и вставши пошли всѣ къ ней. *Емилія* пришла въ тожъ самое время. *Миссъ Грандиссонъ* подошедши къ ней спросила ее, поданы ли ей всѣ ея погрѣшности въ наставленіе? По истиннѣ, сударыня, отвѣчала любезная сія дѣвушка,

опекунъ мой сказалъ мнѣ единое токмо слово до васъ касающееся, и вотъ оно. „Я люблю мою сестрицу; она одарена плѣнительными качествами. Ктожъ не имѣеть какихъ ниестъ погрѣшностей? Вы видѣли, *Емилиа*, что желая ее нѣсколько пожурить, я говорилъ съ нею и самъ весьма жестоко.,,

Да благословить небо на всегда любезнаго моего братца! вскричала *Миссъ Грандиссонъ* въ нѣкоемъ восторгѣ. Теперь добродушіе его дѣлаеть меня ненавистною самой себѣ.

Она просила *Емилию* поиграть на клависинахъ, на голосъ коихъ тотчасъ пришелъ къ намъ *Сиръ Карлъ*. Онъ вошелъ съ такимъ веселымъ видомъ, какъ будто бы ничего не бывало. *Миссъ Шарлотта* хотѣла было опять завестъ разговоръ; но онъ ей сказалъ съ великою нѣжностію; забудемъ взаимныя наши погрѣшности, любезная *Шарлотта*: а при семъ когда насъ увѣдомили что столъ былъ накрытъ, то онъ подавши ей руку, довелъ ее даже до ея стула.

Какое превосходное свойство? Я почитаю оное даже несноснымъ. Не ужели сей удивительной человѣкъ ничего не во время не дѣлаеть? и ничего такого, кое бы противно было добродушію, справедливости или благопристойности? Естьлибъ я видѣла по крайней мѣрѣ, что онъ дѣлаеть хотя нѣкое усиліе къ принужденію себя, дабы утушить свои движенія, то по временамъ также бы предполагала въ немъ и слабости. Естьли онъ человѣкъ, и созданъ подобно намъ съ своими погрѣшностями; то не можетъ ли принять на себя властительнаго вида и повелительныхъ поступокъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почитаютъ его даже до опасенія, и гдѣ повиновались бы единому его взгляду? Не можетъ ли поступить онъ съ нѣкоею досадою съ своими служителями, дабы тѣмъ дать знать, что онъ недоволенъ ихъ господами? Нѣтъ, ему свойственно быть добродушнымъ и справедливымъ. Всѣ его помышленія, всѣ его чувствованія стремятся къ содѣланію добра, и ему никогда на мысль не приходило, кого обидѣть или оскорбить.

Послѣ обѣда *Миссъ Грандиссонъ* подала мнѣ пакетъ тѣхъ писемъ, кои я согласилась дать на прочтеніе *Сиру Карлу*. Принимая оный отъ меня онъ поцѣловалъ его съ видомъ любовнымъ, которой показался мнѣ приличнымъ при семъ случаѣ. О! какъ племянница моя тщеславна. Воображается мнѣ, что слышу ето восклицаніе отъ моего дядюшки. Я не знаю, *Люція*; но мнѣ кажется я примѣтила, что *Сиръ Карлъ* съ великимъ удовольствіемъ слушаетъ, когда меня хвалятъ; *Милордъ* же и обѣ сестры не упускаютъ ниединаго случая говорить о твоей *Генриеттѣ* съ пріятностію; но для чегожъ не отвѣчалъ онъ *Шарлоттѣ*, когда она его спрашивала, иностранка ли была его любимица или нѣтъ?

Послѣ ужина онъ отошелъ отъ насъ весьма рано; а *Миссъ Грандиссонъ* видя что я нѣсколько призадумалась, сказала мнѣ, что она прозакладуетъ жизнь свою если не правда, когда я думаю, что ея братъ

ушелъ для прочтенія моихъ писемъ. Вы въ томъ не обманываетесь, присовокупила она; ибо онъ мнѣ далъ то выразишь выходя отъ насъ; но не опасайтесь ничего, *Генриетта*, вы ни какому сужденію не подвергнетесь.

Милади думаетъ, что относительно ко всѣмъ предметамъ понятія ея брата совершенно сходственны съ моими. Однако, *Люція*, когда дѣло находится предъ глазами судьи, то сердце обыкновенно нѣсколько колеблется. Отъ чегожъ производятъ мои опасенія! естли его сердцемъ владѣть иностранка, то какая мнѣ нужда въ томъ мнѣніи, кое онъ будетъ имѣть о моихъ письмахъ? Не взирая на то оно мнѣ нужно: весьма лестно имѣть почтеніе отъ тѣхъ, коимъ не можно отказать въ своемъ.

Примѣчаніе. „Нѣсколько чрезвычайно продолжительныхъ писемъ, какъ самъ *Авторъ* ихъ называетъ, представляютъ здѣсь такіе глубокомысленные разговоры, въ коихъ свойства дѣйствующихъ лицъ выражены съ великою пріятностію и живостію. *Кавалеръ Грандиссонъ*, плѣнившись письмами *Миссъ Биронъ*, приноситъ ей за оныя столь лестную хвалу, что она чрезвычайно тому удивляется, она, которая ничего въ оныхъ не усматривала кромѣ простаго повѣствованія о всемъ случившемся съ нею въ Лондонѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль ея тамъ пребыванія и злодѣйства *Кавалера Гарграфа Поллексфена*, коего главныя обстоятельства *Сиру Карлу* уже извѣстны; ибо легко представить себѣ можно, что она съ сими письмами, конечно не сообщила тѣхъ, кои содержатъ въ себѣ признаніе ея страсти. *Сиръ Карлъ* начинаетъ опять понуждать *Шарлотту*, чтобъ она открыла разположенія своего сердца. Она продолжаетъ сопротивляться тому различными оборотами, кои подають причину къ новымъ укоризнамъ иногда къ шутивымъ и забавнымъ а иногда и къ важнымъ. Наконецъ соглашаются, чтобъ она совершенно объяснилась съ *Миссъ Биронъ*, которую *Сиръ Карлъ* проситъ увѣдомить его тогда о чувствованіяхъ своея сестры въ особенномъ разговорѣ. Другіе случаи подають ему причину рассказать о оказанной ему услугѣ *Г. Данби*. Это весьма странное произшествіе, въ коемъ его жизнь равно какъ и его друга были угрожаемы ночными злодѣями, однако онъ весьма щастливо избавился отъ бѣды съ своимъ другомъ, употребивъ все свое благоразуміе и неустрашимость. Въ послѣднемъ изъ продолжишельныхъ сихъ разговоровъ примѣчено, что онъ заразился любовію. Онъ признается, что получилъ такія письма, кои причиняють ему великое безпокойствіе и по тому вскорѣ удаляется съ *Докторомъ Барлетомъ*. *Миссъ Биронъ* оканчиваетъ всѣ свои письма говоря о томъ обстоятельстве, кое должно воспослѣдовать въ пятницу по утру. Она знаетъ всѣ тайны *Миссъ Шарлотты*. Она того же дня готовится къ переговору, о коемъ *Сиръ Карлъ* ее просилъ. Сія мысль весьма ее колеблетъ; но она не менѣе безпокоится и о тѣхъ новостяхъ, кои колеблять *Сира Карла*. Конечно сіи колебанія производятъ отъ

иностранных писемъ; сказала она двоюродной своей сестрѣ. Сумнѣваешься ли ты о томъ? Для чего сіе имя *Иностранный* не можетъ изгнаться изъ моей памяти? Никогда сердце мое не было такъ стеснѣнно, какъ въ сіи послѣднія времена. Но я многократно уже тебѣ въ семь признавалась. Я намѣрена сего дня отправить его длинное письмо: но хочу присовокупить къ нему еще нѣсколько; трепещу ожидая наступающей минуты къ переговору. Прощай.

ПИСЬМО LVI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу, 24 Марта.

Разговоръ, любезная моя, коего я ожидала съ трепетомъ, окончился. И какоежъ было слѣдствіе онаго? Ты можешь о томъ судить по всѣмъ нижеслѣдующимъ обстоятельствамъ. *Миссъ Грандиссонъ* и ея обожатели не составляли единыхъ нашихъ предметовъ. Вѣрь, любезная *Люція*, что я скоро съ тобою увижусь; но не взирая на все происшедшее, я потщусь описать тебѣ въ точности всѣ подробности. Ахъ! что произошло? Читай, любезная моя.

Сиръ Карль вмѣстѣ съ нами завтракалъ. Онъ вошелъ съ величавымъ видомъ, но величавость вскорѣ уступила мѣсто обыкновеннымъ пріятностямъ лица его, то есть кротости и добродушію.

Милордъ объявилъ ему то безпокойствіе, въ коемъ мы со вчерашняго дня находимся по причинѣ новыхъ причинъ къ затрудненіямъ, кои онъ усмотрѣлъ въ его письмахъ. *Емилиа* хотя ничего не промолвила; но взоры ея тоже самое выражали. *Миссъ Грандиссонъ* приняла на себя важной видъ. Не терпѣливость *Милади Л...* изображалась на прелѣстномъ лицѣ ея, а *Докторъ Барлетъ* сидѣлъ съ непоколебимою твердостью и съ видомъ человѣка рѣшившагося молчать. Чтожъ касается до меня, то думаю что страхъ и надежда, между коими я колебалась, ясно видны были на чертахъ моихъ и я не знала должна ли была желать означеннаго разговора. И такъ чувствовала, что щеки мои разгорѣлись.

Сиръ Карль отвѣчалъ: предадимъ все забвенію и станемъ заниматься едиными пріятностями, *Милордъ*, въ семь драгоцѣнномъ и любезномъ сообществѣ. Онъ учтивымъ образомъ спросилъ о моемъ здоровьѣ и спокойно ли я препроводила сію ночь, по причинѣ небольшого кашля, отъ коего я нѣсколько охрипла. Онъ хотѣлъ знать отъ *Емилии*, о чемъ она печалится; отъ *Милорда* и *Милади Л...* когда намѣрены они возвратиться въ городъ, отъ *Миссъ Грандиссонъ*, что понудило ее принять на себя столь задумчивый видъ; это его выраженіе, не видите ли вы, *Миссъ Биронъ*, сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкою, что *Шарлотта* все еще въ недоумѣніи, какой видъ должна она черезъ четверть часа на себя принять?

Я отвѣчала ему, что *Миссъ Шарлотта* кажется мнѣ рѣшилась подражать во всемъ ему самому. И такъ я весьма буду остерегаться, возразилъ онъ, принимать на себя важной видъ; ибо желаю, чтобъ всѣ наслаждались здѣсь однимъ веселіемъ. И такъ продолжая далѣе говорилъ онъ мнѣ: могу ли ласкаться, сударыня, что вы позволите мнѣ просить васъ съ собою въ бібліотеку.

Конечно, Г. мой.... я безъ всякаго сумнѣнія за вами послѣдую.

Таковъ былъ отвѣтъ невинной дѣвицы, которая однако не безъ движенія окончила онъ, но она не можетъ, *Люція*, изобразить тебѣ того вида, которой тогда представляла. Исполненіе обѣщанія не менѣе было затруднительно. Онъ подалъ мнѣ руку. Я пошла съ нимъ въ бібліотеку. Какихъ не употребляла я усилій въ семь пути, дабы подкрѣпить все присудствіе моего разума я какой не усматривала я нѣжности и уваженія въ его взорахъ и поступкахъ!

Онъ просилъ меня сѣсть, потомъ и самъ сѣлъ на супротивъ меня. Мнѣ кажется, что я съ начала потупила взоръ свой. Мое положеніе измѣняло моему сердцу: но въ его взорахъ изъяслялась столь почтительная кротость, что безъ всякаго смущенія можно было на ихъ смотрѣть, когда они пристально на меня устремлены были, наипаче съ тѣмъ томнымъ видомъ, которой кажется мнѣ я въ оныхъ усматривала и всегда какъ я обращала на него свои глаза, была увѣрена что онъ потуплялъ свои. Отъ сего я гораздо стала вольнѣ нежели бы могла оною быть отъ чего инаго. Сколь смѣла та дѣвица, которая всѣмъ предпочитаетъ смѣлаго человѣка! и естли смѣлости ей не станетъ, то сколь же чрезмѣрно должно быть ея замѣшательство отъ проницательныхъ взоровъ, въ коихъ она усматриваетъ и довѣренность? Сколь много ея робость должна умножать бодрость другаго и подавать надо собою преимущество!

Онъ началъ говорить въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Я не приношу вамъ извиненій, сударыня, за ту вольность, съ коею я принялъ смѣлость просить васъ на таковой переговоръ, потому что знаю откровенность вашего сердца, и можетъ буду имѣть честь разговаривать съ вами не объ одномъ предметѣ. (Какъ вострепетало мое сердце при сихъ словахъ, любезная *Люція*!) Но позвольте чтобъ я началъ прежде разговоръ о моей сестрицѣ *Шарлоттѣ*. Мнѣ кажется что можно заключить изъ нѣкоторыхъ ея выраженій и изъ засвидѣтельствованій *Милади Л...* что она одобряетъ домогательство *Милорда Ж...* впрочемъ ясно можно видѣть, что она не имѣетъ о немъ высокаго мнѣнія. Я чрезвычайно опасуюсь чтобъ она не согласилась принять его домогательства болѣе по той склонности кою усматриваетъ во мнѣ къ нему, нежели по своей собственной. Я неоднократно ей говорилъ, что съ ея склонностью будетъ и моя соображаться; но она такъ жива, что не можно проникнуть въ

истинныя ея чувствованія. Впрочемъ я предполагаю, что она предпочитаетъ *Милорда Ж.... Кавалеру Ваткинсу*.

Онъ остановился.

Я также думаю, Г. мой; но на чтожь говорить, я также думаю, когда *Миссъ Грандиссонъ* позволила мнѣ объявить вамъ, что она совершенно предпочитаетъ всѣмъ *Милорда Ж....*

Точно ли вы увѣрены, сударыня, что она дѣйствительно его предпочитаетъ не токмо Г. *Ваткинсу*, но и всякому другому человѣку? или сказать другими словами, думаете ли вы чтобъ не было такого человѣка, коего бы она предпочла *Милорду Ж....*? О благополучіи ея жизни я сердечно помышляю, тѣмъ болѣе что ея живость меня беспокоитъ, и я опасуюсь такого качества въ женщинѣ, сколь бы пріятна она ни была до брака.

Я осмѣливаюсь увѣрить васъ, Г. мой, что естлибъ *Миссъ Грандиссонъ* не предпочитала *Милорда Ж....* всякому другому человѣку, то конечно не согласилась бы принимать его домогательства.

Я не думаю, сударыня, чтобъ дѣвица одаренная свойствами *Шарлотты*, не нашедъ того достоинства, кое предполагала въ предметѣ первыхъ своихъ нѣжностей, возымѣла сильную страсть къ такому человѣку, которой не весьма отличныя качества имѣеть. Она можетъ теперь смѣяться, надъ любовію. *Милордъ Ж....* хотя не блистаетъ своею жизнію, но человѣкъ весьма достойной. У женщинъ есть глаза, а глаза желаютъ быть удовлетворены. Отъ сего происходитъ что наружность часто беретъ преимущество надъ внутреннимъ достоинствомъ. Естлибъ *Шарлотта* единственно помышляла о составленіи себѣ благополучія, то можетъ быть никакого бы не сдѣлала возраженія противъ *Милорда Ж....*, поелику всѣхъ качествъ не лзя найти въ одномъ человѣкѣ; но естлибъ *Милордъ* слѣдовалъ такому же правилу, то не знаю, пожелалъ ли бы онъ имѣть *Шарлотту* своею супругою. Извините меня, сударыня; но вы знаете что я думаю о двухъ представляющихся ей женихахъ. Не станемъ говорить о Г. *Ваткинсъ*; онъ уже не имѣеть больше участія въ нашихъ разсужденіяхъ. *Милордъ Ж....* человѣкъ разумной, честной равно и добродѣтельной; а сіе то качество заслуживаетъ великаго вниманія въ молодомъ человѣкѣ его достоинствъ. Онъ также весьма тихаго нрава и я почитаю его способнымъ къ терпѣливости: но гдѣжь можно найти такого супруга, которой бы въ состояніи былъ сносить отъ своей жены презрительныя взгляды или тому подобное? Я болѣе бы для нее страшился закоренѣлаго негодованія тихаго мужа, нежели вспыльчивости страстнаго любовника.

Миссъ Грандиссонъ позволила мнѣ, Г. мой, увѣрить васъ, что естли вы одобряете домогательства *Милорда Ж....*, и по милости своей примете сіе дѣло на себя, то она обѣщается поступать въ точности по вашимъ совѣтамъ. *Миссъ Грандиссонъ* за нѣсколько передъ симъ временемъ

видѣла *Милорда Ж...* Она знаетъ хорошія его свойства и я смѣло ручаюсь, что она въ состояніи исполнить, съ такимъ же благоразуміемъ какъ и честно всякія обязанности, а наипаче ту, которая заступаетъ первое мѣсто между всѣми должностями жены.

Но позвольте мнѣ спросить васъ, сударыня, какія были ея намѣренія, когда она меня спрашивала о Г. *Бельшертъ*? Я думаю, не предполагаетъ ли она по тѣмъ похваламъ, кои я говорилъ въ его пользу, что можетъ его предпочесть *Милорду Ж...*

Мнѣ кажется, Г. мой, что сказанное ею есть ничто иное какъ дѣйствіе ея живости. Естьлибъ дѣйствительно *Миссъ Грандиссонъ* имѣла какія намѣренія; то я увѣрена, что она болѣе бы изъявила къ тому своего желанія.

Я также о томъ думаю. Я люблю мою сестру равно какъ и Г. *Бельшера*. Я знаю разборчивость въ моемъ другѣ. Но естьлибъ *Шарлотта* имѣла тѣ намѣренія, въ коихъ ее подозрѣваю, то конечно бы не могъ снести чтобъ онъ отказалъ въ своемъ почтеніи моей сестрѣ, по причинѣ того нещастія, что она имѣла тайную переписку съ человѣкомъ совершенно ея недостойнымъ.

(При сихъ словахъ мысли мои нѣсколько встревожились. Я принуждена была вынуть платокъ. О любезная *Миссъ Грандиссонъ*! сказала я довольно громко. Я опасалась, чтобъ она не лишилась по крайней мѣрѣ отъ части того блага, кое должна почитать весьма важнымъ: то есть добраго мнѣнія отъ своего брата.)

Извините меня, сударыня, Вы весьма великодушно снесите то прискорбіе, которое я вамъ причиняю своимъ разговоромъ. Оно принуждаетъ меня удивляться вашему снисхожденію и открыть вамъ всѣ сердечныя мои тайности. Ваша благородная откровенность возбуждаетъ во мнѣ желаніе соотвѣтствовать вамъ равномѣрнымъ чистосердечіемъ. Она внушила бы въ меня оное, естьлибъ я и менѣе былъ открытенъ. Моя сестрица; какъ вы то слышали, когда я ей говорилъ самой, ни мало не уменьшила къ себѣ моей любви; я ее люблю со всѣми ея недостатками: но я не долженъ тѣмъ ослѣпляться. Справедливость не имѣетъ ли равно своихъ правъ какъ въ хулѣ такъ и въ похвалахъ? у меня также есть недостатки: чтожъ подумалъ бы я о такомъ человѣкѣ, которой считалъ бы ихъ добродѣтелью? Въ какуюбъ повергнулся я опасность отъ лицемѣрнаго ласкательства, естьлибъ не имѣлъ о себѣ справедливаго мнѣнія?

Такое разсужденіе, Г. мой, достойно *Сира Карла Грандиссона*.

Оно достойно всякаго человѣка, любезная *Миссъ Биронъ*.

Но, Г. мой, весьма было бы жестоко, естьлибъ и самамалѣйшая нескромность подвергала женщинъ укоризнѣ, наипаче когда ихъ добродѣтель ничего не претерпѣла и когда онѣ вскорѣ возвратились на прежней путь истинны.

Я въ томъ согласенъ и отъ нѣжности моей къ *Шарлоттѣ* я съ трудомъ бы могъ одобрить союзъ съ толь разборчивымъ человѣкомъ каковъ Г. *Бельшеръ*, хотя бы съ обѣихъ сторонъ имѣли къ тому одинаковую склонность.

Я надѣюсь, Г. мой, что *Миссъ Грандиссонъ* никогда и никѣмъ не будетъ презираема за такой поступокъ, которой весьма дорого стоилъ ея спокойствію.

Я запиналась, любезная *Люція*, я потупила глаза.

Я понимаю, сударыня, ваши слова. Хотя я люблю Г. *Бельшера* болѣе всѣхъ прочихъ мужчинъ, но я не менѣе долженъ отдать справедливости *Милорду Ж....*, какъ и ему. Я столько былъ увѣренъ въ равнодушіи *Шарлотты* къ сему молодому господину, и въ несходствѣ ихъ нравовъ, хотя оба весьма почтенія достойны, что прилагалъ всѣ мои старанія къ преодоленію ея страсти; когда же я увидѣлъ, что она упорствуетъ въ своихъ чувствованіяхъ, то изъяснилъ ей о приключеніи Капитана *Андерсона* и о томъ щастіе, съ каковымъ уничтожилъ все сіе дѣло. Онъ ласкается, что затрудненіе, которое онъ находилъ до сего времени, дабы склонить свою сестрицу принимать его попеченія, происходило отъ замѣшательства, въ коемъ она находилась; а какъ теперь состояніе ея перемѣнилось, то онъ конечно найдетъ въ ней болѣе разположенія къ принятію оныхъ. Онъ присовокупляетъ, что естли въ томъ успѣтъ: то не сумнѣвается, чтобъ она не возблагодарила его за его постоянство. Теперь, сударыня, прошу я вашу мнѣнію. Думаете ли вы, что *Шарлотта* можетъ быть убѣжденна любовію и снисхожденіемъ? Говорили ли вы ей, по своей милости, что вышедши за мужъ за такого человѣка, коего дарованія почитаетъ она ниже своихъ, должна она употребить столько стараній къ истребленію своей живости, какъ будто бы различіе достоинства относилось въ пользу ея супруга? Позвольте мнѣ еще присовокупить, что естли будетъ она способна, обязавшись клятвами, платить за его нѣжность презрѣніемъ и принимать съ человѣкомъ ея любящимъ такія вольности, кои могутъ сдѣлать его омерзительнымъ, равно и самое ее въ глазахъ публики, то я принужденъ буду позабыть, что имѣю такую сестру; ибо когда дѣло будетъ идти о справедливости, то права родства и дружбы исчезаютъ.

Сей примѣръ не доказываетъ ли, *Люція*, что великодушіе и милость суть однозначущія слова?

Я увѣрена, Г. мой, возразила я, что естли *Милордъ* одаренъ столь хорошимъ свойствомъ, какъ о немъ говорятъ и естли нимало не будетъ оскорбленъ примѣтя въ своей супругѣ такую живость, которой самъ онъ дѣйствительно не имѣетъ, то *Миссъ Грандиссонъ* совершенно сдѣлаетъ его благополучнымъ? Развѣ она не одарена пленительными качествами? Не имѣетъ ли она великодушія, нѣжности и состраданія? Вы конечно примѣтили въ ней всѣ сіи добродѣтели. И можно ли предполагать, чтобъ

ея любвидостойная живость превзошла когда ниестъ предѣлы благоразумія и кротости, чтобъ затмила тотъ важной долгъ, которой она намѣрена на себя наложить?

Очень хорошо, сударыня, и такъ я могу обрадовать *Милорда Ж...* извѣстя его, что отъ теперъ воленъ видѣть мою сестрицу, когда она возвратится въ Лондонъ; или естли сей отъѣздъ будетъ очень мѣдлительнъ, (ибо я предвижу его нетерпѣливость) то въ Колнеброкъ.

Я осмѣливаюсь сказать, Г. мой, что вы дѣйствительно его учинить можете.

Чтожъ касается до статей, то я беру сіе на мое попеченіе. Но пожалуйте напомните *Шарлотты*, что она нимало отъ меня не зависить. Естли она со временемъ узнаетъ совершенно свойства и поведеніе *Милорда Ж...* то конечно возчувствуетъ въ себѣ склонность оказывать ему то почтеніе, какое должна сохранять разумная жена къ своему супругу, я нимало не буду ее хулить хотя она ему и откажетъ, лишь бы только не держала его въ недоумѣніи, когда увѣрена о собственныхъ своихъ разположеніяхъ и возметъ въ примѣръ образецъ своего пола.

Я легко могла догадаться, кому относилось сіе засвидѣтельствованіе и едва не стала его за оное благодарить; но теперъ я весьма рада, что того не учинила.

Мнѣ кажется, сударыня, что мы уже все переговорили касательно сестры моей *Шарлотты*. Я уже писалъ къ *Кавалеру Ваткинсу*, прося его въ самыхъ учтивѣйшихъ выраженіяхъ, оставить тщетную свою надежду. *Милордъ* съ нетерпѣливостію ожидаетъ возвращенія моего въ городъ. И такъ я поѣду тѣмъ съ вѣщшимъ удовольствіемъ, что увѣренъ и ему принести великую радость.

Вы должны быть чрезвычайно щастливы, Г. мой, когда дѣлая безпрестанно добро принимаете великое участіе въ удовольствіи другаго.

Онъ оказывалъ, любезная моя, столь благородную кротость, что я говорила съ нимъ гораздо смѣлѣе нежели себѣ воображала идучи за нимъ въ библіотеку. Впрочемъ я ощутила присудствіе моего разума въ ту самую минуту, когда разговоры наши относящіяся до посторонней любви дѣлали меня важною особою: но мое вниманіе должно быть вскорѣ привлечено къ гораздо важнѣйшему предмѣту, какъ ты теперъ узнаешь.

По истиннѣ, сударыня, я весьма далекъ отъ моего щастія. Не должно ли мнѣ употребить всѣ свои старанія къ содѣланію благополучія другихъ, дабы имѣть хотя нѣкое право участвовать въ ономъ?

Вы несчастны, Г. мой.... Я замолчала, вздохнула, потупила глаза и взяла свой платокъ, боясь чтобъ не заплакать.

Я примѣчаю, сказалъ онъ мнѣ великодушное состраданіе смѣшенное съ любезнѣйшимъ любопытствомъ, на лицѣ самомъ для меня прелѣстнѣйшемъ. Сестрицы мои также много любопытствовали и

при вашемъ присудствіи. Естьлибъ я зналъ совершенно мою судьбу, то конечно бы ихъ удовольствовалъ, наипаче когда *Милордъ Л....* присоединилъ къ тому свои прозъбы. Я не преминулъ имъ сказать, какъ вы можетъ быть помните, что то время уже не далеко.

Помню, Г. мой.

Въ самомъ дѣлѣ, *Люція*, можетъ быть оно и скоро наступитъ. Не только могла я ето запомнить, но ничто такъ часто уму моему не представлялось какъ сіе обстоятельство.

Такъ, сударыня, оное время приближается. Хотя мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ до окончанія сего дѣла не открываться ни кому кромѣ *Доктора Барлета*, которому извѣстны всѣ обстоятельства сего дѣла и всѣ случаи моей жизни; но я чувствую, что сердце мое открывается вашему чистосердечію; если вамъ не противно будетъ меня выслушать, то я расскажу вамъ нѣкоторую часть моихъ замѣшательствъ и отдамъ на вашу волю увѣдомить о томъ *Милорда Л...* и моихъ сестрицъ. Вы всѣ четверо кажетесь одарены равнымъ разумомъ.

Я принимаю, Г. мой, весьма искреннее участіе въ вашихъ нещастіяхъ.... (самое искреннее участіе повторила невинная дѣвица трепеща; и тогда щеки мои по перемененно становились то холодны, то горячи, красны, и блѣдны и оказывали другіе признаки, коихъ онъ не могъ не примѣтить.) Но я почту вашу довѣренность за величайшую милость.

Меня прерываютъ, любезная моя, при вступленіи въ сіе важное повѣствованіе. Не будь нетерпѣлива. Я весьма сожалѣю и сама, что ето помѣшательство услышала.

Я не стану утомлять васъ, сударыня, повѣствованіемъ о моей молодости, которую я препроводилъ внѣ своего отечества, съ семнадцати до двадцати пяти лѣтъ. Однако оно содержитъ въ себѣ столько важныхъ случаевъ, сколько оныхъ можетъ произойти въ сіе первое время и въ жизни такого молодаго человѣка, которой никогда не имѣлъ удовольствія шествовать по труднымъ путямъ. Но послѣ того открытія, кое я желаю начать, *Докторъ Барлетъ*, съ коимъ я прожилъ около четырехъ лѣтъ въ столь тѣсной дружбѣ, коей можетъ быть никакого нѣтъ примѣра между двумя особами совершенно различныхъ лѣтъ, удовлетворитъ ваше любопытство гораздо обстоятельнѣе. Я долженъ здѣсь признаться въ тѣхъ выгодахъ, кои получилъ отъ его дружбы. Мнѣніе, какое я имѣлъ о ею праводушіи и его свѣденіяхъ, пріобучило меня не предпринимать ничего важнаго не предложивъ себѣ слѣдующихъ вопросовъ, коихъ пользу я безпрестанно испытывалъ въ поступкахъ моей жизни. „Какой отчетъ отдамъ я о семъ дѣлѣ *Доктору*? Если я поущу обладать себя такой-то страсти то признаюсь ли я въ томъ *Доктору*? Или сдѣлая подлой порокомъ, не представлю ли я ему оной съ хорошей стороны, и не скрою ли постыднымъ образомъ съ худой?„ И

такъ *Докторъ Барлетъ* заступилъ у меня мѣсто второй совѣсти. Если я сдѣлалъ какія въ моей жизни добрыя дѣла и удержался отъ ненавистнаго порока, то сіе происходило отъ того, что я ставилъ его какъ бы надзирателемъ надъ моимъ попеченіемъ. Сія помощь тѣмъ наиболѣе оказалась мнѣ необходимою, что я отъ природы былъ горячъ, гордъ и честолюбивъ и что съ самой моей молодости, простите мнѣ, сударыня, сіе тщеславіе, я оказывалъ великое вниманіе тому полу, къ коему никто и никогда не имѣлъ столько удивленія какъ я: его то старанію обязанъ я отвращенію, кое всегда имѣлъ къ вольнымъ женщинамъ, ни мало непрельщаясь достоинствами и красотою, кои суть обыкновенныя приманы большей части молодыхъ людей.

И такъ вы нимало не будете удивляться, сударыня, что имѣя такое разположеніе я пріобрѣлъ въ своихъ путешествіяхъ такія преимущества, коими не всѣ путешественники могутъ хвалиться. Долговременное мое пребываніе при знатныхъ дворахъ и частыя путешествія, кои я предпринималъ въ большіе города, понуждали считать меня за настоящаго жителя той земли, отличіе же, съ коимъ я всегда туда появлялся, доставляло мнѣ тѣ уваженія, кои французы и Италіанцы обыкновенно имѣютъ къ чужестранцамъ. Я по великодушію моего родителя, содержалъ себя весьма пышно. Соотечественники мои меня уважали, и я имѣлъ многія случаи быть имъ полезнымъ. Они выхваляли повсюду ту любовь, которую имѣлъ ко мнѣ мой родитель, его пышность и древнее благородство нашей фамиліи. Я видѣлъ наилучшія собранія, убѣгалъ проницствъ, принаровлялся къ предразсужденіямъ народа, но не простиралъ моего благоугожденія до рабства и не скрывалъ въ случаѣ нужды своихъ истинныхъ правилъ. Сіе поведеніе привело меня у нихъ въ почтеніе сверхъ моего желанія, и смѣло присовокупить могу, что и превыше моего состоянія. Я не сдѣлалъ бы вамъ, сударыня, столь лестнаго изображенія о моихъ качествахъ, еслибъ не почиталъ оное необходимымъ, дабы вамъ изъяснить ту милость, въ коей я себя видѣлъ во многихъ первѣйшаго достоинства домахъ и дабы извинить тѣмъ такихъ особъ, кои желали безъ всякаго затрудненія моего союза. *Милордъ Л...* говорилъ уже вамъ объ одной Флорентинской госпожѣ, называемой *Олівією*. Она дѣйствительно одарена отличными качествами. Порода ея весьма знатная. Она очень разумна, пленительна, пригожа въ обхожденіяхъ, при томъ обладаетъ знатнымъ имѣніемъ, коего, по смерти своей матери не имѣвшей другихъ дѣтей, осталась единою наслѣдницею. Въ первой разъ увидѣлъ я ее въ оперѣ. Случай, которой я имѣлъ при ней защищать нѣкоторую обиженную госпожу, доставилъ мнѣ великія похвалы; и *Олівія* превозносила меня за то похвалами во всякомъ собраніи. По томъ я имѣлъ, честь быть съ нею вмѣстѣ два или три въ такомъ домѣ, въ которой мнѣ входъ былъ позволенъ. Я весьма удалялся отъ той наружности, которая весьма легко возраждаетъ надежду: но

нѣкоторая особа имѣвшая ко мнѣ дружбу, дала мнѣ выразумѣть что отъ меня зависитъ мое щастіе совокупиться съ сею молодою особою. Я противуполагалъ тому различіе законовъ. Меня увѣряли, что сіе произшествіе легко можно уничтожить; но могъ ли я одобрить такую перемѣну, которой побудительная причина происходитъ отъ слѣпой страсти? Не лзя было по справедливости сдѣлать другаго возраженія противъ *Оливи*; ея добродѣтель была не порочна, но о ней говорили, что она повелительнаго и вспылчиваго нрава. А какъ мои понятія о любви были всегда тѣ же самыя: то я не могъ бы почестъ себя съ нею щастливымъ, хотя бы она принесла мнѣ съ собою власть надъ всѣмъ свѣтомъ. Я съ прискорбіемъ видѣлъ себя принужденнымъ сдѣлать ей сіе объявленіе. Тогда надлежало мнѣ оставить на нѣкоторое время Флоренцію. Я извѣстился что желаніе мнѣ мститъ заступило мѣсто страсти и что оно подвергнетъ меня нѣкоей опасности.

Колико сожалѣлъ я тогда видя себя изторгнутаго изъ природнаго моего убѣжища, изъ нѣдръ отечества и изъ объятій родителя! я былъ угрожаемъ въ столь нѣжное время всѣми нещастіями, могущими быть удѣломъ изгнаннику, такимъ образомъ почиталъ я себя часто таковымъ и тѣмъ болѣе оплакивалъ свое состояніе, что не токмо не имѣлъ причины укорять себя, что сдѣлался недостойнымъ любви моего родителя, но напротивъ того тѣ знаки, кои я безпрестанно получалъ отъ его родительской милости, заставляли меня гораздо больше желать возблагодарить ему за оныя у ногъ его.

При семъ должна ли я была воспрепятствовать глазамъ моимъ, любезная *Люція*, изъяснить чувствительность, къ толь пылкимъ выражениямъ сыновней горячности? Естли мнѣ должно было то сдѣлать, то весьма сожалѣю что не имѣла надъ собою болѣе власти. Но разсуди, любезная моя, сколь трогательны были его слова.

Онъ продолжалъ: сія вспылчивая госпожа приводила меня съ тѣхъ поръ въ различныя замѣшательства; и даже до сего времени.... Но я оставляю *Доктору* повѣствованіе сей части моей исторіи. Я желаю только въ короткихъ словахъ изъяснить вамъ о томъ случаѣ, которой возбуждаетъ любопытство въ *Шарлоттѣ*.

Я коснусь до того предмета, отъ коего происходятъ самыя чувствительнѣйшія мои безпокойствія, и которой возбуждая все мое сожалѣніе, хотя честь моя нимало въ томъ не причастна, терзаетъ дѣйствительно мою душу.

Въ сіе время я вдругъ почувствовала нѣкую боль, любезная моя *Люція*. Я едва не упала въ обморокъ. Страхъ, чтобъ онъ не почелъ сію перемѣну иначе нежели бы я того желала, ибо я не думаю чтобъ она отъ того происходила, послужилъ токмо ко умноженію оной. Хотя бы я и одна была, но ето конечно также бы со мною случилось. По крайней

мѣрѣ я увѣрена, что оно не произошло отъ того. Но сіе случилось весьма не во время, скажешь ты мнѣ, моя дарагая.

Онъ взялъ меня за руку со всѣмъ впечатлѣніемъ нѣжнѣйшаго участія. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ. *Миссъ Емилія* прибѣжала. Любезная *Миссъ*, сказала я ей наклонясь къ ней.... Извините, Г. мой,...., и вставши пошла къ дверямъ. Едва вышла я на чистый воздухъ, какъ почувствуя возвращеніе моихъ силъ, я оборотилась къ нему, а онъ во все сіе время слѣдовалъ за мною. Мнѣ теперь гораздо стало лучше, Г. мой, сказала я ему; и тотчасъ возвращусь къ вамъ для выслушанія слѣдствія важнаго вашего повѣствованія. Въ самомъ дѣлѣ я была уже здорова въ самое то время, какъ вышла изъ бібліотеки. Жаръ былъ тамъ чрезвычайной или можетъ быть я была весьма близко къ оному. Сіе точно такъ было, не сумневайся о томъ, *Люція*; и я это же самое сказала по возвращеніи, выпивъ стаканъ свѣжей воды.

Сколько нѣжности усматривала я во всѣхъ его о мнѣ попеченіяхъ! Онъ нимало не унижилъ меня, приписывая мой припадокъ своей повѣсти, или предлагая мнѣ прервать оную и отложить до другаго времени. Клянусь тебѣ, *Люція*, это такъ было. Я легко могла бы то различить. Но напротивъ того, поелику не всегда случается быть столь пораженною печальными случаями дабы в настоящее время рассмотреть ихъ, сообразить ихъ с моими размышленіями и узнать оныхъ слѣдствія, то я почувствовала великую твердость въ моемъ сердце. Нѣтъ ничего столь прискорбнаго, сказала я, какъ неизвѣстность. И такъ я теперь буду имѣть случай испытать твердость моего сложенія и надѣюсь выдержать столь же бодрственно какъ и онъ, то прискорбіе, кое я почитаю неизлѣчимымъ, по крайней мѣрѣ таковое разположеніе я чувствовала въ моемъ сердцѣ по моемъ возвращеніи. И такъ, любезная мая, ты можешь быть увѣрена, что моя перемѣна произошла дѣйствительно отъ чрезвычайнаго жару.

Такимъ образомъ вооружась всею своею бодростію я его просила опять начать свою исторію; но я облокотилась о мои креслы, дабы утвердиться противъ тѣхъ трепетаній, кои могутъ умножиться. Я еще не совсѣмъ освободилась отъ прежняго моего припадка, и ты легко можешь себѣ представить, *Люція*, что я не весьма бы желала, чтобъ онъ приписалъ оный тому впечатлѣнію, какое можетъ надо мною произвести его повѣствованіе. Онъ началъ продолжатъ оное въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Болонія и близъ оной лежащей Урбинъ заключаютъ въ себѣ два поколѣнія весьма благороднаго дому, подъ названіями *Маркиза* и *Графа делла Порретта*, производящіе отъ Князей Римскихъ, изъ коихъ многіе были Кардиналами при Папскомъ Престолѣ. *Маркизь делла Порретта*, имѣющей свое пребываніе въ Болоніи есть первый изъ знатнѣйшихъ особъ сего города. Супруга его не менѣе знатной породы и

присоединяетъ къ благородной крови кротость и милость и отличное благоразуміе. Они имѣють четырехъ дѣтей, трехъ сыновей и одну дочь.

(Ахъ! сія-то дочь! сказала я про себя.)

Старшій братъ служитъ у Короля обѣихъ Сицилій Генераломъ. Его почитаютъ честнымъ и храбрымъ человѣкомъ; но вспыльчивымъ, надмѣннымъ, наполненнымъ самимъ собою и своимъ произхожденіемъ. Другой братъ посвятилъ себя въ священннй чинъ, и въ скоромъ времени получилъ Епископство. Ни мало не сумнѣваются, чтобъ знатность его фамиліи и собственныя его заслуги не возвели его со временемъ на Кардинальское достоинство. Третій же, которой носить титло *Барона дела Порретта* и коего по большей части называютъ *Господиномъ Иеронимомъ*, служитъ у Сардинскаго Короля Полковникомъ. Сестра ихъ составляетъ кумиръ сей изящной фамиліи. Со всѣми пріятностями вида она одарена кротчайшимъ нравомъ Она имѣетъ высокія по справедливости мнѣнія о благородствѣ своего дома, честности своего пола, и о всемъ соотвѣтствующемъ ея характеру. Она превосходныхъ качествъ и снисходительнѣйшаго нрава. Всѣ ея братья, кажется любятъ ее болѣе самихъ себя. Ея родитель называетъ ее честію ея вѣка. Ея родительница для нее только и живетъ и находитъ все свое благополучіе въ любезной своей *Клементинѣ*.

[*Клементина!*] Ахъ! *Люція*, какое любезное имя.

Въ бытность мою въ Римѣ я свелъ весьма тѣсную дружбу съ *Г. Иеронимомъ*, а по прошествіи десяти мѣсяцевъ имѣлъ щастіе познакомиться и со всею его фамиліею, по крайней мѣрѣ по другому случаю а не по засвидѣтельствуванію моего друга, которой превозносилъ меня своими похвалами до чрезвычайности. Онъ одаренъ многими хорошими качествами; но къ несчастію вступилъ въ сообщество молодыхъ своевольцовъ, столь же знатныхъ, какъ и самъ, къ чему принуждалъ и меня. Я въ угожденіе ему былъ иногда въ ихъ собраніяхъ не для того чтобъ не зналъ развращенія ихъ нравовъ, но надѣясь открыть ему глаза и отвратить его нечувствительнымъ образомъ отъ столь опаснаго сообщества. Склонности его къ веселостямъ превозмогли мои совѣты и изящныя его качества. Такимъ образомъ дружба наша рушалась по причинѣ сего различія склонностей и мы разлучились прервавъ совершенно наше сообщеніе отдаленіемъ; но нечаянно мы соединились опять въ Падуѣ. *Иеронимъ*, которому пагубные случаи показали его заблужденія, признался мнѣ что онъ перемѣнилъ свои поступки и дружба наша искренно была возобновлена.

Однако она не долго продолжалась. Нѣкоторая женщина знатнаго достоинства, извѣстная болѣе по своей красотѣ нежели по добродѣтели, взяла надъ нимъ такую власть, противъ коей мои совѣты и его обѣщанія не могли его защитить. Я сталъ его за то укорять. Я напоминалъ ему о данномъ мнѣ его словѣ. Онъ разгнѣвался за вольность простительную

дружбѣ и столько ослѣпился своею страстію, что вышелъ изъ границъ природнаго своего свойства и озлобился до такой степени что началъ весьма обидно поносить своего друга. Дражайшей *Іеронимъ!* съ какимъ великодушіемъ позналъ онъ въ другое время тотъ поступокъ, которой тогда я къ его добру употреблялъ! Мы и въ другой разъ разстались и съ такимъ уже намѣреніемъ, чтобъ никогда не видаться.

Онъ слѣдовалъ за тою любовницею, которая была причиною нашей разлуки и препроводилъ уже нѣсколько мѣсяцовъ въ такомъ самаго себя забытіи. Тогда другой любовникъ сей госпожи, возревновавши столь продолжительнымъ предпочтеніемъ, вознамѣрился отдѣлаться отъ своего соперника такимъ образомъ, которой въ Италіи очень обыченъ. узнавши о времени его отъѣзда, когда надлежало ему по своимъ дѣламъ отправиться въ путь подговорилъ онъ нѣкоторыхъ разбойниковъ изъ Бресціи дабы его убить. Сіе злодѣяніе было, исполняемо не далеко отъ Кремоны. Они дожидались его въ небольшой роцѣ не далеко отъ большой дороги. Одно обстоятельство, которое назвать можно слѣпымъ щастіемъ, но которое гораздо лучше знающими именуется Провидѣніемъ, принудило меня ѣхать въ самое то время по сей дорогѣ съ двумя служителями ѣхавшими впереди моей коляски. Я увидѣлъ устрашенную лошадь, перебѣгающую черезъ дорогу, у коей узда была изорвана а сѣдло окровавлено. А какъ сіе зрѣлище ясно показывало опасность сидѣвшаго на ней, то я поверотилъ въ роцѣ; я тамъ увидѣлъ человѣка лежащаго на земли и защищающагося всѣми своими силами противъ двухъ убійцъ, изъ коихъ одинъ старался зажать ему ротъ а другой колоть его кинжаломъ. Я въ тужъ минуту выскочилъ изъ коляски, и побѣжалъ къ нимъ обнаживъ мою шпагу, крича чтобъ мои люди поспѣшали за мною, равнымъ образомъ притворясь кликалъ я ихъ такъ какъ будто бы оныхъ было со мною великое множество. Смертоубійцы обратились тотчасъ въ бѣгство, и говорили другъ другу, *убьжимъ, убьжимъ, онъ убитъ до смерти.* Таковое злодѣйство привело меня въ великую ярость и пустившись за ними въ слѣдъ, догналъ одного, которой остановясь началъ направлять противъ меня нѣкоего роду Пицаль; (*) но я весьма удачно отвернулъ ее одною рукою, а другою схватя убійцу повергнулъ его къ своимъ ногамъ. Я надѣялся было его удержать. Но увидя издалека, что товарищъ его возвращался къ нему на помощь, да и другіе два разбойника появились на лошадахъ, вознамѣрился я отступитъ. А какъ скоро люди мои прибѣжали ко мнѣ на помощь будучи весьма хорошо вооружены да и самъ почталіонъ оставя мою повозку бѣжалъ за ними; тогда *храбрецы,* кои по крайней мѣрѣ сочли что опасность для нихъ стала равна, пустились въ бѣгство будучи столько же тѣмъ довольны, сколько и я, увидя таковое ихъ намѣреніе. Послѣ сего я съ торопливостію прибѣжалъ къ тому несчастному

путешественнику, которой лежалъ на травѣ безъ чувствъ и весь въ крови. Сколько я изумился узнавъ въ немъ *Барона Делла Порретту!*

(*) Старинное ружье, имѣющее при себѣ для прицѣливанія сошку.

Онъ оказывалъ еще некія знаки жизни. Я тотчасъ послалъ моего человѣка за лѣкаремъ въ Кремону, между тѣмъ употреблялъ всѣ старанія къ перевязанію его ранъ, коихъ было три, на плечѣ, на груди и на правой лядвеѣ, изъ коихъ послѣдняя была самая большая. А какъ къ сей послѣдней не доставало уже у меня искусства, то я принужденъ былъ завязать оную своимъ платомъ дабы только удержать сильное теченіе крови. Оставшіеся со мною люди помогли мнѣ перенести его въ мою коляску, гдѣ я продолжалъ о немъ мое попеченіе, тогда увѣдомили меня что не въ дальнемъ разстояніи, въ той же рошѣ, нашли они его человѣка всего израненаго и привязаннаго къ дереву, а подлѣ его лежала убитая его лошади. Я приказалъ его привести и видя что онъ не въ состояніи былъ владѣть собою, уступилъ ему свое мѣсто подлѣ его господина. Послѣ сего отправились мы въ путь къ Кремонѣ, дабы скорѣе встрѣтиться съ лѣкаремъ, а я шелъ подлѣ коляски.

Иеронимъ находился еще и тогда безъ чувствъ; но по прибытіи лѣкаря, которой тотчасъ употребилъ всѣ способы своего искусства къ его вспомоствованію, открылъ онъ глаза; онъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и вскорѣ меня узналъ. Лѣкаръ увѣдомилъ его, что онъ обязанъ мнѣ своею жизнію. Тогда вскричалъ онъ, о *Грандиссонъ!* для чего не послѣдовалъ я вашимъ совѣтамъ! для чего не сдержалъ я своихъ обѣщаній! и осмѣлился еще съ подлостію поносить васъ: проститъ ли мнѣ его избавитель мой? Вы будете разполагать моею жизнію, вы будете ей путеводителемъ, естли Небо сохранить мнѣ оную.

Хотя его раны и несмертельны, но онъ никогда уже не возвратитъ прежняго своего здоровья; либо отъ того что не получилъ въ скорости себѣ помощи, или отъ своей нетерпѣливости; наипаче смотря по той ранѣ, которая на лядвеѣ и отъ которой онъ еще и теперь не выздоровѣлъ. Простите мнѣ сію подробность, *Сударыня*, поелику необходимо должно было о ней упомянуть; *Иеронимъ* находится въ такомъ состояніи, которое заслуживаетъ все ваше сожалѣніе.

Я препроводилъ его въ Кремону, гдѣ онъ по своей слабости принужденъ былъ остановиться. Тамъ посѣщенъ онъ былъ всею своею фамилією, которая съ великою торопливостію прибыла къ Нему изъ Болоніи. Никогда не видано было такой нѣжности между особами, происходящими отъ одной крови. Нещастіе одного составляетъ тоже самое и для другаго. *Иеронимъ* былъ до чрезвычайности любимъ отцемъ, матерью и сестрою, а кроткія его поведенія, ласковое его свойство, веселость и живость его разума заставляли всякаго человѣка искать его

дружества. Вы легко судить можеше, Сударыня, сколь высоко цѣнили они ту услугу, кою я имѣлъ щастіе ему оказать. Они осыпали меня ласками и похвалами а паче когда узнали, что я былъ тотъ самой, коего *Иеронимъ* неоднократно хвалилъ своей сестрѣ и братьямъ во время тѣсной нашей дружбы. Онъ разказалъ имъ о случаѣ произведшемъ между нами холодность, въ выраженіяхъ столькоже для меня похвальныхъ, сколько для себя унижительныхъ. Отчаянное состояніе, въ кое видѣлъ онъ себя поверженнымъ, принудило его почитать сіи признанія за необходимый поступокъ своего раскаянія. Во время же прилагаемыхъ мною о немъ попеченій онъ часто просилъ меня повторять ему тѣ совѣты и наставленія, въ коихъ онъ укорялъ себя, что ихъ презрѣлъ. Онъ неоднократно просилъ у меня прощенія за прежней свой со мною поступокъ, и когда о томъ говорилъ своей фамиліи, то съ преданностію ее просилъ считать меня, не токмо какъ спасителя его жизни; но какъ возстановителя его разума и нравовъ. Онъ до такой степени простиралъ великодушныя свои сожалѣнія, что показалъ то письмо, кое я къ нему писалъ прежде нашей разлуки, и кое содержало въ себѣ все что токмо дружба могла изобразить наитрогательнѣйшаго противъ пылкихъ склонностей къ распутству. Всѣ таковыя обстоятельства подали весьма высокое мнѣніе о моихъ правилахъ. И такъ благодарность не можетъ ли простираться еще далѣе въ столь чувствительной фамиліи? Такимъ образомъ родитель опечаливался тѣмъ, что не зналъ, чѣмъ засвидѣтельствовать свою благодарность такому человѣку, коего знатная порода и богатство превосходили все то, чѣмъ бы онъ могъ оказать оную. Родительница, съ толь любвидостойною вольностію, какую рѣдко можно найти въ Италіанскихъ госпожахъ, приказала своей дочери почитать меня за четвертаго брата, которой спасъ ей третьяго. *Баронъ* объявилъ что онъ во всю свою жизнь будетъ почитать себя несчастнымъ и что здравіе его никогда не можетъ возстановиться, естли онъ не удовлетворитъ чувствованій своего сердца какимъ ниестъ знаменитымъ дѣяніемъ, въ коемъ бы я самъ находилъ для себя честь и удовольствіе.

Какъ скоро пришелъ онъ въ состояніе ѣхать въ Болонію, то вся фамилія изыскивала всякихъ предлоговъ, дабы склонить меня за нимъ слѣдовать и удержать въ семъ городѣ. *Генералъ* склонилъ меня обѣщать ему, чтобъ какъ скоро братъ его согласится отпустить меня, съѣздить съ нимъ въ Неаполь. *Епископъ*, которой препровождаетъ въ Болоніи все то время, въ которое бываетъ свободенъ отъ своихъ должностей и которой весьма свѣдуецъ въ наукахъ, просилъ меня показать ему первыя правила Англинскаго языка. Тогда слава нашего *Мильтона* начала распространяться въ Италіи. *Мильтонъ* сдѣлался главнымъ нашимъ Авторомъ. Мы обыкновенно читывали въ покоѣ больного, для доставленія ему увеселенія. Онъ также желалъ быть моимъ ученикомъ. Его отецъ и мать часто бывали съ нами, и *Клементина* съ удовольствіемъ

съ ними приходила. Она также называла меня своимъ учителемъ; и хотя не такъ часто присутствовала при моихъ урокахъ какъ ея братья, но гораздо болѣе въ томъ успѣла, нежели они.

[Суинѣваешься ли ты о томъ, *Люція!*]

Хотя я и жилъ въ Италіи противъ моей склонности и желанія, но не сожалѣю о употребленіи моего времени въ столь любезномъ сообществѣ. Я былъ особливою почтенъ довѣренностію отъ *Маркизы*, которая открыла мнѣ всѣ сердечныя свои чувствованія и ничего не предпринимала безъ моихъ совѣтовъ. *Маркизь*, коего я не могу довольно восхвалить учтивости, никогда столько не чувствовалъ удовольствія какъ тогда, когда меня видѣлъ по среди своей фамиліи; и въ то время, когда мы не занимались чтеніемъ, любезная *Клементина* приписывала себѣ право приходить къ намъ съ своею матерью. Въ сіе самое время увѣдомили насъ, что *Графъ де Бельведере* возвратился въ Парму, дабы поселиться на мѣстѣ своего рожденія. Его родитель, которой былъ въ великой милости у Пармской *Принцессы* и которой послѣдовалъ за нею къ Испанскому Двору, скончался въ семь Королевствѣ. Съ самаго того времени, сей молодой господинъ ничего столько не желалъ какъ возвратится въ свое отечество съ безчисленными своими богатствами. Въ путешествіи своемъ черезъ Болонію онъ видѣлъ *Клементину* и пріѣхавши изъ Испаніи съ свободнымъ сердцемъ чрезвычайно въ нее влюбился. *Графъ де Бельведере* весьма любвидостойной человѣкъ. Его богатство и природныя его качества весьма были достаточны къ доставленію ему сего союза. *Маркизь* одобрилъ оный. *Маркиза* сдѣлала мнѣ честь говоря о томъ со мною нѣсколько разъ. Она можетъ быть почитала себя обязанною узнать о томъ мои чувствованія, поелику *Иеронимъ* объявилъ безъ моего на то согласія что онъ не знаетъ другаго средства къ возблагодаренію меня за тѣ услуги, кои я оказалъ фамиліи, какъ соединиться со мною родствомъ. *Докторъ Барлетъ* дѣйствительно увѣритъ васъ, Сударыня, какъ изъ чтенія моихъ писемъ, такъ и по тѣмъ подробностямъ, коими я теперь васъ обезпокоивать не намѣренъ, что въ Италіи, равно какъ и въ прочихъ земляхъ, есть довольно честности, снисхожденія и великодушія, и что обрѣтаются тамъ свойства совершенно господствующія надъ притворствомъ, мщеніемъ и ревностію, словомъ надъ тѣми презрѣнія достойными страстями, кои обыкновенно приписываютъ всему народу.

Чтожь касается до меня, коего почитали съ великою отличностію въ такой фамиліи, коей я совершенно зналъ знатность и добродѣтель; которой имѣлъ всегда случай удивляться молодой особѣ преисполненной изящными качествами которой сохранялъ даже до того времени вольность своего сердца; то совершенно было не возможно, чтобъ мое тщеславіе не было иногда возбуждаемо, и чтобъ между моими желаніями не находилось хотя ни единого къ такому сокровищу, кое

было всегда передъ моими глазами. Но я всячески старался утешать сколь скоро познавалъ оное. Я поставлялъ за подлую невѣрность къ такой фамилии, которая полагалась на мое свойство, оказывать хотя малѣйшее вниманіе тайными попеченіями или взорами. Гордость столь отличнаго дома, чрезвычайныя ея богатства, по крайней мѣрѣ для той земли, коей составляла она украшеніе, мое качество, какъ чужестранца, достоинство такой дѣвицы, за которую весьма иного сваталось, еще до прибытія *Графъ де Бельведере*, молодыхъ особъ высокой породы, изъ коихъ никто не получилъ ея сердца, ниже одобреній отъ ея фамилии; но наипаче, различіе закона, столь ясная привязанность *Климентины* къ своему, что весьма бы было трудно истребить въ ней и единую мысль переменить оной, и что нѣкогда, такъ я говорилъ о главныхъ правилахъ моего закона, она сказала съ нѣкою досадою, что весьма сожалѣть о томъ, что *Порретта* обязанъ жизни храбрости раскольника; всѣ сіи размышленія весьма превозмогали ту надежду, какую бы могло столь чувствительное сердце, какъ мое, сохранять отъ оказываемыхъ безпрестанно мнѣ милостей.

Все сіе происходило въ самое то время когда послѣднія возмущенія случились въ Шотландіи. Тогда ни о чемъ болѣе не говорили въ Италіи какъ о сей новости. Я долженъ былъ сносить радость и торжество отъ всѣхъ знатныхъ особъ принимавшихъ участіе въ пользѣ молодаго домогателя. Каждое извѣстіе, приходившее со стороны возмутителей, возвѣщало возстановленіе Римскаго закона; и *Клементина* весьма восхищалась тою надеждою, которую льстила въ скорѣ видѣть своего раскольника принимающаго ихъ законъ. Я претерпѣвалъ каждый день таковыя поздравленія, коими она чувствовала великое удовольствіе мучить меня на томъ языкѣ, коему я ее обучилъ, и на коемъ она весьма изрядно говорить начинала. Ревность моя къ природному моему закону принудила меня рѣшиться оставить на нѣкоторое время Италію, и отправиться въ Венецію, или къ которому нибудь изъ Нѣмецкихъ Дворовъ, кои менѣе принимали участія въ успѣхѣ сего дѣла. Я наиболѣе утвердился въ семъ намѣреніи изъ писемъ полученныхъ мною изъ Флоренціи, кои увѣдомляли меня о томъ, чего долженъ я опасаться отъ *Оливии*. Ея гнѣвъ, которой я почиталъ утушеннымъ съ того времени какъ оставилъ сей городъ еще болѣе воспламенился отъ тѣхъ извѣстій, кои она получала о моемъ пребываніи въ Болоніи. *Г. Жервинсъ*, которой меня о семъ увѣдомилъ, присовокупилъ что гораздо съ меньшею скромностію, нежели какая прилична была гордому ея свойству, говорила она явно о своемъ мщеніи. *Маркиза*, коей я первѣе всѣхъ сообщилъ о моемъ отъѣздѣ, весьма тѣмъ опечалилась; и будучи тогда занята симъ чувствованіемъ усильно меня просила пожить у нихъ еще нѣсколько недѣль; но скорѣ дала мнѣ знать съ такимъ чистосердечіемъ, какимъ обязаны была моею откровенности, о томъ страхѣ, какой имѣли они съ

своимъ супругомъ, чтобъ не влюбился я въ ихъ *Клементину*. Я увѣрилъ ее, что честь моя служила мнѣ защитою: а она съ своей стороны совершенно убѣдила въ томъ *Маркиза*. И такъ равнодушіе, кое они усмотрѣли въ своей дочери къ предложеніямъ *Графа де Бельведере*, принудило ихъ удостоить меня своею довѣренностію даже до того, что просили меня поговорить ей въ его пользу. Я оказалъ имъ сію услугу и имѣлъ съ нею переговоры, о чемъ *Г. Барлетъ* сообщитъ вамъ письменное извѣстіе, естли вы примите на себя трудъ прочесть оное. Хотя ея отецъ и мать не сказали мнѣ, что будутъ слушать нашъ разговоръ въ кабинетѣ находящемся подлѣ той горницы, въ коей я разговаривалъ съ ихъ дочерью; но сіе любопытство нималого не принесло имъ неудовольствія.

Время моего отъѣзда уже приближалось, а *Клементина* упорно настояла въ отказѣ *Графу де Бельведере*. *Иеронимъ* никогда не увѣдомляя меня, а почитая себя увѣреннымъ что я съ радостию приму ту честь, кою онъ помышлялъ мнѣ доставить, явно говорилъ въ мою пользу. Ему изъяснили тѣ препятствія, кои сами собою представлялись, то есть тѣ, кои относились къ моей землѣ и закону. Онъ требовалъ позволенія изъясниться со мною въ сихъ двухъ предметахъ и узнать тѣ причины, кои принуждали его сестру отказывать *Графу де Бельведере*. Ему позволено было меня испытать; но *Маркиза* приняла на себя трудъ переговорить съ своею дочерью и спросить ее о тѣхъ причинахъ, кои какъ кажется, подають ей отвращеніе ко всѣмъ домогателямъ.

И такъ въ тотъ же день призвала она ее въ свой кабинетъ. Она ничего не могла отъ нее получить кромѣ слезъ.

Молчаніе, коему никто не зналъ причины, ясно показало по прошествіи нѣсколькихъ дней, что сердце ея весьма стѣснено. Она чрезвычайно сердилась, когда ея задумчивость приписывали любви. Впрочемъ ея мать сказала мнѣ, что она подозрѣваетъ ее въ сей страсти, хотя и сама того не знаетъ. Она дала мнѣ выразумѣть, что не видно уже въ ней болѣе веселости, какъ тогда какъ учить уроки такого языка, которой по справедливости, присовокупила сія госпожа, не долженъ бы былъ никогда ее веселить.

(Присовокупила сія госпожа.... Охъ *Люція!*)

Задумчивость ея ежедневно умножалась. Они просили учителя сдѣлать нѣкія покушенія, дабы открыть причину ея страданій. Онъ сдѣлалъ имъ сіе угожденіе, хотя и усматривалъ въ томъ великія затрудненія. Оно не имѣло никакого успѣха. Всѣ примѣчали, что *Клементина* гораздо бывала веселѣе, когда съ нимъ находилась; но говорила мало. Однако казалось, что она съ великимъ удовольствіемъ его слушаетъ; и хотя онъ обыкновенно ей говорилъ на *Италіанскомъ* или *Французскомъ* языкѣ, но короткіе отвѣты получаемые имъ отъ ней были всегда на новомъ языкѣ, которой она учила. А какъ скоро онъ ее

оставить, то она перемѣняетъ видъ и устремляетъ всѣ свои мысли къ изысканію случая уйти изъ компаніи.

(Что думаете вы о моей бодрости, любезная *Люція*? Но любопытство меня подкрѣпляетъ. Когда будетъ время размышлять, сказала я про себя, тогда я все приведу себѣ на мысль.)

Родители ея находились въ глубочайшей печали. Они спрашивали о сей болѣзни у лѣкарей, кои единственно сказали, что болѣзнь ея есть любовь. Тогда сдѣлано ей подобное объявленіе, обѣщая притомъ всю снисходительность, какуюбъ ея сердце могло пожелать для избранія предмета: но она не могла еще сносить сего обвиненія. Нѣкогда сказала ей горнишная ея женщина, что она влюблена, тогда отвѣчала она: развѣ вы желаете, чтобъ я сама себя ненавиждла? Ея мать говорила ей о любви въ самыхъ благосклоннѣйшихъ выраженіяхъ, и какъ будто бы о страсти на законѣ основанной. Она слушала ее со вниманіемъ, но ничего не отвѣчала.

На канунѣ моего отъѣзда въ Германію данъ былъ въ сей любвидостойной фамиліи великолѣпной балъ въ честь такому человѣку, на котораго, изливали всѣ свои милости. Наконецъ согласились его отпустить, болѣе для того что желали испытать, какое произведетъ впечатлѣніе его отсутствіе надъ *Клементиною*. Ея мать отдала ей на волю быть и не быть при семъ торжествѣ. Она пожелала сдѣлать намъ честь своимъ присутствіемъ. Всѣ чрезвычайно были ради примѣтя въ ней такую веселость, каковой давно уже не видали. Она разговаривала съ живостію и здравымъ смысломъ ей свойственнымъ и жалѣла что я давно не уѣхалъ. Впрочемъ мнѣ весьма показалось странно, что оказывая всегда удовольствіе меня видѣть, даже и въ самой перемѣнѣ своего нрава, она изъявляла радость о такомъ отъѣздѣ, о коемъ всѣ по своему снизхожденію сожалѣли и которое должно было по видимому способствовать ея выздоровленію. Впрочемъ не примѣчено нималѣйшаго притворства ни въ обхожденіяхъ ея ни во взорахъ. Когда благодарили меня за то удовольствіе, которое доставлялъ я всей фамиліи, то она равномерно присовокупила къ тому и свою благодарность. Когда желали мнѣ здравія и благополучія, она говорила тоже самое, когда усиленно просили меня пріѣхать еще въ Болонію прежде возвращенія моего въ Англію, то и она тоже мнѣ предлагала. сердце мое весьма было тѣмъ облегчено. Я великое чувствовалъ удовольствіе о столь щастливомъ выздоровленіи. Наконецъ, когда я въ послѣдній разъ прощался, она приняла мои засвидѣтельствванія съ спокойнымъ видомъ. Я хотѣлъ поцѣловать ея руку: она сказала мнѣ, что избавитель ея брата долженствуетъ обходиться съ нею гораздо благосклоннѣе и склоняясь ко мнѣ представила мнѣ свою щоку. Да сохранить Боже, присовокупила она, моего учителя! (И да обратитъ васъ

къ правовѣрію, *Кавалеръ*,) примолвила она мнѣ по Англински и чтобъ вы всегда имѣли такого любезнаго друга, каковы были вы для насъ!

Г. *Иеронимъ* не въ состояніи еще былъ выходишь. изъ своей горницы. Я пришелъ къ нему проститься. О любезный *Грандиссонъ*! вскричалъ онъ прижимая меня въ своихъ объятіяхъ; и такъ это правда, что вы насъ оставляете! да низпошлетъ на васъ Небо вся благая! Но что будетъ съ братомъ и сестрою, кои васъ лишаются! вы меня очень обрадуете, сказалъ я ему, естли меня удостоите своимъ письмомъ черезъ моего человѣка, котораго я оставляю здѣсь на нѣсколько дней, и котораго буду дожидаться въ *Инсбрукъ*. Увѣдомьте меня о всей любезной вашей фамилии и о здравіи вашей сестрицы. Она будетъ и должна быть вашею супругою, возразилъ онъ, по крайней мѣрѣ естли всѣ усиленные мои старанія возымѣютъ какую либо власть. Для чегожъ вы насъ оставляете?

Я весьма удивился такому извѣстію, о коемъ онъ мнѣ никогда столь ясно не говорилъ. Тщетная его надежда, сказалъ я ему, есть множество препятствій.... Я ласкаюсь преодолѣть оныя, перервалъ онъ рѣчь мою, естли только ваше сердце не осталось во *Флоренціи*? А поелику они всѣ знали, по нескромности *Олівіи*, тѣ предложенія, о коихъ сія госпожа приказала меня извѣстити и то намѣреніе, кое я принялъ отвергнуть оныя, то я и увѣрилъ его что мое сердце свободно. И такъ условившись въ перепискѣ, простился я съ наиблагодарнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ.

Но съ какимъ прискорбіемъ узналъ я изъ перваго его письма, что радость его фамилии продолжалась не болѣе одного дня. *Клементина* паки впала въ болѣзнь еще опаснѣйшую. Позволите ли мнѣ изяснить вамъ, въ короткихъ словахъ, *Сударыня*, обстоятельства пагубнаго сего припадка?

Она заперлась въ своей горницѣ, не зная или ни мало не примѣчая, что горничная ея женщина была съ нею. Она ничего не отвѣчала на нѣсколько вопросовъ сей женщины, но сидя, обернувшись къ ней спиною а лицомъ къ кабинету находящемуся подлѣ той горницы она пребывала нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Потомъ протянувши голову, какъ будто бы старалась выслушивать лучше то, что ей говорятъ изъ кабинета, она сказала тихимъ голосомъ: „Онъ уѣхалъ; увѣряете вы меня? уѣхалъ на всегда! О! нѣтъ, нѣтъ!,,

Кто это, *Сударыня*? Спросила ее горничная ея женщина. Съ кѣмъ вы говорите?

Она все продолжала: „Мы конечно чрезвычайно ему одолжены. Спасти съ толикимъ великодушіемъ моего брата; гнаться за убійцами, и какъ мой братецъ говоритъ, положить его въ свою коляску, а самому идти пѣшкомъ.... Разбойники, какъ вы говорите, могли бы его самага убить. Ихъ лошади разтопали бы его своими ногами.,,

Она казалось всячески старалась прислушиваться, какъ будто бы ей кто говорилъ изъ далека. Горничная женщина зашедши впередъ отворила дверь кабинета и оставила ее разтворенною, дабы обратить на себя ея вниманіе прервавъ ея мысли; но она не преминула паки наклониться, какъ будто бы старалась не упустить ни единого слова изъ того, что ей говорятъ и отвѣчать спокойно на все ею слышанное. Потомъ засмѣясь принужденно : „Любовь! Ахъ! забавное мнѣніе! впрочемъ не обманываются, естли желаютъ сказать, что я обожаю всѣхъ и болѣе нежели саму себя.“

Таковое безпокойствіе принудило ея мать войти въ ту минуту въ ея горницу. Она поднявшись съ торопливостію затворила у кабинета дверь, какъ будто бы желая тамъ кого нибудь укрыть и бросясь къ ногамъ *Маркизы* съ униженіемъ просила ее оказать ей: милость полезную ея благополучію, то есть, позволенія вступить въ монастырь.

Съ самага того времени стало извѣстно, по нѣкоимъ признаніямъ доносящимся къ Англинскому учителю, что духовной ея отецъ, обезпокоясь не во время о своемъ законѣ, наполнилъ сію нѣжную душу такими страхами, кои затмили ея разумъ. Мнѣ кажется я уже вамъ сказалъ, Сударыня, что она одарена примѣрнымъ благочестіемъ и кротостію; но я уже весьма много занимаюсь симъ печальнымъ повѣствованіемъ. Оно производитъ великое впечатлѣніе, какъ я вижу, надъ нѣжнымъ сердцемъ *Миссъ Биронъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, любезная *Люція*, думаешь ли ты чтобъ я могла удержаться отъ слезъ? Нѣтъ, нѣтъ. Нещастная *Клементина*! Но я почувствовала въ сію минуту великое удовольствіе къ печальнымъ предметамъ и просила *Сира Карла* продолжать свое повѣствованіе. Я прошу васъ изъ милости, Г. мой, продолжайте, сказала я ему. Какое сердце не восчувствовало бы сожалѣнія отъ столь плачевнаго приключенія!

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что я найду въ его письмахъ, кои хранятся у Г. *Барлета*, всѣ желаемыя мною изъясненія; но что онъ хочетъ продолжать далѣе вкратцѣ, дабы тѣмъ уменьшить собственную свою печаль.

Всѣ лѣкарскія попеченія были безуспѣшны. Ея духовной отецъ, которой впрочемъ человекъ великодушной, поддерживалъ ее въ тѣхъ опасеніяхъ, кои ей внушалъ. Онъ видѣлъ Англинскаго учителя въ великой милости въ Болоніи, онъ зналъ до какой степени *Иеронимъ* почиталъ за долгъ довести свою благодарность и во многихъ разговорахъ, кои самъ онъ имѣлъ съ симъ любимымъ человекомъ, усмотрѣлъ въ немъ чрезвычайную привязанность къ своему закону. Опасаясь же перемѣны, кою почиталъ неизбѣжною всячески старался возбуждать въ мысляхъ молодой духовной своей дочери преніе между благодарностію и благочестіемъ, коему нѣжное ея сложеніе не могло сопротивляться.

Въ то самое время находилась во Флоренціи одна Англинская госпожа, которая видя свою бѣдность по смерти своего мужа, вступила по щастію во услуженіе въ одну изъ самыхъ благородныхъ сего города фамилій, отъ коей ея разумъ и поведеніе доставили ей столько почтенія и уваженія, что она уже съ нѣскольکو лѣтъ при оной находится. Хотя она и Протестанка, но надежда привести ее въ Римскую вѣру и дружба заставила господъ сего дома привлечь ее къ себѣ своими ласками и благодареніями. Гжа. *Бемонтъ*, [такъ называется сія Англинская госпожа] была съ ними неразлучна во всякой компаніи и казалось ежедневно пріобрѣтала новыя права на ихъ къ себѣ любовь. Нѣкогда ѣздили они съ нею въ Болонію для посѣщенія *Маркизы делла Порретта* и печальная сія мать сдѣлала имъ довѣренность въ своихъ нещастіяхъ. Онѣ совѣтовали ей, по тому мнѣнію, кое имѣли о благоразуміи Гжи. *Бемонтъ*, чтобъ препоручить *Клементину* на нѣкоторое время ея попеченіямъ и отпустить къ нимъ во Флоренцію. *Маркиза* на то согласилась и ея дочь нимало тому не противилась. Обѣ фамиліи и жили въ тѣсной дружбѣ; слава же Агличаики весьма тамъ разпространилась. И такъ *Клементина* отправилась во Флоренцію.

Позвольте мнѣ, Сударыня, для сокращенія моего повѣствованія, чтобъ я и сію подробность оставилъ *Доктору Барлетту*. Гжа. *Бемонтъ* проникши совершенно въ ея болѣзнь, немедленно о томъ увѣдомила фамилію. По сему-то извѣстію рѣшились они на новыя и усильныя прозбы Г. *Иеронима*. Они увѣрили *Клементину*, что употребятъ все свое стараніе исполнить ея желанія. Тогда-то призналась она въ любви своей и сіе признаніе столько ее облегчило, что она возвратилась гораздо спокойнѣе въ Болонію. Вся фамилія приняла намѣреніе возвратитъ учителя. Хотя предложенія, кои надлежало сдѣлать щастливому сему человѣку, расположены были по согласію; но они желали, дабы онъ прежде нежели съ ними изъяснится, повидался съ *Клементиною*, и при семъ поступили они невесьма благоразумно.

Въ самое то время находился онъ въ Вѣнѣ. *Иеронимъ* поздравлялъ его онымъ въ своемъ письмѣ со всѣми изрѣченіями нѣжнаго и исполненнаго благодарностію сердца, и думалъ что нашелъ наконецъ случай воздать ему за его услуги. Онъ далъ ему выразуметь, что договоры превзойдутъ его чаяніе, и видно что хотѣлъ тѣмъ сказать о разности имѣнія. Другъ его коему оказывали толикое уваженіе, чрезвычайно былъ къ тому чувствителенъ. Впрочемъ поелику онъ зналъ *Клементину* и ея фамилію; то весьма недовѣрялся, чтобъ можно было безъ труда всѣмъ согласоваться касательно закона и пребыванія. Сія мысль произвела въ немъ такія сумнѣнія, что онъ почелъ за долгъ уничтожить совсѣмъ свои намѣренія.

Онъ отправился въ Болонію. По прибытіи его, позволено ему было видѣться съ *Клементиною* въ присутствіи ея матери. Колико прелестей

усмотрѣлъ онъ въ благородномъ чистосердечіи и той и другой! Сколько былъ онъ тронутъ нѣжнѣйшими лобызаніями *Іеронима* которой безъ всякаго затрудненія даже напередъ называлъ его своимъ братомъ! *Маркизь* съ толикою же нѣжностію призналъ его за четвертаго своего сына. Они обѣщались присоединить знатное приданое къ тому великому имѣнію, которое отказали *Клементинъ* два ея дѣда. Брачной обрядъ не далѣе намѣрены были отложить какъ до прибытія моего родителя, коего хотѣли просить въ Италію, дабы умножить свою радость его присутствіемъ.

Я не стану говорить о прочемъ поелику совершенно не возможно было согласиться на такія предложенія; то есть я долженъ торжественно отрещись отъ своего закона и жить въ Италіи, позволяя мнѣ токмо по прошествіи каждаго трехъ лѣтъ ѣздить въ свое отечество на нѣсколько мѣсяцовъ, при всемъ томъ дочь ихъ могу я взять съ собою только одинъ разъ если она на то согласится, и то на столько времени, какъ они заблаго разсудятъ.

Какимъ уныніемъ исполнилось сердце мое, видя себя принужденнымъ несоотвѣтствовать ожиданію толикаго множества честныхъ людей, кои питали ко мнѣ истиннѣйшія чувствованія почтенія и дружбы! Вы не можете себѣ представить, *Сударыня*, мученій моего сердца. Когда тотъ братъ, съ коимъ я былъ соединенъ нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ, испрашивалъ моего соболѣзнованія... когда сія превосходная мать заклинала меня имѣть состраданіе о ея дочери и о собственномъ ея сердцѣ, и когда любвидостойная *Клементина* не говоря ни слова о самой себѣ, понуждала меня, для пользы души моей, вступить въ ихъ вѣру; то что вы о семъ подумаете, *Сударыня*.... Я примѣчаю что сіе повѣствованіе причиняетъ вамъ сильное движеніе.

[При семъ онъ остановился; утиралъ платкомъ глаза свои, равномѣрно и я тоже дѣлала. Какое печальное повѣствованіе, любезная *Люція*!]

Какимъ образомъ, *Г.* мой, сказала я ему прерывающимся голосомъ..... могли вы противиться?

Удостоверень будучи о правотѣ моего закона и привержень по многимъ причинамъ къ мѣсту моего рожденія, могъ ли я то исполнить не пожертвовавши моимъ Создателемъ и отечествомъ? Но я старался изыскивать способы ихъ согласить. Я предложилъ жить по переменѣно одинъ годъ въ Англіи а другой въ Италіи, если дражайшая *Клементина* пожелаетъ на то согласиться; или если пребываніе въ моемъ отечествѣ ей не понравится, то я обѣщаюсь тамъ проживать только по три мѣсяца каждый годъ. Чтожъ касается до ея закона, сказалъ я, то я совершенно отдаю сіе на ея волю; и если Небо даруетъ щастливый плодъ нашему браку, то обѣщаюсь оставить ей попеченіе о воспитаніи дочерей, самъ же приму въ свое смотреніе воспитаніе сыновей моихъ, и это такое

условіе, на кое я надѣюсь получить согласіе и отъ самаго Папы, поелику оно не есть безпримѣрно. И такъ не довольно ли я жертвовалъ единственно изъ состраданія и любви? Чтожъ могъ я болѣе сдѣлать?

Но нашли ли вы, Г. мой, сопротивление на сіи предложенія отъ *Клементины*?

Ахъ! несчастная дѣвица! сія самая мысль и усугубляетъ мою печаль. Она бы на оныя согласилась: она ничего не щадила для полученія согласія отъ своей фамиліи на сихъ договорахъ. И сіе стараніе оказанное въ мою пользу, сколь ни привержена была она къ своему закону, возбудило всю мою благодарность и состраданіе. Но какіяжъ печальныя произшествія насъ постигли! Отецъ позабылъ то снисхожденіе, какое обѣщаль. Мать правда была посредвенницею и самый младшій изъ трехъ братьевъ на всегда пребудетъ твердъ въ мою пользу, но *Маркизь*, *Генераль*, *Епискомъ* и все поколѣніе *Урбиновъ* были непреклонны, наипаче ожесточась моими затрудненіями они начали поступать со мною такъ какъ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ или бродягою, для коего ихъ союзъ былъ столько же славень, сколько мой унижителенъ для толь отличной фамиліи. Словомъ, мнѣ позволяли и даже понуждали оставить *Болонію*, не давъ мнѣ и той свободы, дабы лично съ несчастною *Клементиною* проститься, хотя она просила сей милости на колѣнахъ. Но какіяжъ были отъ того слѣдствія? Вы узнаете о томъ отъ Г. *Барлетта*. Злощастная *Клементина*! Теперь просятъ они меня опять въ *Болонію*. Сожалѣнія достойная дѣвица! какая можетъ быть ихъ надежда?

По окончаніи сихъ словъ, онъ мнѣ показался въ такомъ смущеніи, что не могъ бы отвѣчать на мои вопросы, хотя бы я и въ силахъ была требовать отъ него другихъ изъясненій.

О *Люція*! о дражайшіе мои друзья! теперь вы видите и основаніе тайны. Могу ли я быть столь же несчастна какъ онъ и его *Клементина*! Г. *Барлеттъ* справедливо говоритъ, что *Сиръ Карль* несчастливъ. Онъ самъ можетъ увѣрить, что довольно претерпѣлъ и отъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ. Онъ можетъ жаловаться, что многія ночи проводитъ безъ сна. Несчастная *Клементина*, повторяю я послѣ его. Скажемъ также, несчастный *Сиръ Карль*! Но когочъ, любезная моя, считаешь ты щастливою? Конечно не твою

Генріетту Биронъ.

ПИСЬМО LVII.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Тогожъ дня.

Печальные мои мысли принудили меня оставить перо: но теперь начинаю я писать другое письмо. Я не намѣрена уже оканчивать оное на такомъ мѣстѣ, на коемъ я въ первомъ остановилась.

Сирь Карлъ видя сколько я была тѣмъ тронута позабылъ собственную свою печаль, дабы возхвалить во мнѣ то, что называетъ человѣколюбіемъ. Я нѣсколько разъ ссылался вамъ, сказалъ онъ мнѣ, на изъясненія *Доктора Барлета*. Я попрошу его сообщить вамъ всѣ тѣ подробности, кои онъ отъ меня получилъ. Вы, *Сударыня*, принося великое утѣшеніе друзьямъ вашимъ своими письмами, можетъ быть същете въ такой исторіи чѣмъ можно удовольствоваться ихъ любопытство. Я могу положиться на ихъ скромность; ибо не отъ одной ли крови они съ вами происходятъ?

Я поблагодарила его однимъ только наклоненіемъ головы: я не въ состояніи была учинить другаго.

Я уже сказалъ вамъ, *Сударыня*, что весьма много тронуть былъ сожалѣніемъ, но честь моя непорочна: такъ думаю я о моемъ состояніи. Когда вы разсмотрите все, что сообщить вамъ *Докторъ Барлетъ*, тогда удобнѣе можете судить о истиннѣ обстоятельствъ. Нѣтъ ни одной въ свѣтѣ женщины, коей бы почтеніе было для меня драгоцѣннѣе почтенія *Миссъ Биронъ*.

Все то что я слышала, сказала я ему, не довольноли бы было для всякаго человѣка желать чтобъ несчастная *Клементина*.... Ахъ *Люція*! голосъ мнѣ измѣнилъ: я обличила себя лживостію. Однако не должна ли я на глубинѣ моего сердца окончить то, что хотѣла выразить словами? Вѣрь, любезная *Люція*, что сердце стѣсняется отъ любви. Я утвердилась въ томъ повторяемымъ опытомъ! не всегда ли меня почитали доброю, великодушною и несамолюбивой? Каковажъ я теперь?

Наконецъ, *Сударыня*, началъ онъ опять свой разговоръ.... и не продолжая далѣе, хотѣлъ взять меня за руку, но съ такимъ видомъ, которой ясно показывалъ его замѣшательство, съ такою нѣжностію, которая изъяснялась въ его взорахъ съ такимъ почтеніемъ, каковое видно было во всѣхъ его поступкахъ.... Онъ только до оной куснулся и отдернувъ свою назадъ говорилъ: чтожъ сказать мнѣ болѣе, *Сударыня*? Я не понимаю, что долженъ къ тому присовокупить; но я вижу ясно, что вы имѣете о мнѣ сожалѣніе. Вы сожалѣете также и о несчастной *Клементинѣ*. Честь мнѣ запрещаетъ.... но честь мнѣ и приказываетъ.... однако я не хочу быть несправедливъ, неблагодаренъ и корыстолюбивъ! онъ всталъ со своего стула. Сколько я вамъ обязанъ, *Сударыня*, за то снизхожденіе, которое вы имѣли слушая мое повѣствованіе! я его употребляю во зло. Простите мнѣ за смущеніе разпространенное мною въ такомъ сердцѣ, которое способно къ столь нѣжному пристрастію, и оказавъ мнѣ глубочайшее почтеніе онъ удалился съ торопливостію, какъ будто бы опасался показать мнѣ все свое движеніе.

Послѣ сего я пребыла нѣсколько минутъ неподвижною или совершенною статуею, взирая то на ту то на другую сторону, какъ будто бы старалась сыскать свое сердце, и какъ почитала его пропадшимъ безъ всякой надежды, то источникъ слезъ, полившійся въ столь нужное время изъ глазъ моихъ, возвратилъ мнѣ прежнее чувство и движеніе. *Миссъ Грандиссонъ* видя что ея братъ вышелъ ждала нѣсколько минутъ, опасаясь чтобъ тонъ опять не возвратился; но услыша мои вздохи она прибѣжала ко мнѣ съ разпростертыми руками. О любезная *Генриетта!* сказала она обнимая меня; что съ тобою сдѣлалось? Сестрицу ли я свою обнимаю? родную ли свою сестрицу *Грандиссонъ*?

Ахъ, любезная *Шарлотта!* должно отрѣчься отъ всей надежды. Нѣтъ уже у васъ сестры. Это совершенно невозможно. Не должно о томъ болѣе и думать. Я знаю.... Но помогите мнѣ, помогите мнѣ выдти изъ сей горницы. Видъ оной мнѣ противенъ. [Закрывая рукою глаза мои и чувствуя слезы текущія подъ моими палцами....] слезы, любезная моя, кои я проливаю изъ сожалѣнія не токмо о себѣ, но о *Сирѣ Карлѣ* и о несчастной *Климентинѣ*, ибо не заключители вы изъ всего вами читаннаго, что случилось нѣчто въ Болоніи? И опершись на плечо *Миссъ Грандиссонъ* я поспѣшала выдти изъ библіотеки въ свою горницу. *Миссъ Грандиссонъ* хотѣла за мною слѣдовать. Нѣтъ, нѣтъ, сказала я ей, оставьте меня, оставьте меня хотя на четверть часа. Я приду къ вамъ сама въ вашъ кабинетъ. Она по милости своей удалилась. Я упала въ креслы и предалась на нѣсколько минутъ теченію слѣзъ моихъ; а изъ того ощутила нѣкое облегченіе къ принятію двухъ сестеръ, кои пришли держа другъ друга за руку, желая съ нетерпѣливостію подать мнѣ нѣкое утѣшеніе.

Но я не могла рассказать имъ обстоятельно о всемъ между нами происшедшемъ; я имъ только сказала, что все уже рѣшено; что ихъ братецъ сожалѣнія достоинъ; что онъ не заслуживаетъ никакой хулы; что еслии онѣ по милости своей оставятъ меня на нѣсколько часовъ для воспоминанія того что я наитрогательнѣйшаго слышала; то я сама къ нимъ приду и сообщу имъ повѣствованіе въ самой точности. Онѣ отъ меня ушли усмотря во мнѣ гораздо болѣе спокойствія.

Сирѣ Карлѣ вышелъ изъ кареты съ *Докторомъ Барлетомъ*. Онъ многократно навѣдывался о моемъ здоровьѣ, говоря своей сестрѣ *Шарлоттѣ*, что онъ опасается того движенія, въ кое меня привелъ печальными своими повѣствованіями. Еще до своего отъѣзда онъ приказалъ просить позволенія, чтобъ его уволили отъ стола. Сколько онъ соболѣзнованія достоинъ! Сколь чрезвычайна должна быть его печаль! Быть не въ состояніи видѣть насъ! Сидѣть съ нами! Я равномерно пожелала было извиниться будучи въ безпорядкѣ, но на то не хотѣли согласиться. Я пришла и сѣла съ ними за столъ. Сколь долго казалось мнѣ время за столомъ. Взоры домашнихъ были мнѣ весьма тягостны. Взгляды *Емилии* не менѣе меня отягощали; онѣ пылали любопытствомъ,

какъ я въ нихъ то усматривала, хотя сама она не знала къ чему, но вѣроятно по нѣкоему пристрастію и въ томъ предположеніи, что не все идетъ по ея желанію.

Она за мною послѣдовала увидя, что я пошла въ свою горницу. Позволь мнѣ сказать одно слово, моя любезная *Миссъ Биронъ* [держа одной рукою за дверь и протягивая голову единственно для того дабы меня видѣть.] Скажите мнѣ что нѣтъ никакого несогласія между вами и моимъ опекуномъ. Я требую отъ васъ сей единой милости.

Нѣтъ, любезная моя, между нами никакого несогласія. Нѣтъ, нѣтъ, дражайшая моя *Емилиа*.

Слава Богу! [соединя свои руки съ великимъ пристрастіемъ, и повторяя] слава Богу! естли бы вы были -между собою несогласны, то я бь совершенно не знала, чью держать сторону. Но я не желаю васъ безпокоить. Я иду прочь.

Не уходите, не уходите, любезная моя пріятельница! Остаься здѣсь, добросердечная моя *Емилиа*. Я подошла къ ней и взяла ее за руку. И такъ, любвидостойная дѣвица! говорите, желаете ли быть со мною?

Желаю ли я жить съ вами! Боже мой! ето составляетъ самое пріятное изъ всѣхъ моихъ желаній.

Поѣдете ли вы со мною въ Нортгэмптонъ-Щиръ, любезная моя?

Хотя на край свѣта, Сударыня. Я буду первою вашею послѣдовательницею, и стану любить васъ болѣе нежели моего опекуна, естли возможно.

Ахъ, дражайшая моя! но какъ вы можете жить не видя иногда опекуна своею?

Какже? Витъ онъ безъ сумнѣнія будетъ жить съ нами.

Нѣтъ, нѣтъ, дражайшая моя. Вы конечно тогда лучше согласитесь жить съ нимъ нежели со мною; не правдали?

Простите меня, Сударыня. Я желаю, по истиннѣ, жить и умереть съ вами и увѣрена, что соболѣзнованіе его сердца часто понуждать его будетъ съ нами видѣться. Но вы плачете, дражайшая моя *Миссъ Биронъ*! скажите мнѣ, о чемъ вы плачете? Для чего говорите вы съ такою торопливостію и столь тихимъ произношеніемъ? Вы кажетесь мнѣ въ нѣкоемъ замѣшательствѣ....

Я говорю торопливо; произношеніе мое тихо, и я кажусь въ нѣкоемъ замѣшательствѣ.... премного благодарю васъ, дражайшая моя, за такое наблюдение. Я онымъ воспользуюсь. Теперь сдѣлайте мнѣ удовольствіе и оставьте меня.

Сія любезная дѣвица вышла на цыпкахъ. Но по истиннѣ я благодарила ее чистосердечно; ея наблюдение дѣйствительно мнѣ послужило. Но ты легко судить можешь, любезная моя *Люціа*, что я нѣсколько была обезпокоена. Тотъ видъ, съ коимъ онъ отъ меня удалился..... Не находишь ли ты въ томъ нѣчто особеннаго? Столь

поспѣшно удалиться! и не сказавши мнѣ ничего такого, которое не было бы сопровождено самыми нѣжными взорами; взорами, кои кажутся изъражали болѣе нежели его слова, приведши меня въ необходимость удалиться, не предложавши мнѣ своей руки дабы и меня равномерно вывести изъ смущенія! какъ будто бы.... я совершенно не понимаю какъ *будто бы что*, но ты конечно подашь мнѣ свое мнѣніе о всѣхъ ихъ обстоятельствахъ. Теперь же могу я сказать только то, что почитаю свою неизвѣстность оконченною и что мое состояніе отъ того не лучше стало. Однако.... Но къ чему служить сія мечтательная мысль? Не опредѣленоли уже Небомъ то, что должно случиться.

По полудни какъ *Сиръ Карлъ* и *Докторъ* еще не возвратились я вкратцѣ разказала *Милорду* и господамъ о всемъ между мною и ихъ братомъ происшедшемъ, не смотря на то что *Емилиа* была съ нами. Лишь только я окончила свое повѣствованіе и хотѣла удалиться въ свою горницу, то вошли къ намъ оба наши друзья. *Сиръ Карлъ* тотчасъ началъ приносить мнѣ свои извиненія за нанесенное имъ мнѣ безпокойство. При каждомъ его словѣ видно было его движеніе. Онъ запинаясь и трепеталъ. Для чего запинаясь, любезная моя, для чего трепетать?

Я ему отвѣчала и безъ всякаго затрудненія призналась, сколько печальное его повѣствованіе возбудило во мнѣ соболѣзнованія и просила его вспомнить о своемъ обѣщаніи. Онъ мнѣ сказалъ, что склонилъ *Г. Барлета* исполнить его обѣщанія, а добродушной *Докторъ* засвидѣтельствовалъ что для него нѣтъ ничего столь пріятнаго, какъ сіе упражненіе. А какъ я не далеко стояла отъ дверей, въ томъ намѣреніи дабы удалиться въ свой кабинетъ, то и послѣдовала прежнему моему предпріятію. При выходѣ моемъ, *Сиръ Карлъ* поклонился мнѣ очень низко не сказавъ ни одного слова, и я примѣтила что ему весьма хотѣлось, чтобъ я тамъ осталась. Но нѣтъ, по истиннѣ.

Впрочемъ, я соболѣзную о немъ отъ всего моего сердца. Слѣдственно весьма было бы странно на него досадовать! никогда толикое добродушіе, чувствительность и состраданіе, кои кажутся составляютъ главный источникъ его несчастій, не занимали всѣ вмѣстѣ мужескаго сердца.

Скажи, скажи мнѣ, любезная *Люція*.... Но нѣтъ, не говори мнѣ ничего, пока мы ни прочтемъ тѣхъ писемъ, кои я должна получить отъ *Доктора Барлета*, тогда уже будемъ мы извѣстны о всѣхъ подробностяхъ.

Въ Субботу, 25 Марта, по утру.

Онъ [но къ чему служить сей *онъ*; такое слово весьма маловажно? Слабость моего сердца приносить мнѣ стыдъ.] *Сиръ Карлъ* отправился въ Лондонъ. Не могши быть щастливымъ въ самомъ себѣ, онъ поѣхалъ искать своего удовольствія споспѣшествованіемъ благополучія другихъ.

Онъ будетъ тѣмъ веселиться подобно имъ самимъ. Нѣтъ драгоцѣннѣе небеснаго дара, какъ благотворительное сердце! хотя бы и всѣ возможныя нещастія обратились на человѣка сего свойства, то и тогдабъ не могли онѣ сдѣлать его совершенно нещастнымъ.

Въ Субботу въ обѣдъ.

Сиръ Карлъ уѣхалъ, и я только теперь окончила разговоръ свой съ *Милордомъ* и двумя господами. Что ты скажешь, *Люція*? Они всѣ почитаютъ себя увѣренными, что величайшее противоборство страстей *Сира Карла* и самое чувствительное его прискорбіе, происходятъ отъ.... Его противоборствіе страстей (по истиннѣ, я уже не понимаю, что пишу.... но я въ томъ ничего не перемѣню, любезная моя) состоитъ, или происходитъ, не такъ ли я сказала, отъ раздѣла между его состраданіемъ къ нещастной *Клементинѣ* и его любовію къ какой нибудь другой особѣ.

Но кто удовольствуется занимая половину сердца столь великаго, нѣжнаго и чувствительнаго, какъ я его почитаю? Состраданіе, *Люція*, состраданіе сердца *Сира Карла*! Сіе можетъ быть происходитъ отъ любви; да и не долженъ ли онъ чувствовать оную въ женщинѣ такого свойства? Но и сама *Люція*, не тронута ли ты состраданіемъ къ нещастной *Клементинѣ*? Сколь пагубна любовь ея! она любитъ, не смотря на законъ свой; то есть противъ своя склонности, или по крайней мѣрѣ подобно сему, такого человѣка, которой не можетъ быть ея супругомъ не нарушивъ своей совѣсти или честности. Любить противъ своя склонности! что значать сіи слова? Сколько глупости находится въ той страсти, кою называютъ любовію! или лучше сказать, сколько производитъ она глупостей въ тѣхъ, кои оной предаются! Я желаю, чтобъ моя любовь всегда была основана на такихъ правилахъ, кои не противны разуму и долгу. А тогда мои воспоминаенія и разсужденія не будутъ причинять мнѣ продолжительнаго прискорбія.

Конецъ четвертой части.